

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

**НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
В СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА,
ПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов по материалам
Международной научно-практической конференции
(Минск, 23–24 ноября 2023 года)

Минск
Международный университет «МИТСО»
2023

Редакционная коллегия:

кандидат технических наук, доцент, ректор Международного университета «МИТСО» *В. М. Поздняков* (гл. ред.);
кандидат юридических наук, доцент, первый проректор Международного университета «МИТСО» *Ю. Л. Шевцов*;
кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебной работе Международного университета «МИТСО» *М. А. Юрочкин*;
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО» *В. И. Берестень*;
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного университета «МИТСО» *В. Б. Шабанов*;
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина *А. Я. Гришко*;
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Международного университета «МИТСО» *В. Н. Вежновец*;
кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» *М. Н. Кустовский*;
кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО» *А. К. Лобанок*;
кандидат исторических наук, доцент кафедры международного права Международного университета «МИТСО» *А. В. Дягель*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь *В. А. Ананич*;
кандидат юридических наук, директор Научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь *И. А. Мороз*

Н97 Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 ноября 2023 г. / Междунар. ун-т «МИТСО»; редкол.: В. М. Поздняков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – 228 с.

ISBN 978-985-497-422-4.

Под эгидой Федерации профсоюзов Беларуси в учреждении образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО» организован Международный форум «Нюрнбергский процесс и современное международное право» (Минск, 21–24 ноября 2023 г.), приуроченный к Году мира и созидания, объявленному в Республике Беларусь в 2023 году.

Международная научно-практическая конференция «Нюрнбергский процесс в современных аспектах международного права, политики и истории» в рамках Форума объединила представителей научного и экспертного сообщества Республики Беларусь, Российской Федерации, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан.

В итоговый сборник конференции включены научные доклады, направленные на популяризацию знаний о правдивых итогах Второй мировой войны, недопущение ревизии и умаления решений Нюрнбергского трибунала.

Предназначен для профессорско-преподавательского состава учреждений образования, научных работников, политологов, экспертов, а также представителей государственных органов и иных организаций, а также для всех интересующихся данной тематикой.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

УДК 341.492.2
ББК 67.412.1

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Мороз И. А.

Стигматизация нацистских преступников
и их пособников как мера противодействия возрождению нацизма 8

Бекбоев А. А.

Фашизм – абсолютное зло
(философское и морально-этическое обоснование) 15

Качалов В. И.

Состязательность Нюрнбергского процесса – эталон на века.....20

Зиганшин Р. Р., Муратова Н. Д.

Значение Нюрнбергского процесса в формировании
международной уголовной юстиции23

Рахманова Е. Н.

Вклад Нюрнбергского трибунала в развитие международной
уголовной ответственности юридических лиц27

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 1 НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЛОКОСТ. ФАШИЗМ ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Дедковский А. А.

Проблемы определения цели при квалификации геноцида31

Дягель А. В.

Холокост: от дискриминационных законов до массовых убийств35

Леднёва А. С., Амельчиц А. А.

К вопросу героизации нацистских преступников и их пособников
в Канаде39

Лойко А. И., Лойко Л. Е.

Нюрнбергский процесс в аспектах исторической памяти
и правовой оценки преступлений фашизма43

Макарова М. Ю.

Наследие Нюрнбергского трибунала и суверенитет46

Попов И. В., Искевич И. С.

Идеология фашизма и нацизма в современной Европе49

Соркин В. С.

О холокосте в Республике Беларусь в 1941–1944 годах
XX столетия52

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 2 НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Авдей А. Г.

Нюрнбергский процесс над врачами: исторические
и правовые аспекты.....55

Алисиевич Е. С.

Значение Нюрнбергского процесса для развития
международного права в сфере защиты прав человека
при проведении биомедицинских исследований57

Асаёнок Б. В.

О совершенствовании законодательства Республики Беларусь
по вопросам противодействия пропаганде нацистской
и иных схожих идеологий62

Белова И. А.

Нюрнбергский процесс над судьями и проблемы правопонимания
в нацистской Германии.....64

Дашкевіч А. Л.

Канстытуцыйна-прававыя аспекты дзейнасці грамадскіх
фарміраванняў па захаванню гістарычнай праўды
і гістарычнай памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа
ў гады Вялікай Айчыннай вайны68

Иванова Т. П., Юран В. П.

Проблемные аспекты Нюрнбергского процесса72

Иванов С. А.

Нюрнбергский процесс и вопросы развития современного
международного гуманитарного права75

Искевич И. С., Халатян А. М.

Принципы международного права и итоги Второй мировой войны:
недопущение пересмотра79

Коротич Е. А.

Нюрнбергский процесс и его значение для развития
уголовно-правового запрета геноцида: de lege lata и de lege ferenda83

Левицкая Е. А.

Формирование правовых оснований легитимности
Нюрнбергского процесса87

Мезяев А. Б.

Является ли Гаагское правосудие преемником
Нюрнбергского процесса?91

Мороз Н. О.

Международно-правовой запрет пропаганды войны
в контексте приговора, вынесенного Нюрнбергским трибуналом95

Муратова Э. Ю., Муратов К. Д.

Уголовно-процессуальный опыт Нюрнбергского
и Токийского трибуналов: порядок судебного разбирательства99

Олейник В. В., Тычинская А. С.

Совершенствование системы подготовки военных юристов:
уроки Нюрнбергского процесса 103

Пухов А. А.

К вопросу об уголовно-правовой оценке деяний коллаборационистов
в годы Великой Отечественной войны 107

Саблин И. В.

Влияние Нюрнбергского процесса на развитие гуманитарного права
и национального законодательства..... 112

Сушкова Ю. Н., Овчаров А. В.

Нюрнбергский процесс в трудах и деятельности
П. С. Ромашкина..... 117

Талимончик В. П.

Значение Нюрнбергского процесса для формирования института
ответственности юридических лиц на основании норм
международного права 121

Третьякова Е. С.

Нюрнбергский трибунал и Нюрнбергский кодекс: уроки прошлого
в вопросах экспериментов над человеком..... 125

Халатян А. М., Искевич И. С.

Принципы международного права и итоги Второй мировой войны:
недопущение пересмотра 129

Юрочкин М. А.

Правовые и теоретические основы международного уголовного правосудия 133

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 3 НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Багандова Л. З.

Влияние Нюрнбергского трибунала на развитие международного права 138

Барабаш Н. В.

В тени Нюрнберга: юридически-правовая база открытых судебных процессов над немецко-фашистскими захватчиками в БССР в 1945–1947 гг. 141

Грибунов О. П.

Нюрнбергский процесс: нельзя допускать фальсификацию истории.... 146

Искевич И. С., Инякин В. Г.

Мировое значение Нюрнбергского процесса 150

Корсак А. И.

Военно-мемориальная сфера Беларуси в контексте современных реалий 153

Криварот А. А.

Месцы масавага знішчэння нацыстамі мірнага насельніцтва і ваеннапалонных на акупіраванай тэрыторыі Мінска і Мінскага раёна (1941–1944) 157

Кулеш А. В.

Нюрнбергский процесс и его влияние на развитие международного уголовного права 161

Кухарчук Е. И.

Нюрнбергский трибунал. Без срока давности..... 165

Ляцкая К. А., Городниченко А. Н.

Нюрнбергский процесс в глазах художника 168

Макаров В. М.

Нюрнбергский процесс в контексте неофашистского тренда Запада 172

Мушинский Н. И.

Суд в Токио как продолжение Нюрнбергского процесса:
роль США в развязывании WW-II и проблема справедливости 177

Назаров Р. Р., Алиева В. Р.

Историко-правовые предпосылки создания
международного военного трибунала 181

Пономарёв Д. А.

Личность Альберта Шпеера через дискурс-анализ его книг 190

Пономарёва Ю. В.

Нюрнбергский процесс в современной исторической
политике Польши на примере деятельности
Института национальной памяти..... 193

Сидоров А. В.

Современные метаморфозы политики памяти,
отражающей итоги Нюрнбергского трибунала..... 197

Татьянин Д. В.

Нюрнбергский процесс как основа современного международного
уголовного права и уголовного законодательства
Российской Федерации в части, предусматривающей
ответственность за военные преступления 200

Терехова Е. М.

Криминалистическая характеристика как основа методики
расследования реабилитации нацизма..... 204

Трубчик П. А.

Актуальные направления исследований по истории
Великой Отечественной войны в деятельности
Института истории НАН Беларуси на современном этапе 208

Шевцов Ю. Л.

Принципы современного международного уголовного права
в свете решений Нюрнбергского трибунала 213

Шумилов В. Г.

От Нюрнберга (1935) до Нюрнберга (1945): историография расовой
основы русофобии 219

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

СТИГМАТИЗАЦИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОЗРОЖДЕНИЮ НАЦИЗМА

Мороз И. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Научно-практический центр
проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь,
директор, кандидат юридических наук

Белорусский коллаборационизм периода Великой Отечественной войны представляет собой сложный феномен. Его изучение представляется важным в современных условиях не только для сохранения исторической правды и памяти, но и в целях определения стратегии противодействия экстремизму.

Образы руководителей и активных участников белорусских коллаборационистских структур (Белорусская народная самопомощь, Белорусская центральная рада, Белорусская самооборона и др.) нередко пытаются связать с национальным самосознанием, с белорусской государственностью, скрывая от общественности факт их соучастия в геноциде белорусского народа. Идеализация и героизация личности нацистских пособников создают предпосылки для возрождения нацизма – распространения нацистских идей и создания условий для их принятия обществом. Сначала навязывается положительный образ личности пособника нацистских преступников, а в результате каждый элемент этой личности, включая пронацистские убеждения и (или) стремление к участию в реализации планов геноцида белорусского народа, в общественном сознании получают положительную оценку. Неслучайно в Республике Беларусь предпринимаются меры по ограничению доступа к информационным ресурсам, изданиям, которые признаются экстремистскими в силу наличия признаков реабилитации нацизма.

Данный механизм позволяет также внедрять в общественное сознание в качестве истинных национальных атрибутов символику (бело-красно-белый флаг, герб «Погоня») и культурные традиции (празднование дня объявления БНР, возврат к устаревшим нормам белорусского языка), окончательно сформировавшиеся на территории Беларуси благодаря совместным усилиям немецко-фашистских оккупационных властей и белорусских националистов-коллаборационистов. Новые

символы и культурные традиции используются в экстремистской деятельности для дискредитации официально установленных государственных символов, традиционных устоев и для подрыва доверия населения к государству. На информационных ресурсах и в ряде изданий, признаваемых в Республике Беларусь экстремистскими, рассматриваемые коллаборационистские атрибуты позиционируются как признаки «истинной» белорусской нации. Те, кто эти символы в годы Великой Отечественной войны использовал, представляются якобы настоящими патриотами. Это также приводит к расколу в обществе, так как выделяются «настоящие», «подлинные» белорусы и «ненастоящие», «ущербные». Между тем материалы уголовного дела о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период ясно показывают, что эти самые культурные традиции и символы в период войны были чужды белорусскому народу и ассоциировались исключительно с пособниками немецко-фашистских захватчиков, с предателями Родины, участвовавшими в планомерном истреблении населения БССР. Что примечательно, следствием не установлено ни одного случая использования бело-красно-белого флага и герба «Погоня» в деятельности партизанских отрядов и антифашистского подполья [1, с. 135–138].

Представляется, что среди инструментов возрождения идеологии нацизма (положительный образ коллаборационистов, их символика и культурные традиции) ключевую роль играет именно личность коллаборациониста. Она является связующим звеном между нацистской идеологией, преступлениями нацистов и их пособников с символикой и традициями. Что касается символики и культурных традиций, то они формировались и использовались в разных исторических контекстах, в том числе не связанных с нацизмом. Только через связь с личностью коллаборационистов их атрибуты могут наделяться нужным смыслом и являться средством пропаганды нацистской идеологии.

В бывших советских республиках, пострадавших от немецко-фашистского геноцида в годы Великой Отечественной войны (в первую очередь Украины и стран Прибалтики), отчетливо проявляется эта закономерность. Действия, направленные на реабилитацию нацизма в этих государствах, были тесно увязаны с реабилитацией местных коллаборационистов. Эти события находят отражение не только в социально-политическом дискурсе, но и в правовой жизни государств – в нормотворческой и правоприменительной практике. Обобщенные данные указывают на то, что процесс возрождения нацизма включает четыре основных этапа, характеризующих изменение отношения общества к коллаборационистам: 1) примирение, 2) оправдание, 3) прославление, 4) подражание. Наиболее опасна последняя фаза, которая предполагает не только возрождение идей нацизма, но и нацистских практик,

в том числе геноцида. На каждом из этапов реализации этого процесса заметна роль государства.

Характерным признаком начального периода процесса возрождения нацизма являлось установление на официальном государственном уровне связей с эмигрантскими структурами, значительную часть которых составляли бывшие нацистские преступники и их пособники. Ярким примером такой эмигрантской структуры является общественная организация «Даугавские ястребы», которая создана бывшими латышскими легионерами СС. В 90-е гг. XX в. процесс примирения (первый этап возрождения нацизма) с нацистскими преступниками и пособниками в бывших союзных республиках, пострадавших от немецко-фашистского геноцида, был хорошо заметен. В рабочих визитах официальных представителей стран Прибалтики и Украины до настоящего времени проявляется стремление организовать официальные встречи с немногочисленными живыми бывшими нацистскими пособниками в эмиграции и проявить к ним особое уважительное отношение. Наиболее яркий эпизод, вызвавший большой резонанс со стороны мирового сообщества, – чествование бывшего украинского эсэсовца Ярослава Гунько 22 сентября 2023 г. в парламенте Канады с участием украинского президента.

Понятие «оправдание», используемое при анализе процесса возрождения нацизма, включает не только общественную или историческую оценку, но и оценку правовую. Примечательно, что националисты-коллаборационисты, нашедшие убежище в западных странах, не были осуждены и не понесли наказание. Отсутствие судебных решений было важным условием для оправдания их действий в глазах общества. Признаки юридического оправдания нацистских пособников проявляются в непринятии правоохранительными органами мер по розыску и аресту нацистских пособников, порой свободно посещавших постсоветские страны. Обычно речь идет о бездействии правоохранительных органов, так как юридических оснований освобождения от ответственности этих лиц не имеется.

Нацистским преступникам и их пособникам в Латвии, Литве, Украине и Эстонии воздвигаются памятники, их именами называются улицы, их «героический» образ вошел в школьные учебники и воспевается в художественных произведениях. Живых нацистских преступников и их пособников чествуют на официальном уровне. Этот признак рассматривается как свидетельство третьего этапа возрождения нацизма. Характерным примером являются выборы президента Литвы, на которых дважды одержал победу бывший нацистский пособник Валдас Адамкус (имя и фамилию сменил в США, где скрывался после войны от преследования за связь с немецко-фашистскими оккупантами).

Признаки четвертого этапа возрождения нацизма отчетливо проявились на Украине, где с 2014 года правозащитниками фиксиру-

ются практики, аналогичные практикам фашистской Германии [2–4]. Украинскими властями санкционировано создание добровольческих националистических парамилитарных вооруженных формирований (добровольческие батальоны «Азов», «Донбасс» и др.), аналогичных СС. Сходным с практикой фашистской Германии является также непривлечение к ответственности за призывы к убийствам жителей Украины в связи с их национальностью, политическими убеждениями или использованием русского языка в быту. Нельзя не заметить, что такая практика противоречит нормам Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.

В истории Республики Беларусь также был период активных попыток реабилитации белорусских националистов-коллорабационистов. С начала 90-х гг. прошлого века белорусское общество направлялось на путь примирения с нацистскими пособниками. Примером этого стало публичное празднование дня объявления БНР в 1993 году с приглашением белорусского коллаборациониста и одновременно руководителя коллаборационистской организации «Рада БНР» И. Сажича. Нацистского пособника и штатного нацистского пропагандиста чествовали как белорусского патриота. Во многих публикациях рассматриваемого периода отмечалась «неоценимая роль» Ф. Кушеля в формировании «белорусской армии». Произведение его супруги и по совместительству агитатора-коллорабациониста Н. Арсеньевой (Кушель) местными националистами предлагалось в качестве текста гимна Беларуси. Реабилитация в глазах белорусской общественности националистов-коллорабационистов потребовала при этом умолчать о том, что заслуги указанных лиц ранее были оценены военным трибуналом как тяжкие преступления против своего народа. Так, в письменных и аудиоматериалах Барановичского процесса (1962 г.) по обвинению охранников Колдычевского лагеря смерти из состава 13-го националистического белорусского батальона при СД содержатся неоспоримые доказательства вины белорусских националистов-коллорабационистов в жестоких массовых убийствах жителей БССР. Сегодня эти действия квалифицируются как геноцид.

Республика Беларусь, так же как и Российская Федерация, уделяет много внимания противодействию реабилитации и возрождения нацизма на законодательном уровне. В 1995 году на референдуме белорусский народ однозначно высказался против использования символики белорусских коллаборационистов в качестве государственных символов. Это стало важным решением, ознаменовавшим отказ от глорификации нацистских преступников и их пособников. В 2022 году принят Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», а также законы, предусматривающие уголовную ответственность за реабилитацию нацизма и отрицание геноцида белорусского народа [5–7]. Тем самым определены приоритеты государства в оценках идеологии

нацизма, а также действий нацистских преступников и их пособников. Наличие уголовной ответственности позволяет купировать любую активность, связанную с пропагандой нацистской идеологии.

Однако угроза возрождения нацизма не исчезла, и поиск оптимальных способов ее преодоления продолжается. Работа в этом направлении стала еще более актуальной с развитием информационных технологий и активизацией деструктивного внешнего влияния. Коллаборационистская символика и лозунги активно использовались в деятельности экстремистских формирований в 2020 году, а количество информационных ресурсов и печатных изданий, прославляющих белорусских националистов-коллаборационистов, за последние пять лет выросло кратно. Экстремистские ресурсы, как правило, содержат контент, прославляющий белорусских националистов-коллаборационистов. И это указывает на актуальность проблемы.

Кроме того, в ряде постсоветских стран (Молдова, страны Прибалтики, Украина) нацистские преступники и их пособники получили особый почетный статус либо статус, равный статусу ветеранов Великой Отечественной войны. Яркими примерами являются принятые парламентом Латвии декларация «О латвийских легионерах во Второй мировой войне», реабилитировавшей латышских легионеров СС [8] (положения акта противоречат приговору Нюрнбергского трибунала); парламентом Молдовы – закон «О ветеранах», уравнивший в правах и льготах ветеранов-освободителей и ветеранов, воевавших на стороне фашистской Германии [9]; парламентом Литвы – закон «О Декларации Совета движения за свободу Литвы», признавший действия коллаборационистского Временного правительства Литвы выражением воли литовского народа [10]; парламентом Украины – закон «О внесении изменений в Закон Украины "О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты" по усилению социальной защиты участников борьбы за независимость Украины в XX веке», наделивший украинских националистов-коллаборационистов почетным статусом «борцов за независимость Украины» [11]. В связи с тем, что многие коллаборационисты – уроженцы указанных стран виновны в геноциде белорусского народа, их глорификация создает для Беларуси дополнительную угрозу, связанную с реабилитацией нацизма. В указанных странах регулярно формируются сообщения и публикации, восхваляющие нацистских преступников и их пособников.

Информирование о преступлениях белорусских коллаборационистов в период Великой Отечественной войны в настоящее время является ключевым инструментом предупреждения экстремизма. В этой связи расследование уголовного дела о геноциде белорусского народа, инициированное Генеральным прокурором Республики Беларусь, имеет большое значение. Важным является и широкое информирование общественности о ходе и результатах расследования. Прежняя практика

замалчивания исторических событий и персоналий оказывается неэффективной и даже вредной в условиях открытого информационного пространства. Важно отметить, что действия многих нацистских пособников (белорусских, литовских, украинских и др.) не получили правовую оценку, так как преступники скрылись в США, Канаде и ряде других западных стран. Большинство из них уже мертвы, что не мешает деструктивным силам их глорифицировать. В этой связи абсолютно правильным и своевременным шагом со стороны Генеральной прокуратуры Беларуси было инициирование внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь и устранение препятствий на осуждение умерших соучастников геноцида.

Конечной целью расследования должен стать приговор, за которым, как нам представляется, должны следовать правовые последствия в виде особого правового режима распространения информации об осужденном. Целесообразным видится также дополнение Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» нормой, обязывающей сообщать о соучастии лица в геноциде белорусского народа в период Великой Отечественной войны и (или) послевоенный период при любом публичном распространении сведений о них. Предложенный механизм стигматизации нацистских преступников и их пособников позволит поддерживать в обществе отношение нетерпимости к идеологии нацизма.

Список цитированных источников

1. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.
2. Массовые нарушения прав человека в ходе гражданского противостояния на Украине, 2013–2014 гг. : годовой отчет IGCP / Группа информации по преступлениям против личности (IGCP) ; под ред. А. Р. Дюкова. – М. : Изд. центр фонда «Историческая память», 2015. – 344 с.
3. Мальцев, В. Преследования Украинской православной церкви в ходе конфликта на Украине, 2016–2018 гг. : доклад Межрегионального движения «За демократию и права человека» / В. Мальцев, В. Рогатин, В. Лактюшин. – М., 2019. – 176 с.
4. Мальцев, В. Жертва гражданской войны. Преследования Украинской православной церкви в ходе конфликта на Украине, 2014–2015 гг. / В. Мальцев // Группа информации по преступлениям против личности (IGCP). – М. : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. – 160 с.
5. О недопущении реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. О геноциде белорусского народа [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2022 г. № 146-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 мая 2021 г. № 112-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

8. Четырнадцатое заседание осенней сессии 6-го Сейма Латвийской Республики 29 октября 1998 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: saeima.lv/steno/st_98/st2810.html. – Дата доступа: 23.10.2023.

9. О ветеранах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Молдова // Министерство юстиции Республики Молдова. – Режим доступа: legis.md/cautare/getResults?doc_id=108093&lang=ru/. – Дата доступа: 23.10.2023.

10. О Декларации Совета движения борьбы за свободу Литвы [Электронный ресурс] : Закон Литовской Республики // Сейм Литовской республики. – Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.90678>. – Дата доступа: 23.10.2023.

11. Проект Закона о внесении изменений в Закон Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты» по усилению социальной защиты участников борьбы за независимость Украины в XX веке [Электронный ресурс] // Украинская Рада. Офиц. сайт. – Режим доступа: https://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_2?id=&pf3516=8519&skl=9. – Дата доступа: 23.10.2023.

ФАШИЗМ – АБСОЛЮТНОЕ ЗЛО (ФИЛОСОФСКОЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ)

Бекбоев А. А.

Кыргызская Республика, г. Бишкек
Академия труда и социальных отношений,
президент, профессор,
доктор философских наук

Нюрнбергский процесс был и остается ярким символом победы добра над злом, в нем фашизм как всемирное абсолютное зло был справедливо наказан в форме объективного судебного процесса. Этот процесс стал важным этапом в развитии международного права и установил прецедент для судебного преследования военных преступлений в масштабах мировой истории.

Историческое значение Нюрнбергского процесса: установил прецедент для судебного преследования лиц, совершивших военные преступления и преступления против человечности; способствовал развитию и утверждению международного права, включая законы во время войны и принципы, регулирующие поведение военных конфликтов. Кроме того, Нюрнбергский процесс впервые установил принцип, согласно которому высшие политические и военные лидеры могут быть привлечены к ответственности за преступления, совершенные во время войны. Упомянутый процесс обеспечил моральное и юридическое удовлетворение для многих жертв нацистских преступлений и их семей, давая им ощущение справедливости и возмездия за ужасные преступления, совершенные во время войны. Он стал символом мировой общности в борьбе с безнаказанностью и несправедливостью [5].

Морально-этическое значение Нюрнбергского процесса трудно переоценить в контексте истории и мировых событий, ибо он продемонстрировал приоритет справедливости и ответственности перед законом. Он напоминает о том, что у каждого человека есть незыблемое право на жизнь и защиту от пыток и жестокого обращения. Нюрнбергский процесс был символом триумфа правосудия над идеологией нацизма и тоталитаризма; показал, что мировое сообщество не останется безучастным к преступлениям против человечности и будет защищать ценности гуманизма; предостерег будущих лидеров, показав, что военные преступления и преступления против человечности будут преследоваться и наказываться. Нюрнбергский процесс также помогает сохранить память о жертвах Холокоста и других нацистских преступлениях. В целом Нюрнбергский процесс представляет собой не только важное юридическое историческое событие, но и моральный фундамент, который напоминает о важности справедливости, человеческих прав и уважения к жизни в любых обстоятельствах.

Если Нюрнбергский процесс – символ добра, то фашизм (и неофашизм) есть абсолютное зло. Ибо античеловеческие идеи фашизма наносят вред или причиняют страдания другим людям или обществу в целом. Неслучайно в соответствии с моральными и этическими нормами фашизм часто рассматривается как форма зла. Идея добра обычно связана с толерантностью, уважением к разнообразию и принятием различий между людьми. Фашизм, наоборот, часто поддерживает расовую или этническую чистоту и дискриминацию в отношении определенных групп людей. Идея добра часто включает в себя уважение к человеческому достоинству и правам человека. Фашизм, наоборот, часто подавляет индивидуальные права и свободы в пользу государственного контроля и диктата. Идея добра стремится к справедливости и равенству перед законом. В фашистских режимах существует неравенство и привилегии для определенных групп, что противоречит идеалам справедливости и равенства. Идея добра обычно поддерживает мир, сотрудничество между нациями и разрешение конфликтов мирным путем. Фашизм часто ассоциируется с агрессией, войнами и националистическими конфликтами. Идея добра поддерживает свободу выражения, выборы и участие граждан в управлении страной. Фашизм, наоборот, часто подавляет оппозицию и устанавливает авторитарный или тоталитарный режим.

Перефразируя Эко Умберто, можно констатировать, что фашизм «оформился в научную теорию, теория воплотилась в практику, к обществу обратились за поддержкой этой теории, в том числе и за поддержкой философской, и теория стала пропагандироваться в качестве образца к подражанию для всей планеты» [6, с. 156]. Идеи добра и фашизм представляют собой антагонистические концепции, поскольку фашизм в своей сущности подрывает основные человеческие ценности, уважение к человеческой жизни и свободам. Это противоречие делает фашизм весьма опасным и разрушительным явлением в контексте общества и человеческих отношений.

Во многих странах вполне справедливо фашизм ассоциируется с тиранией, нарушением прав человека, массовыми убийствами, геноцидом и другими формами жестокости и унижения. Эти аспекты фашизма делают его нравственно и этически неприемлемым с точки зрения большинства современных обществ и философских традиций. Фашизм подчеркивает национальную идентичность и превосходство своей нации над другими, которое может выражаться в форме расизма, ксенофобии и агрессивного национализма.

Философия фашизма – это идеологический каркас, на котором базируется фашистская система ценностей и убеждений. Фашистская философия выделяет национальные интересы и идентичность как основополагающие. Фашизм поддерживает идею корпоративной организации общества, где бизнес, профсоюзы и государство тесно сотрудничают для достижения национальных целей. Фашистская идеология подчер-

кивает приоритет военной мощи и готовности к войне, считая военные подвиги и завоевания ключевыми элементами для национального превосходства. Эмилио Джентиле называет важной чертой фашизма «корпоративную организацию экономики, которая подавляет свободу профсоюзов, расширяет сферу государственного вмешательства и ставит целью достичь... объединения "производящих отраслей" под контролем режима, сохраняя при этом частную собственность и классовые различия» [цит по: 9].

Неофашизм – это понятие, которое обозначает возвращение к фашистским идеям и принципам в современном контексте. Он обычно связан с радикальными и экстремистскими группировками и организациями. Хотя нет универсального определения неофашизма, существует несколько общих признаков, которые могут указывать на его присутствие в современном обществе. Неофашистские группы часто выступают за авторитарные методы управления и поддерживают сильное централизованное правительство. Неофашистские движения, как правило, используют современные методы манипуляции, дезинформации и фейковых новостей для влияния на общественное мнение и распространения своих идей. Некоторые неофашистские движения акцентируют внимание на национальных традициях, культуре и языке, выделяя их высшую значимость и отвергая влияние иностранных культур.

Идея однополярного мира и идеи неофашизма не являются непосредственно связанными, но они могут иметь некоторые схожие черты, особенно в контексте стремления к доминированию и контролю. Идея однополярного мира подразумевает стремление к установлению гегемонии одной сильной силы, государства или блока государств над всеми остальными. Это может включать в себя монополию на военную мощь, экономическое превосходство и политическое влияние в мировых делах. Идея однополярного мира была в основном ассоциирована с периодом после холодной войны, когда Соединенные Штаты были единственной супердержавой.

В однополярном мире доминирует одна сильная сила или супердержава, что может привести к неравенству во влиянии, а также к ограничению свободы и самоопределения других стран. Решения и политика в однополярном мире могут быть направлены на удовлетворение интересов доминирующей стороны, что может противоречить принципам демократии, основанным на уважении к множеству мнений и участию всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений.

Кроме того, в однополярном мире существует риск снижения прозрачности и четкости в принятии решений, что противоречит основным принципам открытости и демократического участия. Демократия стремится к включению граждан и разнообразных групп в общество в процесс принятия решений, в то время как однополярный мир может создавать условия для концентрации власти и влияния в руках ограниченного числа лиц или структур.

Известно, что демократия как политическая система обычно подразумевает участие множества заинтересованных сторон в принятии решений. Она способствует разнообразию мнений, защите прав человека и соблюдению принципов свободы, равенства и справедливости. В этой связи концепция однополярного мира может вызвать опасения относительно демократических принципов и ценностей, так как она может создать неравенство и ограничить участие различных акторов в процессе мирового управления.

Многополярный мир, в отличие от однополярного, предполагает существование нескольких центров власти и влияния в мировой политике. В таком мире разные страны и регионы имеют возможность участвовать в принятии решений и влиять на мировые события. В многополярном мире страны имеют больше возможностей для самоопределения и выражения своих интересов без доминирования одной государственной силы. Это способствует более равномерному распределению власти и ресурсов в мировых отношениях. В многополярном мире разнообразие стратегий и интересов содействует системе взаимного контроля и баланса, что может предотвратить монополизацию власти и уменьшить вероятность агрессивных действий со стороны одной супердержавы. В условиях многополярности государства могут быть более склонными к сотрудничеству и диалогу, так как никто не обладает абсолютным влиянием. Это может способствовать разрешению международных конфликтов мирным путем. Разнообразие культур, политических систем и экономических моделей в многополярном мире может стимулировать инновации и обмен знаниями, что способствует культурному и общественному разнообразию. Многополярность может создать больше возможностей для развивающихся стран, так как они могут выбирать партнеров и стратегии в соответствии с своими интересами, а не подчиняться диктату одного центра власти. Многополярный мир может быть более устойчив к глобальным кризисам, так как разнообразие и гибкость могут помочь странам быстрее реагировать и адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Эти аспекты подчеркивают важность разнообразия и уравниваемости в мировых отношениях и могут способствовать более стабильному и устойчивому мировому порядку.

Борьба с фашизмом требует согласованных действий на многих уровнях общества и мира в целом. Она начинается с образования и толерантности, а также с ясного осуждения идеологии экстремизма во всех ее формах.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что фашизм вызывает широкий спектр философских размышлений, и многие мыслители выражали свои взгляды на эту проблему: «Фашизм – это система государственной экономики, сочетающая в себе закрытость, открытость, агрессию и оборонительность» (Карл Поппер); «фашизм – это идеология своего рода крайнего консерватизма, которая не только хочет сохра-

нить все традиционные формы общества, но и усилить их»; «фашизм – это способность привязывать неприятие и агрессию к определенным этническим или идеологическим группам, пытаясь создать общество единства и чистоты за счет уничтожения или изоляции "чужеродных элементов"» (Эрих Фромм); «фашизм – это ужасающее искажение национализма, при котором он превращается в культ национальной надменности и агрессии» (Стивен Уайс); «фашизм – это не проявление силы, это проявление слабости» (Арнольд Йозеф Токарски); «фашизм – это не просто форма правительства, это форма общества, которое активно смотрит в прошлое, отвергает будущее и ненавидит настоящее» (Хорст Малер). Эти цитаты отражают разные философские точки зрения на фашизм и подчеркивают его опасные аспекты с позиции мыслителей разных эпох.

Список цитированных источников

1. Багдасарян, В. Э. Современный фашизм: новые облики и проявления / В. Э. Багдасарян, С. С. Сулакшин. – М. : Наука и политика, 2017. – 328 с.
2. Кошта Пинту, А. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период / А. Кошта Пинту // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2014. – № 4. – С. 70–90.
3. Манн, М. Фашисты. Социология фашистских движений / М. Манн ; под ред. А. Р. Дюкова. – М. : Пятый Рим ; фонд «Историческая память», 2019. – 592 с.
4. Морозова, Е. Б. Нацистский миф сквозь призму германо-скандиновской мифологии / Е. Б. Морозова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 397–401.
5. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И. А. Ледях и И. И. Лукашука. – М., 1995. – 263 с.
6. Умберто, Эко Пять эссе на темы этики / Эко Умберто ; пер. с итал. Е. А. Костюкович. – СПб. : Симпозиум, 2003. – 158 с.
7. Франкл, В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере / В. Франкл ; пер. с нем. – 9-е изд. – М. : Альпина нон-фикшн, 2021. – 239 с.
8. Хавкин, Б. Л. Фашизм и нацизм как системы ложных единств / Б. Л. Хавкин // Новое прошлое. – 2021. – № 4. – С. 196–212.
9. Иноземцев, В. Вставай, страна огромная: как фашизм возвращается 70 лет спустя / В. Иноземцев // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/politics/22/06/2015/5582da729a794713ec1a6b91>. – Дата доступа: 30.08.2023.

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА – ЭТАЛОН НА ВЕКА

Качалов В. И.

Российская Федерация, г. Москва
Российский государственный университет правосудия,
начальник Военного учебного центра
при Российском государственном университете правосудия,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
имени Н. В. Радутной,
доктор юридических наук, профессор

Правовой основой проведения Нюрнбергского процесса стали Соглашение между правительствами СССР, США и Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников Европейских стран оси (далее – Устав) [1] и Регламент Международного военного трибунала (далее – Регламент) [2, с. 165–172].

Вместо предлагаемых западными союзниками СССР вариантов внесудебных расправ над нацистскими преступниками, Нюрнбергский процесс стал эталоном правосудия, воплотив не только на бумаге, но и в реальности важнейшие фундаментальные принципы судопроизводства – законность, состязательность, справедливость, независимость суда.

Следует отметить, что процессуальные особенности Нюрнбергского трибунала были обусловлены следующими факторами: 1) данный процесс выполнял функцию, по своей природе ничем не отличающуюся от функции национального уголовного суда [3, с. 9]; 2) в процессе участвовали страны, относящиеся к различным правовым системам (англосаксонской и континентальной (в том числе социалистического права как разновидности континентальной модели).

К числу наиболее важных процессуальных особенностей Нюрнбергского трибунала следует отнести:

– симбиоз процессуальных правил, характерных для англосаксонской и романо-германской правовых систем. Так, например, к числу элементов англосаксонского процесса, применяемых в ходе Трибунала, относятся перекрестный допрос (ст. 24 Устава), присяга свидетеля (ст. 6 Регламента). Обвинительное заключение было подготовлено Комитетом обвинителей, в который вошли обвинители от СССР, США, Англии и Франции;

– процесс строился на основных демократических принципах правосудия, не утративших своей актуальности и по сей день (законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, обеспечения права на защиту, гласности, независимости суда);

– в ходе Нюрнбергского процесса действовал принцип свободной оценки доказательств. Согласно ст. 19 Устава, Трибунал не был связан формальностями в использовании доказательств, он устанавливал максимально быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускал любые доказательства;

– приговоры, вынесенные судами СССР в ходе национальных процессов над нацистскими преступниками (Краснодонский (1943), Харьковский (1943)), не имели преюдициального значения для Нюрнбергского трибунала, однако доказательства, собранные для них, были представлены и в Нюрнберге.

Состязательность процесса над нацистскими преступниками была не просто формально провозглашена, но и обеспечена реально. Функции обвинения, защиты и правосудия были разделены (ст. 23 Устава). Суд был независим от сторон и обеспечивал возможность реализации ими процессуальных полномочий. Подсудимый мог защищаться лично и с помощью защитника. Действовало правило об обязательном участии защитника, за исключением случаев отказа от защитника. Подсудимый мог пригласить любого защитника. Если защитник не приглашался подсудимым, его участие обеспечивал Трибунал. Подсудимых защищали 27 наиболее видных адвокатов Германии [4]. Согласно ст. 24 Устава, сторона защиты имела право представлять доказательства, заявлять ходатайства, подвергать перекрестному допросу любого свидетеля.

В ходе процесса было допрошено вдвое больше свидетелей защиты, чем обвинения. Всего в суде было заслушано 116 свидетелей, из них по индивидуальным делам: 33 вызванных обвинителями и 61 человек – защитниками [5, с. 19]. Документальных доказательств обеими сторонами представлено более 4 тысяч. И если на предъявление доказательств обвинения ушло 74 дня, то защита представляла доказательства 133 дня.

Не все из обвиняемых на Нюрнбергском процессе содержались под стражей. Каждый обвиняемый получал не менее чем за 30 дней до суда переведенные на понятный для него язык копии обвинительного заключения, Устава, других документов, приложенных к обвинительному заключению, и разъяснение его права на защиту в суде вместе со списком адвокатов.

Из проведенных в процессе Нюрнбергского трибунала 403 судебных заседаний не было ни одного закрытого. В ходе процесса велась стенограмма. Процесс велся одновременно на четырех языках, в том числе и немецком. Корреспондентам было отдано большинство мест в зале (250 из 350), они передавали сообщения о ходе процесса во все страны.

Двенадцать подсудимых Нюрнбергским трибуналом приговорены к смертной казни, три – к пожизненному заключению, четыре – к заключению на срок от 10 до 20 лет, три оправданы, в отношении одного производство по делу было прекращено виду неспособности к слушанию дела по состоянию здоровья обвиняемого [6, с. 990–996].

Таким образом, Нюрнбергский процесс и по сей день остается образцом справедливого и состязательного правосудия, гласности, независимости и открытости процесса.

Список цитированных источников

1. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] : [принят в г. Лондоне 08.08.1945] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1955. – Вып. XI. – С. 165–172.
3. Полянский, Н. Н. Международный военный трибунал / Н. Н. Полянский. – М. : Юридическое издательство Министерства юстиции, 1946. – 47 с.
4. Бойков, А. Д. Адвокаты в Нюрнбергском процессе / А. Д. Бойков // Ученые труды Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – М. : Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 3. – С. 5–15.
5. Зенов, В. Е. Значение Нюрнбергского процесса для правовой регламентации обеспечения права на защиту в рамках производства по уголовным делам / В. Е. Зенов // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 3. – С. 18–20.
6. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 2 т. / под ред. К. П. Горшенина, Р. А. Руденко, И. Т. Никитченко. – М. : Юридическая литература, 1954. – С. 943–1108.

ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

Зиганшин Р. Р.

Российская Федерация, г. Москва
адвокат Адвокатской палаты г. Москвы,
вице-президент Федерального союза адвокатов России,
руководитель комиссии по международному сотрудничеству
в сфере адвокатуры и адвокатской практики
Федерального союза адвокатов России

Муратова Н. Д.

Республика Татарстан, г. Казань
адвокат Адвокатской палаты Республики Татарстан,
управляющий партнер Адвокатского бюро
Республики Татарстан «Муратова и партнеры»,
кандидат юридических наук

Толчком к созданию Международного органа уголовного правосудия стала чрезвычайная жестокость, которую проявили фашисты и их союзники во время Второй мировой войны: массовые истребления мирного населения и пленных, другие ужасные преступления, жертвами которых стали десятки миллионов человек, требовали от мирового общества адекватной реакции. Уже во время Второй мировой войны разные государства неоднократно выступали с многочисленными декларациями о необходимости наказания немецких фашистов.

Среди таких деклараций можно выделить Заявление правительства Советского Союза от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровцев и их сообщников за преступления в оккупированных странах Европы», где, в частности, отмечалось, что «советское правительство считает необходимым подвергнуть суду специального международного трибунала и наказать согласно уголовному закону... главных германских преступников» [1, с. 21]. Также важное значение имеет и Московская декларация 1943 г., подписанная главами правительств СССР, США и Великобритании, об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства. Декларация касалась немецких офицеров и солдат, ответственных за убийства и другие преступления против мирного населения. Она предполагала будущую экстрадицию таких военных преступников в страны, где они совершили свои преступления. В ней особо подчеркивалось, что вопрос о наказании главных военных преступников будет решаться в особом порядке: «Данная Декларация не затрагивает вопрос главных военных преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств союзников» [2, с. 30].

Таким образом, Московская декларация 1943 г. установила принципы ответственности и подсудности немецких преступников. Гитлеровские преступники отсылаются в страны, где они совершали свои преступления, и осуждаются по законам этих государств, а правосудие над главными военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, будет совершаться на межгосударственном уровне.

На Берлинской конференции трех государств, проходившей с 17 по 25 июля 1945 г., было признано необходимостью наказать «главных гитлеровских преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом», по специальному судебному порядку [3, с. 48]. Уже в августе этого года в Лондоне представителями СССР, США, Великобритании и Франции была подписана договоренность о создании Международного военного трибунала для суда над главными военными преступниками европейских стран и принят Устав, которым определялся порядок организации Трибунала и процедура его работы [4, т. 1, с. 66–74].

Устав Международного военного трибунала содержал семь разделов, в которых определялись порядок его организации, юрисдикция и принципы деятельности, а также гарантии подсудимых, права Трибунала и порядок принятия решения [4, т. 1, с. 66–74].

20 ноября 1945 г. в Нюрнберге состоялось первое заседание Международного военного трибунала, а уже 1 октября 1946 г. Трибунал вынес мотивированный приговор, которым были осуждены 19 главных военных преступников [4, т. 7, с. 150].

Значение Нюрнбергского процесса выходит за рамки простого наказания преступников Второй мировой войны. Он впервые в истории подверг суду и вынес наказание виновникам агрессии. Как справедливо отмечалось, «нюрнбергский приговор означал установление прецедента уголовной ответственности государственных деятелей за агрессию» [2, с. 4]. Уже само содержание Устава Нюрнбергского трибунала является свидетельством продвижения международной уголовной юстиции, ее дальнейшего развития и прогресса. Именно им был определен круг общественно-опасных деяний, признаваемых международными преступлениями; это преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества. Приговор Международного военного трибунала также содержал указание на нарушение норм международного права (Версальского договора, Гаагских конвенций, Договора о ненападении и Пакта Бриана – Келлога).

Анализ приговора Трибунала также позволяет отследить и правовое обоснование индивидуальной уголовной ответственности за международные преступления. В нем, в частности, сказано, что «...международное право возлагает обязанности не только на государства, но и на отдельных лиц... а преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только через

наказание отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены нормы международного права...» [4, т. 7, с. 368]. Следовательно, этим лишь подтверждаются упоминавшиеся выше положения Версальского договора. Принцип неприкосновенности высших должностных лиц, который при определенных обстоятельствах защищает представителей государства, не может относиться к действиям, признаваемым преступлениями по нормам международного права. Лица, совершившие такие действия, не могут использовать свое должностное положение с целью уклонения от наказания.

При обосновании индивидуализации уголовного наказания приговор Международного военного трибунала ссылается на Устав. Сама сущность Устава, как отмечается в приговоре, «...заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязанности, превышающие национальную обязанность повиновения, определенную отдельным государством» [4, т. 7, с. 369]. Соответственно, ни одно должностное положение подсудимых не может служить основанием для освобождения от ответственности за международные преступления.

Следует отметить, что влияние Нюрнбергского процесса на возможность применения норм международного права к отдельным физическим лицам получило довольно разные теоретические толкования. По мнению одних ученых, этот процесс показал, что отдельные лица, безусловно, являются субъектами международного права и, таким образом, у них могут быть определенные международные обязательства [5, с. 19–29]. Другие ученые более осторожно трактовали эту проблему, отмечая, что этот процесс – всего лишь осуществление права государств-победительниц отнести к своей юрисдикции территорию противника, и потому как Устав Нюрнбергского трибунала, так и Нюрнбергский процесс – всего лишь единичные случаи наднациональной юридической системы. Государства-победительницы объединили свои юрисдикции и сделали то, что каждая из них могла сделать по отдельности [6, с. 37].

Нюрнбергский трибунал, согласно положениям своего Устава, распространял свое действие в пространстве только на главных европейских преступников, хотя известно, что к участию во Второй мировой войне были привлечены также и государства Дальнего Востока. Поэтому вполне закономерно, что в 1946 году был создан Международный суд для совершения правосудия над японскими военными преступниками, активно выступавшими на стороне немецких фашистов. Закономерным было бы и то, что организация такого суда, как и сам суд над японскими преступниками, проходили по Нюрнбергской схеме. Но важно отметить, что международная уголовная юстиция в этом случае отличалась определенными специфическими особенностями.

На дипломатических переговорах между заинтересованными государствами (СССР, США, Великобританией, Францией, Голландией, Новой Зеландией, Австралией, Китаем и Канадой) было решено, что

главных японских военных преступников будет судить Международный военный трибунал, в состав которого будут входить представители этих девяти государств. Позже к этой договоренности присоединились Филиппины и Индия.

Ответственность за реализацию этой договоренности на практике возлагалась на главнокомандующего союзническими государствами – генерала армии США Дугласа Макартура. На основании выданной им прокламации была юридически оформлена организация Международного военного трибунала в Токио для суда над военными преступниками Японии и утвержден Устав такого трибунала. В отличие от Международного военного трибунала в Нюрнберге, который, как уже отмечалось, был создан договоренностью представителей четырех стран, учреждение Токийского трибунала было оформлено единоличным приказом главнокомандующего на Дальнем Востоке на основании поручения одиннадцати государств. Такое обстоятельство свидетельствует об отличии в организации уголовного правосудия над военными преступниками Японии.

Устав Дальневосточного трибунала определял его задачи, организационную структуру и компетенцию, порядок судебной процедуры. Наряду с процессуальными положениями он содержал также и нормы материального права, определявшие составы преступлений, подсудимых Международному военному трибуналу. Настоящий Устав был разделен на пять разделов, содержащих 17 статей, тогда как Устав международного военного трибунала в Нюрнберге содержал семь разделов, включавших 30 статей.

Список цитированных источников

1. Полянский, Н. Н. Международное правосудие и преступники войны / Н. Н. Полянский. – М.-Л., 1945. – 541 с.
2. Полторац, А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы / А. И. Полторац. – М., 1966. – 351 с.
3. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций. – М., 1955. – Вып. XI. – 200 с.
4. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 7 т. – М., 1957. – 800 с.
5. Муратова, Э. Ю. Назначение и исполнение наказания в современном международном праве : монография / Э. Ю. Муратова ; под ред. А. Б. Мезяева ; вступ. ст. Г. Р. Шайхутдиновой. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 152 с.
6. Alf Ross. Loereborg i Folkeret. – 6th ed. – Copenhagen, 1984. – 493 с.

ВКЛАД НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА В РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Рахманова Е. Н.

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
Северо-Западный филиал
Российского государственного университета правосудия,
заведующий кафедрой уголовного права,
доктор юридических наук, доцент

Международное уголовное право как концепция существует на протяжении многих веков. Но благодаря Нюрнбергскому процессу сформировался комплекс новых общеправовых норм и концепций. Под влиянием решений Нюрнбергского трибунала в современном международном уголовном праве произошел отказ от «права сильного», воплощенного в «*jus ad bellum*», и обозначилось движение в направлении к признанию абсолютной ценности права на мир и на безопасность человечества.

Статья 6 Устава, как справедливо писали А. И. Полторак и О. И. Савинский, фактически представляет собой кодекс преступлений против мира и человечества [2, с. 370] и включает четыре основных пункта: заговор – сговор с целью участия в остальных трех пунктах, «преступления против мира» – фактическое планирование, подготовка и ведение агрессивной войны, иначе говоря, криминализация ведения войны с целью изменения статус-кво; «военные преступления» – категория, включающая убийства и жестокое обращение с солдатами и гражданскими лицами способами, не оправданными военной необходимостью, и другие преступления; «преступления против человечества» – бесчеловечные действия, совершенные против гражданского населения, в т. ч. «убийства, истребления и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет»¹.

К числу наиболее важных для международного уголовного права положений справедливо относят индивидуальную ответственность физических лиц, а также отсутствие должностного иммунитета (ст. 7).

¹ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1955. – Вып. XL. – С. 165–172.

В Уставе Нюрнбергского трибунала содержатся также ст. 9 и 10, которые, в отличие от положений об индивидуальной ответственности физических лиц, привлекают значительно меньшее внимание исследователей. Данные статьи признают преступными группы или организации, в которую входил подсудимый, в качестве самостоятельного субъекта международной ответственности. Причем в ст. 10 предусмотрено, что страны – участники Устава имеют «право привлечь к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию». То есть в Уставе была закреплена возможность привлечения к ответственности не только физических, но и юридических лиц.

Следует отметить, что фашистские преступные организации как были частью государственного аппарата, так и представляли многочисленные негосударственные организации и предприятия, в том числе корпорации и церковь.

В приговоре Нюрнбергского трибунала обращалось внимание на предоставление ему Уставом права «признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией» и что аналогичное положение содержится в законе Контрольного Совета от 20 декабря 1945 г. № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях против мира и против человечности», в котором указаны последствия принятия такого решения¹. При этом Трибунал указал, что, поскольку принцип индивидуальной ответственности является на данном этапе самым важным, «следует избегать массового наказания». Но «если Трибунал считает доказанной преступную виновность любой организации или группы, он должен без колебания признать ее преступной, не опасаясь того, что теория «преступности группы» является новой, или того, что она может быть несправедливо применена в последующих судебных разбирательствах трибуналами»².

Но несмотря на то, что в приговоре исследовалась противоправная деятельность целого ряда организаций, которые были признаны преступными, это не привело на тот момент «ни к формированию конструкции международно-правовой ответственности указанных организаций, ни к признанию их субъектами преступлений» [3, с. 23]. Можно согласиться с И. И. Лукашук, который писал в этой связи, что концепция преступной организации на тот момент имела своей целью в основном облегчить органам национальной юстиции уголовное преследование военных преступников [1, с. 123].

¹ Закон Контрольного Совета от 20 декабря 1945 г. № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях против мира и против человечности» // Нюрнбергский процесс : сб. материалов. – М., 1987. – Т. 1. – С. 159–164.

² Приговор Нюрнбергского трибунала. Полный текст [Электронный ресурс] // Тюрьма Шпандау. Западный Берлин. URL: <https://spandau-prison.com/prigovor-njurnbergskogo-tribunala-polnyj-tekst> (дата обращения: 21.10.2023).

Но сформулированная в Уставе Нюрнбергского трибунала концепция международно-правовой ответственности организаций за преступления в конце XX столетия приобрела новое звучание и стала актуальной.

В настоящее время принято значительное число конвенций, обязывающих либо рекомендующих государствам привлекать организации к уголовной ответственности. В их числе Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г.); Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Резолюция 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.); Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.; Конвенция ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2006 г.) и многие другие.

Данные документы либо фиксируют, что юридические лица могут привлекаться к уголовной ответственности в случае участия в совершении преступления или причастности к нему, либо содержат положения, касающиеся уголовной ответственности юридических лиц, либо круг преступлений, за которые может наступить уголовная ответственность юридических лиц. В число таких преступлений входят коррупционные деяния; отмывание доходов от преступлений; воспрепятствование осуществлению правосудия; участие в организованной преступной группе; террористические, экологические, компьютерные преступления, а также преступления, связанные с сексуальной эксплуатацией детей и с манипулированием спортивными соревнованиями, и др. [4].

Некоторые государства уже включили в свое уголовное законодательство нормы об ответственности юридических лиц, некоторые, в том числе и Россия, пока воздерживаются от подобного шага.

Что же касается ответственности на международном уровне, достаточно вспомнить в этой связи решения Совета Безопасности ООН, в которых он неоднократно обращал внимание на международную ответственность негосударственных групп, не являющихся *de jure* субъектами национального и международного права.

Несмотря на юрисдикционные препятствия, корпорации или корпоративное поведение явились также объектом пристального внимания современных международных уголовных трибуналов *ad hoc*. Следуя прецеденту, установленному Нюрнбергским трибуналом, Международный трибунал по Руанде привлек к ответственности руководителей корпораций за использование своих корпораций в совершении геноцида и иных преступлений¹.

В 2003 году первый прокурор МУС Луис Морено-Окампо публично заявил, что он готов расследовать и привлечь к ответственности руко-

¹ Nahimana et al. (Media case) (ICTR-99-52) [Electronic resource] // United Nations International Residual Mechanism for Criminal Tribunals. URL: <https://unictr.irmct.org/en/cases/ictcr-99-52> (date of application: 21.10.2023).

водителей корпораций за международные преступления или соучастие в них, предполагая, что корпорации могут способствовать поведению, которое ведет к нарушениям международного права, таким как геноцид и преступления против человечности, и, как следствие, возможно, чиновников компаний необходимо привлечь к ответственности [5]. Речь в данном случае шла о торговле африканскими кровавыми алмазами и ситуации в Демократической Республике Конго.

Такой вектор развития международного уголовного права, основанный на Нюрнбергском наследии, не только не противоречит, по нашему мнению, его базовым установкам, но и развивает дальнейшие основы ответственности негосударственных организаций за совершенные ими международные уголовные преступления.

И хотя в настоящее время доктрина в основном исходит из того, что корпорации не несут ответственности по международному уголовному праву за нарушения ими прав человека и гуманитарного права, тем не менее анализ наследия Нюрнбергского процесса, а также ослабление государства в условиях глобализации и той роли, которую сегодня играют транснациональные корпорации и международные неправительственные организации, позволяют утверждать, что корпоративная ответственность – одно из важных направлений современного международного уголовного права.

Список цитированных источников

1. Лукашук, И. И. Право международной ответственности / И. И. Лукашук. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 309 с.
2. Полторак, А. И. Вооруженные конфликты и международное право. Основные проблемы / А. И. Полторак, Л. И. Савинский – М. : Изд-во «Наука», 1976. – 217 с.
3. Чернядьева, Н. А. Тенденции становления международно-правовой ответственности преступных сообществ. Уроки Нюрнберга / Н. А. Чернядьева // Океанский менеджмент. – 2020. – № 4 (9). – С. 21–26.
4. Федоров, А. В. Основные положения международных договоров об уголовной ответственности юридических лиц / А. В. Федоров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2015. – № 3 (55). – С. 150–165.
5. Graff, J. Corporate War Criminals and the International Criminal Court: Blood and Profits in the Democratic Republic of Congo / J. Graff // Human Rights Brief. – 2004. – Vol. 11, № 2. – P. 23–26.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 1

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС, ХОЛОКОСТ. ФАШИЗМ ПОСЛЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ГЕНОЦИДА

Дедковский А. А.

Республика Беларусь, г. Минск

Международный университет «МИТСО»,

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,

кандидат юридических наук, доцент

Ключевое значение при определении обязательного признака субъективной стороны преступления (вины) имеет такой факультативный признак как цель. При определении вида умысла следует опираться на указание в уголовном законе специальной цели преступления. Сложно не согласиться с мнением, что при наличии в диспозиции статьи цели преступления вина заключается в прямом умысле. Действительно, косвенный умысел характеризуется нежеланием наступления общественно опасных последствий, сознательным их допущением и безразличным к ним отношением виновного лица. Если лицо совершает преступление, стремясь достичь определенной цели, сложно представить, что оно относится к результату своей преступной деятельности безразлично [1, с. 85].

Поскольку субъективная сторона геноцида включает специальную цель, то вина характеризуется в виде прямого умысла. В силу ст. 127 Уголовного кодекса Республики Беларусь специальная цель геноцида – планомерное уничтожение полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия.

Е. Г. Бурячкова предложила отграничивать геноцид от простого убийства именно по форме вины. В своей работе она отметила, «что в отличие от убийства геноцид не может быть совершен по неосторожности» [2, с. 47]. Но очевидно, что и убийство, согласно действующему законодательству, не совершается с неосторожной формой вины.

На наш взгляд, проблему представляет установление содержания умысла при совершении геноцида. Полагая, что объективная сторона геноцида не содержит такого признака, как наступление последствий, многие исследователи пришли к выводу, что волевой момент умысла при совершении данного преступления, проявляется в желании совершения действий, предусмотренных диспозицией этой статьи.

При совершении геноцида путем убийства или причинения тяжкого вреда здоровью лицо осознает общественную опасность действий, направленных на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, совершаемых путем убийства двух и более представителей этих групп или причинения вреда их здоровью, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий (в виде смерти двух и более лиц или тяжкого вреда здоровью двух и более лиц) и желает их наступления.

При совершении геноцида, всеми иными действиями лицо осознает общественную опасность действий, направленных на уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, осуществляемых путем насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы, и желает их совершения.

Интеллектуальный элемент умысла в отношении геноцида включает осознание общественной опасности совершаемых действий, направленных на уничтожение определенной демографической группы населения. Лицо должно осознавать, что своими действиями оно создает опасность для существования этих групп.

В деле «Prosecutor V. D. Tadic» отмечалось, что «осознание может фактически подразумеваться из обстоятельств». В связи с этим актуальными являются некоторые уголовные дела, рассматривавшиеся в Германии во время Второй мировой войны. В 1944 году два лица обвинялись в том, что сообщили полиции о том, что директор компании, в которой они работали, высказывает критику в отношении А. Гитлера. После этого директор был арестован, затем освобожден, а вскоре снова арестован и помещен в концентрационный лагерь. Оба обвиняемых были оправданы за отсутствием вины, так как у них не было конкретного представления о последствиях своих действий или неприязненного отношения к директору компании. Тем не менее вышестоящий суд вернул дело в суд первой инстанции, указав, что преступления против человечности не требуют конкретного представления о последствиях или неприязненного отношения.

Волевой же элемент охватывает желание лица совершить действия по уничтожению перечисленных групп. При рассмотрении дела «Prosecutor V. Z. Delalic, Z. Mucic, H. Delic, E. Landzo» Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии указал, что умысел виновных включает «как желание уничтожить как можно большее число защищаемой общности, так и желание уничтожить избранных представителей такой общности, важных для нее, – политических лидеров, религиозных лидеров, интеллектуальной элиты» [1, с. 86].

Наличие цели частичного уничтожения той или иной группы необходимо определить в случае стремления лица истребить территориально обособленную часть группы. Это могут быть, например, представители этноса, проживающие на территории государства, региона

в рамках государства. В случае компактного проживания этнической общности цель на ее частичное уничтожение может территориально определяться и границами города. Однако в данном случае территориально обособленная группа может рассматриваться и как самостоятельная общность, а не в качестве части большей группы. Например, в *решениях Международного трибунала по бывшей Югославии община боснийских мусульман в Сребренице выступала в качестве целой группы, а ее частями были признаны отдельные представители общности, объединенные на основе какого-либо признака. В данном случае имелась цель на полное уничтожение территориальной общины, исповедующей ислам, а не частичное уничтожение мусульман в целом* [3, с. 105–106].

Следует согласиться с В. Е. Саурди и признать, что цель на частичное уничтожение группы может состоять в субъективной направленности на «истребление всех взрослых ее членов, являющихся носителями культуры и менталитета этой общности, при сохранении жизни малолетним детям, которые обречены на существование в иной культурной среде, нежели та, к которой они принадлежали по рождению. К частичному уничтожению определенной группы как таковой относится и истребление всех находящихся в репродуктивном возрасте представителей одного из полов гонимой общности, что исключает ее дальнейшее размножение в рамках самой себя, а следовательно, означает неизбежность серьезной ассимиляции либо вымирание» [4, с. 177]. Аналогичной позиции в некоторых решениях придерживался Международный трибунал по бывшей Югославии. Так, в деле Крстича (Krstić) Трибунал усмотрел цель, присущую геноциду, в направленности действий на уничтожение всех мужчин общины боснийских мусульман в Сребренице [3, с. 106].

10 апреля 2001 г. постоянная сессия Ставропольского краевого суда в Пятигорске завершила слушания уголовного дела уроженцев Чеченской Республики Р. Гайчаева и Р. Халидова. Бандиты грабили и насиловали жителей чеченской станицы Червленная. Уроженцы чеченской станицы Шелковская Гайчаев и Халидов вместе со своими земляками жертвами выбирали только русских, чеченцев не трогали, опасаясь кровной мести. Выпив или приняв наркотики для храбрости, компания, под каким-нибудь предлогом обратившись к хозяевам, врывается в дом, расправляется с его обитателями и забирает ценности. Преступники не щадили ни стариков, ни детей. Самым чудовищным преступлением стала расправа над семьей Земляковых: виновные изнасиловали жену на глазах ее мужа и 10-летнего сына и зарубили ее топором. Затем задушили мужчину. Последним был убит мальчик, которого перед смертью жестоко истязали. Банда, действовавшая в Червленной на протяжении двух лет, совершила десять убийств, два изнасилования и четыре разбоя. Сотрудники местного отделения «шаритатской безопасности» не трогали банду и обратили внимание на нее только после изнасилования и убийства пожилой чеченки. Когда федеральные войска вошли в Чечню, Гайчаева и Халидова задержали. Суд при рассмотрении дела признал данных лиц виновными в совершении убийств и других

преступлений, однако геноцид из обвинения исключил в связи с недоказанностью цели – уничтожить полностью или частично русское население в Чечне [1, с. 86].

Вопросы, связанные с формой вины при совершении геноцида, ее содержанием, а также характеристикой специальной цели этого преступления, уже давно находятся в поле зрения исследователей, хотя и не всегда получают однозначное понимание. Объективно выражаясь, в создании жизненных условий, способствующих наступлению смерти членов национальной, расовой, этнической или религиозной группы, оно имеет не характерный для других действий, образующих геноцид, признак субъективной стороны. Совершая геноцид путем убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению и принудительной передачи детей субъект имеет целью полное или частичное уничтожение указанных групп. Создавая условия для наступления смерти, лицо рассчитывает на физическое уничтожение членов этих групп. Ключевым термином здесь выступает «расчет». Это понятие в уголовном праве наиболее подробно рассматривается при характеристике вины в форме легкомыслия. Отмечается, что при легкомыслии расчет проявляется в отсутствии желания наступления последствий, стремлении к их недопущению [5, с. 473]. Значит, расчет для анализируемого признака геноцида есть, напротив, желание и стремление лица к наступлению смерти членов национальной, расовой, этнической или религиозной группы как результату своих действий. Эта характеристика расчета соответствует определению такого признака субъективной стороны, как цель преступления. То есть «создание жизненных условий», согласно букве уголовного закона, должно совершаться со своей уникальной целью, отличной от цели при совершении геноцида всеми иными действиями.

На основании изложенного целесообразно сделать следующие выводы:

Особенностями субъективной стороны геноцида выступают наличие обязательной специальной цели, а именно: полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы; наличие прямого умысла (является следствием указанной выше цели, а также подтверждает то, что в отличие от убийства геноцид не может быть совершен по неосторожности); наличие национальной, этнической, расовой или религиозной группы (при убийстве такая принадлежность не указывается); наличие всего народа, всего этноса (геноцид не предполагает никакого индивидуального подхода, никакой персонифицированности).

В действующей уголовной норме жертвы геноцида (та или иная группа) указаны во множественном числе, исходя из чего следует вывод, что для квалификации такого преступления, как геноцид, необходимо наличие двух или более жертв – представителей определенных групп людей. Вместе с тем считаем, что для квалификации геноцида необходимо установить факт причинения смерти хотя бы одному пред-

ставителю демографической группы, если виновный, совершая данное преступление, действовал с намерением уничтожить полностью или частично указанную группу населения. В этой связи предлагается изложить ст. 127 УК Республики Беларусь в следующей редакции: «Действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов или одного представителя такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы (геноцид)».

Список цитированных источников

1. Ветошкина, Е. Д. Геноцид в российском и международном уголовном праве : учеб. пособие / Е. Д. Ветошкина ; под ред. Л. А. Воскобитовой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. – 128 с.
2. Бурячкова, Е. Г. Понятие геноцида, его новые формы / Е. Г. Бурячкова // Российский судья. – 2016. – № 6. – С. 45–49.
3. Москалев, Г. Л. Уголовная ответственность за геноцид (ст. 357 УК РФ) : монография / Г. Л. Москалев. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. – 188 с.
4. Саурди, В. Е. Соотношение международно-правового понимания преступления геноцида и некоторых норм Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года / В. Е. Саурди // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12. – С. 3, 176–179.
5. Полный курс уголовного права: преступление и наказание : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – Т. 1. – 1133 с.

ХОЛОКОСТ: ОТ ДИСКРИМИНАЦИОННЫХ ЗАКОНОВ ДО МАССОВЫХ УБИЙСТВ

Дягель А. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры международного права,
кандидат исторических наук

Холокост или Шоа (ивр. שואה [Шоá] «бедствие, катастрофа») – это систематический и спонсируемый государством режим преследований и убийств примерно 6 млн европейских евреев нацистами и их сторон-

никами. Начало Холокоста относят к 1933 году, времени прихода к власти нацистов. Окончание – 1945 год, когда нацистская Германия была побеждена. Вместо этого я хочу проследить последовательное развитие массовых убийств. Нацистский геноцид, можно определить как массовое убийство людей, потому что они принадлежали к определенной биологической группе. Выбор жертв определяла наследственность. Хотя режим преследовал и часто убивал мужчин и женщин за их политику, национальность, религию, поведение или деятельность, нацисты применяли последовательную и всеобъемлющую политику истребления только в отношении трех групп людей: инвалидов, евреев и цыган.

Нападки на эти целевые группы основывались на более чем пятидесятилетних политических и научных аргументах, враждебных вере в равенство людей. С начала века немецкая элита, то есть представители образованных профессиональных классов, все больше принимала идеологию, основанную на человеческом неравенстве. Генетики, антропологи и психиатры разработали теорию человеческой наследственности, которая слилась с расистской доктриной народных националистов и сформировала политическую идеологию нации, основанной на расе. Нацистское движение одновременно впитало и продвинуло эту идеологию. После 1933 года они создали политическую структуру, которая позволила превратить эту идеологию неравенства в политику исключения, в то время как немецкая бюрократическая, профессиональная и научная элита обеспечила легитимность режима, необходимую для беспрепятственного осуществления этой политики.

Антисемитизм был частью более широкого мировоззрения, разделившего человечество на достойные и недостойные группы населения. И нацистские идеологи, и расовые ученые считали, что немецкая кровь загрязнена и что первоочередной задачей нации является очистка немецкого генофонда. Врагами были (1) инвалиды, которых считали «выродившимися», и (2) «чужеродные расы», под которыми в Центральной Европе подразумевались евреи и цыгане, поскольку оба считались неевропейскими народами, которые не могли быть ассимилированы. Эти группы необходимо было «исключить».

Политика исключения приобретала различные формы:

1. Принудительная стерилизация. Закон о предотвращении рождения потомства с наследственными заболеваниями, изданный 14 июля 1933 г., обеспечил правовую основу, в соответствии с которой в 1930-е гг. было стерилизовано около 300 000 инвалидов. Хотя людей, стерилизованных, а затем убитых, называли психическими пациентами, значительная часть из них не обладала психическими расстройствами: эпилептики, слепые, глухие, немые, умственно отсталые, старики, алкоголики и лица с физическими отклонениями [1, с. 496].

2. Применительно к евреям, составлявшим около 0,5 % населения Германии, исключение означало их отстранение от участия в общественной и экономической жизни, а также пресловутый запрет на брак по «Нюрнбергским расовым законам». Против иностранных евреев применялась высылка, эмиграция, частично добровольная, частично принудительная, применялась против немецких и австрийских евреев [2].

3. Применительно к цыганам, составляющим около 0,05 % немецкого населения, исключение означало ужесточение старого дискриминационного законодательства, а также регистрацию, всесторонний полицейский надзор и изгнание иностранных цыган. Кроме того, полиция запретила цыганам путешествовать, лишив их возможности заниматься традиционными цыганскими промыслами. Наконец, режим также применил к цыганам «Нюрнбергские расовые законы» [1, с. 497].

На этом этапе режим считал тюремное заключение и стерилизацию единственной полной формой исключения.

В конце 1938 года, когда приближалась война, нацистский режим решил применить наиболее радикальную форму изоляции – полное уничтожение жертв посредством массовых убийств, окончательное решение.

В 1938 году, Гитлер санкционировал убийство младенцев-инвалидов. Летом 1939 года Гитлер распространил свой приказ об убийстве на взрослых инвалидов. Вся операция впоследствии стала известна как Т4. Для описания этих убийств использовался эвфемизм «эвтаназия», то есть смерть из милосердия (Gnadentod), Руководители эвтаназии создали центры смерти – уникальное немецкое изобретение. Там люди были убиты в ходе «процесса», в качестве модели которого использовалось промышленное производство. Персонал для этих центров смерти был быстро сформирован, и в конечном итоге на немецкой земле действовало шесть таких центров: Бранденбург, Графенек, Хартхайм, Бернбург, Зонненштайн и Хадамар. Начав с пробного запуска в Бранденбурге в январе 1940 года, центры смерти Т4 работали с максимальной эффективностью до августа 1941 года. В то время Гитлер приказал их закрыть, поскольку об убийствах стало широко известно, а общественное мнение стало враждебным. Было убито 70 000 граждан Германии [3].

Когда центры смерти Т4 закрылись, убийства евреев начались с убийств, совершенных айнзацгруппами СС на Востоке. Также строились 26 центров уничтожения евреев; они открылись вскоре после этого: Хелмно в декабре 1941 года, Белжец в марте 1942 года, Собибор в мае 1942 года, Трешлинка в июле 1942 года. Цыгане были убиты вместе с евреями. Их депортировали, как и евреев, помещали в гетто, уже содержащие евреев, расстреливали айнзацгруппы вместе с евреями и инвалидами и травили газом в центрах смерти вместе с евреями.

Ощутимая связь между убийствами Т4 и окончательным решением хорошо известна. Коммендант Хелмно Ланге, использовал технологию газовых фургонов, которую ранее использовали для убийства инвалидов в Фартеланде и Восточной Пруссии. Все сотрудники, руководившие лагерями операции «Рейнхард», окончили обучение при центрах смерти Т4. Применение и преподавание на Востоке включало как аппаратное, так и процедурное обеспечение процесса убийства. Речь шла не только о газовых камерах и крематориях, но и о разработанном методе заманивания жертв в эти камеры, их убийства на конвейере и обработки трупов. Эта техника, включающая удаление зубов и извлечение мостов, содержащих золото, была разработана Т4 и экспортирована на Восток.

Есть еще одна связь между эвтаназией и окончательным решением проблемы: судьба евреев-инвалидов, убитых группой в центрах смерти Т4. Электрик Т4 Герберт Калиш показал, что в июне 1940 года он наблюдал убийство евреев-инвалидов-пациентов больничного комплекса Берлин-Бух в лагере смерти Бранденбург. Главный врач в Бранденбурге. Ирмфрид Эберль записал в своем карманном дневнике (Taschenkalender), что 23 сентября 1940 г. он руководил убийством евреев-инвалидов из гамбургского больничного комплекса Лангенхорн, а 27-го – из Ганновера-Вунсторфа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что группы евреев-инвалидов из других регионов, в том числе Эгльфинг-Хаар в Мюнхене и Ам Штайнхоф в Вене, также были убиты в центрах смерти Т4 [1, с. 501]. Хотя это редко упоминается в истории Холокоста или в экспонатах музеев Холокоста, еврей-инвалиды, убитые в центрах эвтаназии в 1940 году, стали первыми еврейскими жертвами окончательного решения еврейского вопроса.

Список цитированных источников

1. Friedlander, H. Step by Step: The Expansion of Murder, 1939–1941 / H. Friedlander // German Studies Review. – 1994. – Vol. 17, No. 3. – P. 495–507.
2. Котляр, Т. В. Общая характеристика геноцида в Германии периода 1937–1945 гг. / Т. В. Котляр // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. – 2008. – № 2 (7). – С. 118–121.
3. Программа эвтаназии и «Операция Т4» [Электронный ресурс] // Энциклопедия Холокоста. – Режим доступа: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/euthanasia-program#-0>. – Дата доступа: 24.10.2023.

К ВОПРОСУ ГЕРОИЗАЦИИ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В КАНАДЕ

Леднёва А. С.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
доцент цикла государственно-правовых дисциплин
кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск,
кандидат исторических наук, доцент

Амельчиц А. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
старший преподаватель цикла гражданско-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
кафедры юридических дисциплин
факультета внутренних войск

В последнее время мир вновь захлестнула волна националистов, а бандитов и преступников Великой Отечественной войны стараются возвести в ранг героев. Увеличивается число молодежных организаций, которые провозглашают своей идеологией нацизм. Чествование нациста Ярослава Хунка (Гунько) в парламенте Канады – яркий тому пример. Это рядовое заседание канадских парламентариев вызвало широкий международный резонанс. То, что произошло в Канаде, заставляет многих вспомнить о других подобных событиях, таких как парады и демонстрации в странах Балтии и на Украине, которые прославляют нацистских преступников и их воинские части. Принятая 5 июня 1945 г. «Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства в Соединенных Штатах Америки и временным Правительством Французской Республики» установила, что «главные нацистские лидеры, указанные представителями союзников, и все лица, чьи имена, ранг, служебное положение или должность будут время от времени указываться представителями союзников в связи с тем, что они подозреваются в совершении, подстрекательстве или издании, приказов о проведении военных или аналогичных преступлений, будут арестованы и переданы представителям союзников» [1, с. 237]. 8 августа 1945 г. было подписано Соглашение между Правительствами указанных государств «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси», которым был учрежден Международный военный трибунал для суда над военными преступниками, «преступления которых не связаны с определен-

ным географическим местом» [2, с. 64]. Одновременно был утвержден и Устав Трибунала.

У Канады плохая репутация в отношении нацистов. Во время Второй мировой войны Украина была одним из главных полей сражений на Восточном фронте. Около 4,5 млн украинцев воевали в Красной армии; примерно 250 тыс. присоединились к нацистской Германии. Некоторые группировки в разное время воевали как с советскими, так и с немецкими войсками, были причастны к массовым убийствам украинских евреев и советских военнопленных. Тысячи украинцев, переехавшие в Канаду после войны, придерживались резко антисоветских взглядов, но с началом холодной войны их возможные связи и симпатии к нацистам были в значительной степени упущены из виду.

Большинство канадцев не знают, что Первая украинская дивизия была просто под другим названием 14-й дивизии Ваффен СС. Одно из самых громких преступлений этой дивизии – сожжение польского села Гута Пеняцкая и уничтожение практически всех его жителей. В 1944 году в Словакии «Галичина» жестоко подавляла национальное восстание. Известна карательная операция в словацкой деревне Низна Боца, где нацисты расстреляли несколько человек, в том числе подростка 15 лет, у которого нашли в кармане советскую монету. В апреле 1945 года эсэсовскую дивизию вывели из состава войск СС, переименовали и включили в состав «украинской национальной армии», в мае ее солдаты сдались войскам Великобритании и США. Следует отметить, что войска СС, в состав которых входила дивизия «Галичина», признаны решением Нюрнбергского трибунала преступной организацией.

Гулько в 1943-м вступил добровольцем в 14-ю дивизию СС, которая больше известна как дивизия СС «Галичина», или «Галиция». Она не столько воевала на фронте, сколько использовалась в карательных операциях против населения Западной Украины, Польши, Франции, Югославии. Поэтому, в связи с происшедшим в канадском парламенте, ряд стран и различные антифашистские организации выступили с осуждением действий канадских властей, назвали это позором и вновь заговорили о военных преступниках, которые проживают в стране. Израильский Центр Симона Визенталя, занимающийся искоренением антисемитизма и изучением Холокоста, призвал обнародовать все записи о более двух тысячах бывших нацистах, скрывающихся от правосудия в Канаде. Всего же, по мнению экспертов, в Стране кленового листа нашли убежище до девяти тысяч нацистских палачей и их приспешников. Известно также, что в Канаду сумело перебраться около 35 тысяч последователей Степана Бандеры [3].

В 1950 году в разгар холодной войны под давлением «Комитета украинцев Канады», которым к тому времени стали руководить бандеровцы, канадские власти разрешили въезд в страну солдатам дивизии «Галичина». Переселились более двух тысяч ветеранов этой дивизии, избежав наказания. В Канаде беглые нацисты обрели влияние с опорой

на украинскую диаспору, обзавелись деньгами и связями. Они основали «братство ветеранов 1-й дивизии украинской национальной армии» со штаб-квартирой в Торонто.

В 1985 году, реагируя на ширившиеся в мире заявления, что Канада превратилась в убежище для нацистов, по инициативе тогдашнего премьера Брайана Малруни была создана специальная комиссия, которая получила название «комиссия по запросу о военных преступниках в Канаде». Но она более известна как «комиссия Дешена» по имени ее руководителя – судьи верховного суда Квебека в отставке Жюля Дешена. Эта комиссия должна была расследовать факты о деятельности нацистов в стране. Были опубликованы имена 240 предполагаемых нацистов, а привлечены к ответственности только четыре. Ни одна из этих попыток не закончилась обвинительным приговором. Более того, в 1987 году «комиссия Дешена» признала, что доказательств совершения преступлений дивизией «Галичина» нет, а служба в ее рядах не может быть основанием для судебного преследования в Канаде или лишения гражданства. Фактически это была ревизия решений Нюрнбергского трибунала. Поэтому отчет комиссии оказался засекречен вместе с именами нацистов.

При покровительстве властей Канады были созданы различные организации украинских националистов, деятельность которых направлена прежде всего на работу с молодежью и детьми, на воспитание подрастающего поколения в бандеровском духе. Регулярно устраиваются различные марши и игрища, на которых в обязательном порядке присутствуют украинские флаги и портреты Бандеры, Шухевича и других лидеров украинских радикальных националистов.

В разных городах Канады есть мемориалы украинским националистам, в том числе бюст романа Шухевича в Эдмонтоне (провинция Альберта) и большое украинское кладбище в Оквилле (провинция Онтарио), где похоронены многие коллаборационисты. На их надгробиях изображен трезубец и выгравирована на украинском языке фраза «Вечная слава воинам УПА» (УПА признана экстремистской организацией и запрещена в Беларуси и России). Здесь же установлен и памятник в честь дивизии СС «Галичина». В июне 2020 года на нем краской были нанесены слова «Памятник нацистской войне». Совместное заявление, в июле 2020 года руководства Центра Симона Визенталя и «Канадского польского конгресса» к главе правительства, в котором содержалось требование убрать с кладбища памятник, прославляющий украинское военное подразделение времен Второй мировой войны, которое сотрудничало с нацистами, уничтожив тысячи евреев, поляков и другие меньшинства, осталось без ответа. Канадский премьер эти и другие подобные письма игнорировал – скорее всего, чтобы не потерять поддержку многочисленной украинской общины. Именно по этой причине он и аплодировал стоя нацистскому преступнику. К этому следует добавить и нежелание определенных националистических слоев канадского общества заниматься

негативными аспектами сотрудничества с нацистами. Реальность еще такова, что многие подобные памятники находятся в частной собственности.

Деньги на проведение мероприятий по созданию и функционированию молодежных организаций, пропагандирующих традиции и идеи Бандеры, выделяются в том числе местными властями. И не случайно в 1990-е гг. на Украину из Канады поехали проповедники, которые стали распространять среди населения идеи неонацизма. Когда Шухевичу и Бандере были присвоены звания Героев Украины, в адрес военного ведомства Беларуси поступило множество писем от жителей Брестской области, которые в годы войны волей судьбы выжили, став свидетелями жесточайших убийств мирных жителей (как поляков, так и представителей других народов), осуществленных формированиями Украинской повстанческой армии и Организацией украинских националистов. К лету 1944 года на территории Беларуси подпольные формирования ОУН – УПА насчитывали до 14 тысяч человек. Только с 1944 по 1946 год ОУН – УПА совершила на территории Беларуси 2384 диверсии и террористических акта, в результате которых погибло 1012 человек, в том числе 298 гражданских лиц [4, с. 9–10].

Еще до формального распада СССР 1 декабря 1991 г. Канада официально признала независимость Украины. В 2000 году Канадский институт украиноведения при Университете Альберты получил от правительства Канады грант в размере 2,7 млн долларов на разработку нового украинского законодательства и проекта соглашения между правительствами Украины и Канады. В 2004 году Канада приняла участие в подготовке Вашингтоном «оранжевой революции» на Украине, аналогично она действовала в начале 2014 года, превратив посольство своей страны в Киеве в убежище для участников антиправительственных выступлений. Это вполне закономерно, особенно если учитывать, что Канада остается фактически частью британской империи, а Лондон в отношении России настроен наиболее решительно из всех европейских стран НАТО. Канада обучает сегодня украинских военнослужащих. С 2014 года канадскими военными было организовано 726 учебных курсов разного тематического профиля, на которых прошли обучение более трех тысяч украинских военнослужащих. Их обучали снайперской, артиллерийской, инженерно-саперной, военно-полицейской работе. В период с 2014 по 2022 год, то есть еще до начала специальной военной операции, на Украину было поставлено военной техники на сумму около 900 млн долларов.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

1. Накануне 80-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне налицо стремление определенных сил или способствовать возрождению фашизма, или не замечать того, как это происходит в других странах.

2. Не только Украине нужна денацификация, но и западной цивилизации. Если этого не сделать, то фашизм вернется на мировую арену.

3. Разработать и внедрить в воспитательный процесс всех форм образования программу формирования ценностных установок противодействия героизации нацистских преступников и их пособников.

Список цитированных источников

1. Декларация о поражении Германии // Великая Отечественная война 1941–1945 ; под ред. М. М. Козлова. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – С. 237.

2. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М. : Юрид. лит., 1987. – Т. 1. – 688 с.

3. Украинскому националисту Гунько заочно предъявлено обвинение в геноциде населения [Электронный ресурс] // Iz.ru. – Режим доступа: <https://iz.ru/1592642/2023-10-20/ukrainскому-natsionalistu-gunko-zaочно-prediyavleno-obvinenie-v-genotside-naseleniia>. – Дата доступа: 22.10.2023.

4. ОУН – УПА в Беларуси. 1939–1953 гг. : документы и материалы ; под ред. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : Выш. школа, 2012. – 528 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В АСПЕКТАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ФАШИЗМА

Лойко А. И.

Республика Беларусь, г. Минск
Белорусский национальный технический университет,
заведующий кафедрой «Философские учения»,
доктор философских наук, профессор

Лойко Л. Е.

Республика Беларусь, г. Минск
Академия Министерства внутренних дел,
Республики Беларусь,
доцент кафедры философии и идеологической работы
кандидат философских наук, доцент

В 1941–1944 гг. на территории БССР немецкие оккупанты осуществляли антигуманный план массового уничтожения мирного населения и советских военнопленных в концентрационных лагерях. Особой жестокостью отличался концентрационный лагерь в Красном Береге, где были собраны дети из белорусских деревень и городов с целью использования их в донорских целях. Сеть прифронтовых концентрационных лагерей была создана путем заражения мирного населения

инфекционными заболеваниями с тем, чтобы они при контакте с наступавшей Советской Армией заразили солдат и офицеров.

Одним из крупнейших в Европе был концентрационный лагерь в Тростенце, где по итогу изучения архивных данных Генеральной Прокуратурой Республики Беларусь установлено, что в концентрационном лагере фашисты лишили жизни более полумиллиона человек. Подход к преступлениям нацистов с точки зрения правового расследования, сочетающий полевые исследования мест захоронений жертв расстрелов, формирует полную картину исторической памяти и в свете этой картины фактов преступных действий конкретных нацистов подкрепляет значимость Нюрнбергского процесса, поскольку не все нацистские преступники предстали перед судом. Многим удалось мигрировать на другие континенты, где они не только живут, но и, как показал пример в парламенте Канады, чествуются. Это обусловлено тем, что идеология фашизма получила распространение в ряде государств Европы и используется русофобами.

Еврейское население белорусских городов и местечек было практически поголовно уничтожено нацистами массовыми расстрелами, в концентрационных лагерях, вывезено для уничтожения в Польшу и Германию. Белорусские семьи, рискуя собственной безопасностью, прятали еврейских детей, спасая тем самым им жизнь.

Практически по всем аспектам событий, связанных с негативным образом радикальных идеологий, необходим самый главный аргумент, заключающийся в исторической памяти. Чтобы студент мог эту правду для себя обнаружить, ему необходима методология распознавания исторической правды. Эту методологию разработала философия истории. Ее действие основано на применении предметной онтологии. В ее тезаурусе важно выделить историческую правду, исторические факты, исторические события, историческую память, историческое сознание, историческое мышление, знаменательные события, памятные даты. А также общность исторической памяти, героизм, патриотизм, Холокост, военные преступления.

Особой значимостью обладает слово «Победа», поскольку оно говорит о том, что военно-политический союз России и Беларуси является гарантом национальной и региональной безопасности. Студентам разъясняется тезис о том, что модернизация национальной экономики, Вооруженных Сил является одной из задач технического вуза, где сосредоточены инженерные кадры, научные школы. Беларусь располагает стратегическими отраслями промышленности. Они обеспечивают страну продовольствием, нефтепродуктами, продукцией машиностроения. Государству важно создать механизм эффективного использования интеллектуального потенциала технических вузов. Нужны инженеры – системотехники, способные не только заниматься конструкторскими, проектными, технологическими функциями, но и организаторскими на уровне инновационного менеджмента. Поэтому так важно заложить

у студентов основы научных исследований, стремление к инновационности и предприимчивости.

Социальная философия описывает механизмы эволюции общественных движений, политических элит, национальных интеллектуальных пространств. Неприятие религий, этнических культур, шовинизм сопровождают европейскую историю. Это состояние общественного сознания фиксируется на уровне философии, пронизанной в конце XIX – начале XX веков идеями кризиса цивилизации, гибели цивилизаций, конца истории, мировой революции. Две мировые войны, революции отняли жизни у миллионов европейцев и россиян. Кроме человеческих катастроф они порождали периоды голода и лишений. Белорусская нация с XVI века втянута в бесконечные войны, развивавшиеся практически по одному и тому же сценарию, когда одна сторона вторгалась на чужую территорию, а другая защищала свои геополитические интересы.

В начале XXI века сражение перенесено на уровень информационных технологий, что дает полное основание говорить о феномене информационной войны, посредством которого пытаются убить идентичность. Удобным оправданием деструктивного поведения, за которым стоят силы, стремящиеся к дестабилизации социальной системы. Белорусское государство четко обозначило приоритеты деятельности в рамках концепции национальной безопасности. Безопасность гуманитарной сферы Беларуси очень важна. Историческая правда является актуальной темой. Это основа борьбы с нигилизмом.

Информация содержит сведения о фактах, событиях, явлениях, тенденциях в политической, правовой, экономической, гражданской сферах общества. Они выстраиваются, оцениваются, интерпретируются и транслируются по социальным сетям. Исследование особенностей этой деятельности стало предметом философии информации, в структуре которой выделены акценты суверенитета в вопросах информационной безопасности [1]. Описывается, как государство через право реализует требования к деятельности информационных институтов, как оно определяет порядок учреждения, государственной регистрации. Также описываются особенности деятельности и правовой статус субъектов информационных правоотношений. Определяется ответственность за нарушение законодательства [2].

Особое место уделяется феномену социальной инженерии. Этот феномен является проявлением противоправной деятельности. Он отражает готовность части программных инженеров отдавать приоритет не ценностям патриотизма, а ценностям меркантильной выгоды, денежному фетишизму. Денежной зависимостью социальной инженерии пользуются силы, стремящиеся подорвать историческую память о событиях Великой Отечественной войны. Одним из инструментов является ноополитика. Это информационная политика манипулирования международными процессами посредством формирования деструктивного отношения к внешней и внутренней политике национального

государства. Событие по конкретному государству помещают в созданный негативный шаблон [3].

Используется политическая технология изменения общественного мнения в соответствии с политикой государства заказчика. Осуществляется предоставление неподтвержденных, ложных сведений, публикация статей нужной направленности. Это часть политического медиа фрейминга, целью которого является конструирование образа врага. Через технологию винтимблейминга используется кибербуллинг.

Список цитированных источников

1. Лойко, А. И. Философия информации / А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2021. – 372 с.
2. Loiko, A. I. Philosophy of information / A. I. Loiko. – Minsk : BNTU, 2021. – 326 с.
3. Соловьев, А. Fake News как средство пропаганды: фальшивые новости признаются правдивыми, а реальные – фейками / А. Соловьев // Междунар. журналистика. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 296–301.

НАСЛЕДИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА И СУВЕРЕНИТЕТ

Макарова М. Ю.

Республика Беларусь, г. Минск

Международный университет «МИТСО»,

старший преподаватель кафедры международного права

20 ноября 1945 г. начался суд над главными нацистскими преступниками в г. Нюрнберг. Инициаторы проведения этого процесса преследовали, по существу, две главные цели:

1) расширяя сферу военных преступлений, процесс должен был приблизить к новому мировому порядку, определил ранее ненаказуемые действия в сфере международного права;

2) продемонстрировать мировому сообществу верховенство закона.

Одним из самых важных достижений Нюрнбергского трибунала является то, что все преступления, совершенные нацистами во время войны, были подразделены в соответствии с Уставом Международного военного трибунала на преступления против человечности, преступления против мира и военные преступления.

Следует понимать, что Нюрнберг – это суд, прежде всего, осуждающий Холокост; он выступает за осуждение и наказание геноцида, и его главное достижение заключается в признании категории преступлений против человечности. В то же время, для инициаторов суда самым большим достижением было криминализация агрессивной войны,

открывающая эпоху без войн. По словам Роберта Джексона, главного прокурора Нюрнберга: «Это расследование представляет собой практическое усилие четырех самых могущественных стран, при поддержке еще 17, использовать международное право для противостояния величайшей угрозе нашего времени – агрессивным войнам». Таким образом, для авторов процесса его решающее юридическое достижение заключалось в признании категории преступлений против мира – «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или участия в войне», – участие в общем плане или заговоре для достижения любого из вышеперечисленного» [1, с. 80].

Преступления против человечности зачастую, что весьма характерно, совершаются государствами против своих подданных. Результатом и большим моральным и юридическим достижением криминализации таких действий (ст. 6(с)) и возложения личной ответственности на тех, кто их отдаёт и выполняет (ст. 7 и 8), является прорыв завесы суверенитета. В результате ст. 6(а) движется в противоположном направлении по сравнению со ст. 6(с), 7 и 8, оставляя наследие, которое в лучшем случае двусмысленно, а в худшем – аморально [1, с. 81].

Классическая доктрина суверенитета, сформулированная в Европе, повлекла за собой теорию «правового позитивизма», которая утверждает, что единственным критерием законности нормы является то, что она была выдвинута сувереном в соответствии с выбранными им процедурами.

Из этого, в свою очередь, следует, что при условии, что суверен следует своим собственным законодательным процедурам, все, что он желает сделать законом, является законом. Не существует внутренних правовых стандартов, согласно которым он сам мог бы нести ответственность, если только он не решит навязать их себе. В сочетании с доктриной государственного акта этот вывод подразумевает, что суверены не несут ответственности ни по внутреннему, ни по международному праву, что «король стоит выше закона».

Именно на эту доктрину опровергала ст. 7 Нюрнбергского устава: *«Должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания»* [2]. Возлагая юридическую ответственность даже на суверенов за свои деяния, ст. 7 отрицает, что суверен является единственным источником права в своем государстве; таким образом, он отрицает саму доктрину суверенитета.

Аналогично со ст. 8: *«Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности...»* [2]. Устанавливая уголовную ответственность за действия, которые являются законными в соответствии с позитивным

правом, установленным сувереном, ст. 8 тем самым отрицает, что суверен является единственным источником права для своих подданных – и это, опять же, равнозначно отрицанию самой теории суверенитета.

То же самое можно сказать и о ст. 6 (с), которая объявляет вне закона преступления против человечности, даже если они совершены государством против своих подданных и «независимо от того, являются ли они нарушением внутреннего законодательства страны, где они были совершены». Статья 6(с), самое прочное моральное достижение Нюрнберга, на первый взгляд несовместима с юридическим позитивизмом и, следовательно, с классической доктриной суверенитета. Таким образом, вместе со ст. 7 и 8 она разрушает или даже уничтожает доктрину во имя «гуманности» и индивидуальной ответственности перед ней.

Это важное достижение Нюрнбергского трибунала. Достоверным фактом заявляется то, что Третий Рейх был преступным государством во всех смыслах, которыми обладает слово «преступник», и закон должен был дойти до тех, кто совершил его преступления.

Появление принципа запрещения агрессивной войны и закрепление Уставом и Приговором Нюрнбергского трибунала индивидуальной ответственности за его нарушение было предпосылкой для появления более жесткого принципа – принципа запрещения силы и угрозы силой в международных отношениях [3, с. 194].

Таким образом, Нюрнбергский процесс оказал существенное влияние на развитие международного права. Нюрнбергский Устав и Приговор показали, что преступления против человечности и против мира, военные преступления попадают под юрисдикцию не только национальных, но и международных уголовных судов.

Список цитированных источников

1. Luban, D. The Legacies of Nuremberg / D. Luban // Social Research. – 1987. – Vol. 54, No. 4. – P. 779–829.

2. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] // Электр. фонд правовых и нормативно-технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>. – Дата доступа: 26.10.2023.

3. Валеев, Р. М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р. М. Валеев, И. П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.

ИДЕОЛОГИЯ ФАШИЗМА И НАЦИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Попов И. В.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет

Искевич И. С.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет,
заведующий кафедрой «Международное право»,
кандидат юридических наук, доцент

События Второй мировой войны и Нюрнбергский процесс казались точной переломом в отношении фашизма. Уничтоженные страны, города, огромные человеческие потери и разрушенная экономика многих государств, казалось, останутся ужасным историческим опытом, который не при каких обстоятельствах повторяться не должен. Нацизм, с его идеологией превосходства расы и преступлениям против человечности, был публично осужден на Международном военном трибунале в Нюрнберге. Однако по прошествии нескольких десятилетий, мы сталкиваемся с возобновлением фашистских и нацистских идеологий, причем, неожиданно в Европе, которая еще 80 лет назад была разрушена фашистской Германией.

Причинами развития фашизма уже в современной Европе являются многие факторы: фальсификация истории, безответственность политических лидеров, экономические, социальные причины, двойные стандарты и т. д. Резкое ухудшение экономики на фоне быстро развивающихся стран, которые захватывают рынки за счет более дешевых и доступных товаров, высокая безработица, несправедливое распределение ресурсов, обострение классовых конфликтов – все это создает почву для распространения опасных и радикальных идеологий фашизма и нацизма. Под лозунгом защиты свободы выражения общественного мнения, приверженцы фашизма и нацизма распространяют свои идеи в массы, что в эпоху цифровых технологий и интернета получается эффективнее, тем более на молодое поколение – основную аудиторию интернет-ресурсов. Многие бывшие генералы и первые лица СС, после Второй мировой войны, не смотря на совершенные военные преступления и мировое осуждение, продолжали жить мирной жизнью, при этом многие из них заняли должности в государственных органах, международных организациях и военных блоках.

Нацистский генерал Адольф Хойзингер занял в свое время пост председателя Военного комитета НАТО. Лютовавшие на Восточном фронте Эрих фон Манштейн, который был похоронен со всеми военными почестями в Дорфмарке, и Хайнц Гудериян стали советниками по обороне в правительстве ФРГ, причем это только самые известные примеры, бывших членов СС, которые уже в послевоенное время занимали высокопоставленные должности в международных организациях и государствах.

Двойные стандарты и подмена понятий не только в современной Европе, но и в США, Великобритании и Канаде, на сегодняшний день являются основными методами ведения внешней политики стран запада, в которых завуалировано прослеживается фашистская и нацистская натура. Брюссель клеймит нацистские партии и организации, которые ничего общего с нацизмом не имеют, но выступают против неконтролируемого приема мигрантов и ЛГБТ пропаганды. В списках неонацистов оказались французский «Народный фронт» Мари Ле Пен и итальянская «Лига Севера» Маттео Сальвини, выступающие с позиций евроскептицизма против господства США. При этом в самих США легально действует Американская нацистская партия, но брюссельских правозащитников это не волнует. Европа благосклонно взирала, как премьер Польши Матеуш Моравецкий в 2018 году возлагал цветы на могилу карателей Свентокшиской бригады – польского антисоветского бандформирования, сотрудничавшего с гестапо и вермахтом. Однако в Брюсселе заговорили об угрозе фашистской диктатуры, как только Варшава вздумала провести реформу судов и СМИ, чтобы ограничить влияние наднациональных структур ЕС. Европейская пресса называет фашистом венгерского премьера Виктора Орбана не за призыв чтить память венгров, сражавшихся на Дону с Красной армией, – Орбана клеймят как фашиста за отказ принять мигрантов из Африки.

Очень хорошо развивающиеся вновь идеи фашизма и нацизма в Европе можно проследить через мероприятия, организующиеся в память о том или ином политическом деятеле или военном преступнике, занимавшихся политической деятельностью или воевавших под знаменем фашизма и нацизма или присвоения им определенных статусом после их смерти. В Германии в день рождения Гитлера в 2019 году прошел рок-фестиваль «Щит и меч», организованный заместителем председателя Национал-демократической партии Германии (НДПГ) Т. Хайзе. В итальянском городе Сало (коммуна Брешиа) за лидером фашистов Бенито Муссолини сохраняется звание почетного гражданина, полученное дуче в 1924 году. В Нидерландах крупнейшему в мире судну-катамарану присвоили имя голландского эсэсовца Питера Схелмы Хееремы (после резкого общественного резонанса все же переименовали). С 1971 года в стране легально действует неонацистская организация «Нидерландский народный союз», выступающая за введение в школах предмета «национализм». В Румынии называют улицы и учебные заведения уже не только в честь маршала Антонеску, напавшего на СССР

вместе с Гитлером 22 июня 1941 г., но и других румынских военных преступников – министра пропаганды в правительстве Антонеску Никифора Крайника, заместителя министра финансов Мирчи Вулканеску. «Ты – наш, мы – навеки твои!» – девиз членов Словацкого движения возрождения во главе с Робертом Швецом, который они произносят перед портретом Йозефа Тисо, словацкого союзника Гитлера. Швеец намерен превратить движение в политическую партию для участия в парламентских выборах. МВД Словакии констатирует рост преступлений по статье «экстремизм по расовым мотивам». В 2015 году было зафиксировано 30 таких эксцессов, в 2018-м – уже 159. В Швеции нет закона, позволяющего привлечь к ответственности шведских добровольцев «Ваффен СС». Ранее официальный Стокгольм каялся за выдачу в 1945 году советскому правосудию латышей, литовцев и эстонцев, сотрудничавших с гитлеровским режимом.

Во Франции, Германии и других странах так называемой «старой Европы» вполне легально действуют многочисленные неонацистские общественные движения и партии. Во французской армии в марте 2021 года военнослужащие Иностранного легиона демонстрировали нацистские тату и позировали на фоне Эйфелевой башни в позе Гитлера. Неким апофеозом расцвета неонацизма в современной Европе стал убийство 77 человек националистом Андерсом Брейвиком 22 июля 2011 г. в столице Норвегии Осло. Неонацист был осужден и приговорен к максимальному сроку тюремного заключения сроком 21 год. Однако сейчас речь идет о его досрочном освобождении. Призывы антифашистских сил применять более строгие меры против угрозы возрождения европейского нацизма в подавляющем большинстве случаев остаются без ответа. Как правило, это мотивируется «необходимостью обеспечить равные права всем членам общества», включая фашистов, неонацистов и представителей других агрессивных течений.

Совершенно ясно, что после начавшегося и до сих пор не закончившегося наплыва беженцев из стран Ближнего Востока, Африки и Азии проблема неонацизма будут только критически обостряться. Увеличение количества людей-пришельцев, их нежелание воспринимать европейский ценности, наконец, совершенно другой образ жизни, будут все более возбуждать недовольство и возмущение местного населения. Неспособность ЕС и властей государств, входящих в него, решать эту проблему, станут делать идеологию фашистов и неонацистов все более привлекательной для европейцев. В таких условиях не принимать меры против угрозы возрождения фашизма означает способствовать возникновению многочисленных кровавых конфликтов на национальной почве. Очевидно, не все политические элиты Европейских стран и их население приверженцы фашистских и нацистских идеалов, забывших опыт жесточайшей войны прошлого столетия. Остались люди, понимающие что бесчеловечные и радикальные идеи нацизма и фашизма должны быть забыты и уничтожены, должны навсегда остаться в памяти людей как яркий пример зла и насилия.

О ХОЛОКОСТЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В 1941–1944 ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ

Соркин В. С.

Республика Беларусь, г. Гродно
Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы,
доцент кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики,
кандидат юридических наук, доцент

В Республике Беларусь 2023 год объявлен Годом мира и созидания. Историческая память должна сохраняться в сознании людей на протяжении всей жизни. Особенно это актуально в настоящее время, так как современный мир столкнулся с различными вызовами и угрозами. В этой связи представляется целесообразным, анализируя уроки Нюрнбергского процесса (1945 г.) суда над нацистскими преступниками, обратиться к теме Холокоста – политике нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и массовому уничтожению еврейского населения (1933–1945 гг. – период фашистской диктатуры).

Нельзя не согласиться с И. А. Альтманом, который справедливо утверждает, что тема Холокоста волнует миллионы людей, прежде всего, ввиду его универсального характера, постоянно возникающего призрака, грозящего повториться вновь [1, с. 5]. Думается, что упомянутое исследование И. А. Альтмана, вне всякого сомнения, представляет научный интерес, так как содержит систематизированную информацию по истории нацистской политики исследования и уничтожения еврейского народа после прихода Гитлера к власти и до окончания второй мировой войны.

Республика Беларусь одной из первых подверглась нацистскому вторжению. Лишь незначительному количеству еврейского народа удалось эвакуироваться. На оккупированной территории оказалось свыше 800 тысяч евреев.

Территория Белоруссии была расчленена оккупантами на несколько зон. 50 % населения республики оказались в зоне тылового района группы армий «Центр». В генеральном округе «Белоруссия» рейхскомиссариата «Остланд» оказалась 1/3 территории республики с населением в 3,1 миллиона жителей. 25 % населения Белоруссии в ее довоенных границах (жители Пинской, Брестской, части Полесской области) оказались под юрисдикцией рейхскомиссариата «Украина». Белостокская и часть Гродненской области вошли в состав рейха (Восточная Пруссия).

На территории республики свой кровавый след оставили три из четырех айнзатцгрупп – «А», «В» и «С». С сентября 1941 года наметилось «разделение труда» между айнзатц и зондеркомандами. Первые действовали в тыловой зоне, находившейся под юрисдикцией гражданской

администрации в рейхскомиссариате «Остланд»; вторые – в прифронтной полосе, контролировавшейся военными властями.

Участие вермахта в Холокосте было наиболее активным именно в Белоруссии. На территории республики прошли первые массовые расстрелы не только евреев-мужчин (в Бресте и Пинске), но женщин и детей (в Белостоке). Уже в первую неделю июля 1941 года они унесли жизни нескольких тысяч человек

До начала 1942 года «еврейский вопрос» был практически решен в восточных и южных районах республики, вошедших в военную зону оккупации. К этому времени целиком были уничтожены многие еврейские общины. Нередко оккупанты расстреливали сначала всех мужчин старше 15 лет, а затем – женщин и детей. Айнзатцкоманды и полицейские подразделения, принимавшие участие в расстрелах, игнорировали позицию гражданских немецких властей.

Наибольшая часть жертв Холокоста в Белоруссии (свыше 550 000 человек) погибла с февраля 1942 года до осени 1943 года, когда нацисты массово уничтожали гетто как в Центральной, так и в Западной Белоруссии.

До осени 1942 года нацисты проводят периодические акции в крупных гетто, сокращая численность его нетрудоспособного населения; ликвидируют небольшие гетто (нередко переводя нужных специалистов в более крупные гетто), завершают уничтожение евреев в сельской местности.

На этом этапе в генеральном округе «Белоруссия» пик активности пришелся на весну-лето 1942 года, когда было уничтожено 55 000 евреев только в Западной Белоруссии.

Пинское гетто было ликвидировано по личному приказу Гиммлера от 27 октября 1942 г. как «центральная база бандитского движения».

До конца 1942 года завершается также ликвидация нескольких крупных гетто, входящих в генеральный округ «Белоруссия». Обычно акции уничтожения начинались с поголовного уничтожения мужского населения.

Основным мотивом уничтожения в этот период декларируется необходимость борьбы с партизанским движением. Этот фактор был доминирующим, несмотря на очевидные экономические причины сохранения трудоспособного населения гетто.

Оставшиеся узники гетто на территориях, подчиненных рейхскомиссару «Остланда» и вошедшие в состав рейха, были ликвидированы летом-осенью 1943 года после специального приказа Г. Гиммлера от 21 июня 1943 г. К концу лета 1943 года в гетто Белоруссии проживало еще около 30 000 евреев. Последними в августе-октябре были уничтожены узники гетто в Белостоке, Глубоком, Лиде. 23 октября 1943 г. расстреляны последние узники Минского гетто.

С осени 1943 года и до полного освобождения Белоруссии летом 1944 года шло выявление и уничтожение скрывавшихся евреев и ликвидация последних гетто и рабочих лагерей. Немало евреев, скрывавшихся в лесу в партизанских зонах, в том числе в семейных лагерях,

стали жертвами карателей. Число уничтоженных на этом этапе евреев составляет около 10 тысяч человек.

Самые крупные жертвы на территории Белоруссии понесло еврейство Минска – около 80 000, 58 000 погибло в Белостоке; 24 000–25 000 – в Пинске; 22 000 – в Бресте.

Только на территории Западной Белоруссии было уничтожено от 528 до 569 тысяч евреев (в том числе в современных границах Республики Беларусь – от 370 до 395 тысяч человек).

В Белоруссии от рук нацистских оккупантов погиб каждый четвертый житель республики. Из них каждый третий был евреем. По числу жертв Холокоста на территории СССР – свыше 800 000 человек – Белоруссия занимает второе место после Украины [1, с. 170–173].

Таким образом, по результатам исследования мы можем прийти к следующим выводам:

На оккупированной территории Советского Союза нацисты начали свой чудовищный эксперимент по физическому, экономическому, духовному геноциду миллионов людей. Жертвами «окончательного решения» стали шесть миллионов евреев Европы. Первыми в этом скорбном ряду – и по численности (около половины всех жертв), и по хронологии уничтожения – стали советские граждане. К 22 июня 1941 г. они являлись самой большой еврейской общиной Европы, насчитывая 5 млн человек. Почти 3 млн из них оказались на оккупированной территории. Подавляющее большинство этих людей – около 2 825 000 евреев, проживавших на территории СССР в границах на 22 июня 1941 г. – было уничтожено нацистами и их пособниками.

На советских евреях нацисты начали отрабатывать методы и тактику массовых убийств и сокрытия следов преступлений. В ходе борьбы с партизанами тактика карателей, применительно к населению так называемых партизанских зон будет весьма близка к методам уничтожения еврейского населения.

Универсальность Холокоста впервые проявилась в массовом уничтожении нацистами других категорий советского населения, особенно в 1942–1944 гг. Удельный вес евреев среди всех уничтоженных мирных граждан, прежде всего городов и местечек, чрезвычайно высок. Особенно велики потери еврейского населения в процентном отношении: уцелело менее 4 % от числа населения, оказавшегося на оккупированной территории.

Список цитированных источников

1. Альтман, И. А. Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР / А. И. Альтман. – М. : Фонд «Холокост», 2002. – 320 с.
2. Ермаков, А. М. Вермахт и Холокост : учеб. пособие. – Ярославль, Из-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1999. – 126 с.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 2

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС НАД ВРАЧАМИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Авдей А. Г.

Республика Беларусь, г. Гродно
Институт повышения квалификации
и переподготовки кадров
Учреждения образования «Гродненский
государственный университет
имени Янки Купалы»,
заведующий кафедрой,
кандидат юридических наук

Главными результатами Нюрнбергского процесса стали уроки бесчеловечной трагедии, а также значимость и важность судебных решений для многочисленных человеческих судеб. «Мир представляет собой важнейшую гарантию основного права человека – права на жизнь. Нюрнберг в полной мере продемонстрировал неразрывную связь между миром и защитой жизненно важных прав людей и народов», – справедливо подчеркнул А. Н. Савенков в монографическом исследовании «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» [1, с. 23].

В научной литературе имеются многочисленные публикации, посвященные анализу различных аспектов Нюрнбергского процесса. Вместе с тем, недостаточно исследованы уроки процесса над врачами в контексте современных реалий.

Медицинская этика и деонтология неразрывно и тесно связаны с правами человека, их значимость для общества является главным наследием Нюрнберга. Это показательный пример истории того, какие ужасные последствия может иметь нивелирование врачами, как права, так и этики, в ситуации господства тоталитарной идеологии.

«Дело врачей» – это процесс, который проходил с 9 декабря 1946 г. по 20 августа 1947 г. и рассматривался американским Нюрнбергским трибуналом. Двадцать три врача, которые участвовали в нацистской программе по эвтаназии лиц, считавшихся «недостойными жизни» (психически больными, физически неполноценными, умственно отсталыми), либо проводили эксперименты (по трансплантации, стерилизации, по замораживанию, коллекции скелетов и др.) над узниками концлагерей, предстали перед судом.

Четыре обвинительных пункта было предъявлено всем подсудимым в «деле врачей»: преступление против человечности; участие в военных преступлениях; членство в преступных организациях; заго-

вор по совершению военных преступлений и преступлений против человечности. Из всех обвиняемых приговорены: семь к смертной казни, пять к пожизненному заключению, четыре к различным срокам тюрьмы, семь оправданы.

Разделяю мнение Н.В. Герасимовой о том, что «Нюрнбергский процесс был призван не только вершить справедливый суд над военными преступниками, но и до конца раскрыть чудовищную и человеконенавистническую по своей сути идеологию и практику фашизма и его разновидности – нацизма» [2, с. 4].

Нюрнбергский процесс показал всему человечеству, к чему приводит деятельность врачей за рамками морально-этических норм и норм медицинского права. Медицинская деятельность направлена на исцеление человека, однако, как показали исторические факты, врачи могут использовать свои медицинские знания, умения и навыки, с целью причинить вред, пытаться и убивать людей.

После завершения Нюрнбергского процесса над нацистскими врачами в августе 1947 года Нюрнбергским трибуналом был принят Нюрнбергский кодекс. В нем закреплены основополагающие принципы медицинских экспериментов, такие как: добровольное согласие человека; избегать страданий и повреждений; степень риска не должна превышать гуманитарной важности проблемы и др.

«Нюрнбергский кодекс – это первый в истории международный свод правил о поведении экспериментов на людях, который возник в результате осознания вопиющего несоответствия медицинских экспериментов на человеке этическим принципам медицинской профессии и человеческой морали» – справедливо отметила И. В. Силуянова [3, с. 85].

Базовые принципы этики и деонтологии в здравоохранении берут истоки еще с древних времен. Общеизвестно, что без прошлого нет настоящего и будущего. Понятия «этические правила» и «долг» тесно связаны с деонтологией. В Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-XII, с изменениями и дополнениями от 17 июля 2023 г. № 300-3 (далее – Закон о здравоохранении), закреплено то, что «медицинская этика и деонтология – совокупность принципов, норм и правил поведения медицинских работников...».

На основе анализа законодательства о здравоохранении, считаю необходимым внести предложение о дополнении главы 12 Закона о здравоохранении статьей 632 «Основные принципы поведения медицинских работников». Считаю, что для эффективного правоприменения недостаточно наличие в системе законодательства нормативного правового акта министерства – Правила медицинской этики и деонтологии, утвержденных Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 августа 2018 г., № 64, которым регламентированы деонтологические и этические аспекты медицинской деятельности. Думается, что предложенные выше дополнения будут способствовать достижения цели повышения эффективности и ответственности выполнения медицинскими работниками должностных обязанностей,

а также, одной из важнейших задач это – доверие граждан к системе здравоохранения.

В заключение также следует подчеркнуть, что этические вызовы XXI в. обострили проблему этического образования всего общества. Крайне важной составляющей процесса образования является формирование устойчивой, осознанной жизненной позиции врача. Также всегда надо помнить уроки истории, насыщенные позитивными примерами медицинского персонала, которые отдали свою жизнь за здоровье пациентов. Вместе с тем есть и исторические факты о врачах, которые нарушили основополагающие человеческие принципы, одним из таких фактов является Нюрнбергский процесс над врачами. Лишь уверенная, стойкая гражданская позиция медицинского работника позволит избежать подобных повторений.

Список цитированных источников

1. Савенков, А. Н. Нюрнберг: приговор во имя Мира : монография / А. Н. Савенков ; Институт государства и права Российской академии наук. – М. : Проспект, 2022. – 760 с.

2. Герасимова, Н. В. Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права / Н. В. Герасимова // Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права : материалы круглого стола, 18 ноября 2010 г. – М. : Издание Государственной Думы, 2011. – С. 4–6.

3. Силуянова, И. В. «Нюрнбергский кодекс» и его значение для современной науки / И. В. Силуянова // Медицинская этика. – 2014. – № 1. – С. 85–88.

ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Алисиевич Е. С.

Российская Федерация, г. Москва,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
заведующий кафедрой международного
и интеграционного права,
кандидат юридических наук, доцент

20 ноября 1945 г. во Дворце юстиции города Нюрнберга начался уникальный международный судебный процесс, ставший первым в истории опытом осуждения чудовищных по своей жестокости и мас-

штабам преступлений, совершенных высшими политическими и военными деятелями государства. Нюрнбергский процесс – это не только процесс над главными военными преступниками нацистской Германии. В период с 1946 по 1949 гг. в Нюрнберге в общей сложности состоялось 12 «малых Нюрнбергских процессов». Среди них проходивший с 9 ноября 1946 г. по 20 августа 1947 г. в соответствии с Законом Контрольного совета № 10 от 20 декабря 1945 г. открытый судебный процесс по делу № 1 «Соединенные Штаты Америки против Карла Брандта и других», проходивший [1, с. 159]. Подсудимыми по делу выступали 23 человека, из которых 20 – врачи концентрационных лагерей Дахау, Заксенхаузен, Нацвейлер, Аушвиц, Равенсбрюк, Бухенвальд, обвиненные в совершении медицинских военных преступлений или преступлений медицинского характера [2, с. 41]. Особо жестокий, бесчеловечный характер экспериментов заключался в том, что в них фактически планировалась смерть испытуемых [3, с. 358].

В ходе судебных слушаний по делу нашли свое подтверждение факты заражения людей инфекционными болезнями, в том числе малярией, гепатитом, сыпным тифом; экспериментального отмораживания конечностей, изучения влияния ядов на организм человека; принудительной стерилизации; проведения экспериментов с нервной регенерацией и трансплантацией костей, реализации программы по эвтаназии. Непосредственно во время судебного процесса многие подозреваемые заявили, что законодательно не закреплено разделение на законные и незаконные опыты над человеком. В связи с этим американский эксперт-медик при Трибунале Лео Александер со своим коллегой Эндрю Иви разработали и передали в Трибунал Меморандум, содержащий шесть принципов, ограничивающих законные медицинские опыты от законных. Трибунал дополнил Меморандум еще четырьмя принципами и 19 августа 1947 г. был принят Нюрнбергский кодекс (Nuremberg Code), ставший частью приговора по делу врачей-нацистов [4, с. 124].

Нюрнбергский кодекс 1947 г. стал первым международно-признанным перечнем этико-правовых принципов проведения исследований на людях.

В Преамбуле Нюрнбергского кодекса 1947 г. отмечается: «Тяжесть свидетельских показаний, лежащих перед нами, заставляет делать вывод, что некоторые виды медицинских экспериментов на человеке отвечают этическим нормам медицинской профессии в целом лишь в том случае, если их проведение ограничено соответствующими, четко определенными рамками. Защитники практики проведения экспериментов на людях оправдывают свои взгляды на том основании, что результаты таких экспериментов чрезвычайно полезны для всего общества, чего невозможно достичь с помощью других методов исследования. Все согласны, однако, что нужно соблюдать определенные основополагающие принципы, удовлетворяющие соображениям морали, этики и закона».

Основные положения, сформулированные в Нюрнбергском кодексе 1947 г., и сегодня определяют этическую сторону проведения медицинских исследований, прежде всего, в части добровольного информированного согласия. Согласно Нюрнбергскому кодексу 1947 г. «лицо, вовлеченное в эксперимент», должно иметь «законное право дать такое согласие» (то есть должно быть признано дееспособным); такое согласие должно даваться свободно, «без какого-либо элемента насилия, обмана, мошенничества, хитрости или других скрытых форм принуждения»; лицо, дающее такое согласие, должно обладать «достаточными знаниями, чтобы понять сущность предмета эксперимента и принять осознанное решение». Для этого данное лицо должно быть проинформировано «о характере, продолжительности и цели эксперимента; методе и способах, с помощью которых он будет проводиться; обо всех возможных неудобствах и рисках; о последствиях для своего здоровья или личности, которые могут возникнуть в результате участия в эксперименте». В Нюрнбергском кодексе 1947 г. также содержится требование минимизировать все возможные риски и ущерб для испытуемого, определяется соотношение риск/польза, отмечается, что проводить исследования должны квалифицированные исследователи на основе оптимального Протокола исследования. Живые люди в качестве испытуемых могут принимать участие в эксперименте лишь в том случае, если эксперимент приносит положительные результаты, недостижимые иными методами исследования; необходимо избегать излишних физических и психических страданий и повреждений; степень риска, связанного с проведением эксперимента, никогда не должна превышать гуманитарной важности проблемы, на решение которой направлен эксперимент; у испытуемого должна быть возможность остановить эксперимент, а исследователь должен быть готов прекратить эксперимент, если есть основания полагать, что он может быть опасен для испытуемого [5, с. 10–17].

Как отмечают Э. Сгречча и В. Тамбоне, в Кодексе содержатся самые элементарные нормы уважения достоинства человеческой личности, этот документ стал своеобразной точкой отсчета при разработке дальнейших международных актов в этой области [6, с. 288–289].

Нюрнбергский Кодекс 1947 г. послужил отправной точкой для серии резолюций и деклараций Всемирной Медицинской Ассоциацией (ВМА), начиная с резолюции «Принципы проведения исследований и экспериментов» 1948 году, послужил основой принятой в 1964 году в Хельсинки (Финляндия) и в дальнейшем неоднократно обновленной Декларации «Рекомендации для врачей по проведению биомедицинских исследований с участием человека в качестве объекта исследования». Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г., Международная декларация о генетических данных человека ЮНЕСКО от 16 октября 2003 г., Конвенция Совета Европы о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 г. и дополнительные протоколы к ней

о биомедицинских исследованиях, о запрете репродуктивного клонирования, о трансплантации органов, серия директив, принятых в рамках Европейского Союза «родом» из Нюрнбергского Кодекса 1947 г.

Положения Нюрнбергского кодекса 1947 г. были учтены в Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. (проведение биологических или медицинских опытов рассматривается как посягательство на личность и жизнь лица, которое подвергается такому опыту, и как бесчеловечное обращение с ним), Статуте Международного уголовного суда 1998 г., в статьях, посвященных военным преступлениям наряду с пытками и жестоким обращением, запрет проведения медицинских опытов на человеке без его согласия закреплен в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Несмотря на отсутствие соответствующих положений в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам в Замечании общего порядка № 14 (2000) пояснил, что в право на здоровье (ст. 12) должна включаться свобода от экспериментов и медицинского лечения, осуществляемых без согласия пациента [7, с. 88]. Согласно ст. 21 Конституции РФ «...никто не может быть без его согласия подвергнут медицинским, научным и иным опытам».

В настоящее время с помощью медико-биологических исследований решается задача по увеличению продолжительности жизни и повышению ее качества, а биотехнологии и нанотехнологии наравне являются одними из драйверов экономического развития. Важное значение медико-биологическим исследованиям придается и в вопросах укрепления безопасности страны, защиты населения и окружающей среды согласно Указу Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» и Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Однако эти достижения имеют и оборотную сторону. Например, при применении к человеческим эмбрионам технологии редактирования генов в целевых участках ДНК возможно устранить дефектные гены у ВИЧ-положительных родителей, что повышает вероятность рождения здоровых детей, но при этом существует риск развития мутации, что ставит под вопрос о соотношении риска и пользы применения данной технологии [8, с. 316–328].

Сохраняет свою актуальность проблема нарушения прав человека при проведении биомедицинских исследований. Об этом свидетельствует практика Европейского Суда по правам человека, в том числе постановления по делам «Гласс против Великобритании» от 9 марта 2004 г., «Во против Франции» от 8 июля 2004 г. и другие, дело об испытании вакцины на детях в Волгограде [9]; нарушения в ходе проведения клинических испытаний компанией Пфайзер в Нигерии [10]; обвине-

ние американских ученых в проведении незаконных исследований на заключенных в целях совершенствования техники допроса [11] и другие примеры. Современные биотехнологии, используемые в системе оказания медико-социальной помощи, обладают огромным потенциалом в борьбе с угрозами жизни, здоровью, безопасности человека, но одновременно порождают серьезные проблемы этико-правового характера, заставляя нас вернуться к первоосновам, важнейшей составляющей которых является Нюрнбергский кодекс 1947 г.

Список цитированных источников

1. О наказании лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против мира и преступлений против человечности : Закон Контрольного совета № 10 // Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. / отв. ред. А. М. Рекунков. – М. : Юридическая литература, 1987. – Т. 1.
2. Weindling, P. The origins of informed consent: the International Scientific Commission on Medical War Crimes, and the Nuremberg Code [Electronic resource] / P. Weindling // Bulletin of the History of Medicine. – Mode of access: L:http://www.geocities.com/travbailey/Paul_Weindling_The_Origins_of_Informed_Consent_Nuremberg_Code.htm. – Date of access: 12.08.2023.
3. Введение в биоэтику : учеб. пособие / под ред. Б. Г. Юдина, П. Д. Тищенко. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
4. Абашидзе, А. Х. Нюрнбергский кодекс и дальнейшее международно-правовое регулирование вопросов биоэтики / А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцев // Российский ежегодник международного права, 2006. – С. 122–133.
5. The «Medical Case»: United States against Karl Brandt, et al. [Part II] Case No. 1. Trials of war criminals before the Nuremberg military tribunals under Control Council Law No. 10, Vol. 2 – the «Green Series» [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mazal.org/archive/nmt/02/NMT02-C001.htm>. – Date of access: 15.06.2023.
6. Сгречча, Э. Биоэтика / Э. Сгречча, В. Тамбоне. – М., 2001. – 432 с.
7. General comment No. 14: The right to the highest attainable standard of health (art. 12) : the Committee on economic, social and cultural rights, Twenty-second session (2000) [Electronic resource] // Compilation of general comments and general recommendations adopted by human rights treaty bodies, 12/05/2004 HRI/GEN/1/Rev.7 (General Comments), 2004. 12 May. P. 88. – Mode of access: [http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/0/ca12c3a4ea8d6c53c1256d500056e56f/\\$FILE/G0441302.pdf](http://www.unhcr.ch/tbs/doc.nsf/0/ca12c3a4ea8d6c53c1256d500056e56f/$FILE/G0441302.pdf). – Date of access: 12.03.2023.
8. Kay, M. State of the art gene-based therapies: the road ahead / M. Kay // Nature Reviews Genetics. – 2011. – Vol. 12, no. 5. – P. 316–328.
9. В Волгограде на малышах испытывали вакцину [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2006. – 16 февр. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/archive/2006/07/11/221828>. – Дата доступа: 11.11.2023.
10. Rabi Abdullahi United States court of appeals for the second circuit [Electronic resource] : 30 January 2009. – Mode of access: http://www.circare.org/lex/05-4863-cv_opn.pdf. – Date of access: 11.11.2023.
11. Experiments in torture: Evidence of. – human subject research and experimentation in the “enhanced” interrogation program [Electronic resource] : a White Paper by Physicians for Human Rights. June 2010 // AWS. – Mode of access: https://s3.amazonaws.com/PHR_Reports/Experiments_in_Torture.pdf. – Date of access: 11.11.2023.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОПАГАНДЕ НАЦИСТСКОЙ И ИНЫХ СХОЖИХ ИДЕОЛОГИЙ

Асаёнок Б. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент

Действующее законодательство Республики Беларусь достаточно полно отражает общемировую тенденцию по запрету античеловеческих идеологий и практик их применения. Раздел VI Уголовного кодекса нашего государства содержит правовой запрет на такие виды преступлений, как геноцид (ст. 127), разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130), реабилитация нацизма (ст. 130-1), отрицание геноцида белорусского народа (ст. 130-2) и некоторые другие. Вместе с тем, только уголовно-правовым запретом не всегда удастся противодействовать отдельным видам проявлений, которые в перспективе могут привести к формированию в обществе групп, исповедующих идеологию ненависти на основе расовых и национальных признаков. В этой связи следует обратить внимание на то, что действующее законодательство Республики Беларусь распространяет запрет лишь на очевидно противоправные проявления, которые связаны с наиболее яркими внешними признаками нацистской идеологии, оставляя в тени правового небрежения иные ее характеристики.

Прежде всего, речь идет о запрете нацистской символики. Запрет не изложен в каком-либо одном законодательном акте, а требует дополнительного изучения нормативных правовых актов различного уровня. Одним из таких нормативных правовых актов является Закон Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму», в ст. 1 которого установлен законодательный запрет на нацистскую символику и атрибутику, экстремистские материалы, разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни. Благодаря этому, ч. 1 ст. 24.26 «Незаконное использование и изготовление флагов, вымпелов, плакатов, эмблем и символов, наименований» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлена административная ответственность за следующие противоправные действия:

- 1) использование нацистских флагов, вымпелов, плакатов, эмблем или символов;
- 2) а равно изготовление таких флагов, вымпелов, плакатов, эмблем или символов с целью их распространения.

В обоих случаях имеет место активное действие. В первом случае такие действия связаны с оперированием средством совершения административного правонарушения – запрещенными флагами, вымпелами, плакатами, эмблемами или символами. Как правило, речь идет о возможности публичной демонстрации данных средств, но возможно и использование их для личных целей, не исключающего возможности восприятия этих средств иными лицами (к примеру, изготовление портсигара со свастикой). Изготовлением является полное изготовление или доработка имеющейся материальной основы флага, вымпела, плаката, эмблемы или символа.

Однако такое положение представляется недостаточным. Запрет лишь символов национал-социалистической рабочей партии Германии и нацистского государства не означает прямого запрета на символы ее союзников и подчиненных организаций. Представляется важным в полной мере охватить правовым запретом символы государств-союзников Германии, которые ассоциируются с человеконенавистническими практиками Второй мировой войны: фашистского режима Муссолини, режимов Антонеску, Хорти и иных, им аналогичных. Кроме того, важным видится обеспечение правовым запретом и различных военизированных формирований, действовавших в интересах нацистского режима Германии.

Речь идет, прежде всего, о символах национальных дивизий СС. Эти формирования зачастую использовались для борьбы партизанами и карательных акций в отношении мирного населения. Данная деятельность квалифицируется как геноцид. Символы и эмблемы этих подразделений и в настоящее время могут использоваться для восхваления идеологии нацизма. Далеко не все эти символы имели в своем составе изображения свастику или руны. Но они довольно узнаваемы в кругу интересующихся нацистской символикой и идеологией, могут быть использованы в качестве «более безопасной» символики для продвижения нацистских взглядов.

С учетом этого представляется уместным дополнить абз. 25 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 04.01.2007 № 203-З «О противодействии экстремизму», в котором содержится определение экстремистских атрибутов и символов положением о запрете символов и атрибутов организаций и режимов, воевавших на стороне нацистской Германии во Второй мировой войне.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС НАД СУДЬЯМИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Белова И. А.

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»,
преподаватель кафедры общетеоретических
правовых дисциплин

Финальным аккордом Второй мировой войны стал Международный военный трибунал в Нюрнберге, учрежденный для суда над главными военными преступниками Германии, создав прецедент подсудности высших государственных чиновников международному суду, который опровергнул известный средневековый принцип «Короли подсудны только Богу».

Перед международным судом предстали государственные и военные деятели, а также ряд высокопоставленных судей, прокуроров и работников министерства юстиции. Всего перед судом предстали 16 юристов: в отношении 14 из них были вынесены приговоры, один подсудимый в ходе процесса совершил самоубийство, еще один был отпущен по состоянию здоровья. Процесс «США против Йозефа Альштеттера и др.» получил известность как «Суд над судьями», хотя большинство подсудимых являлись руководящими сотрудниками административного аппарата министерства юстиции или государственными обвинителями, он относится к группе «Малых Нюрнбергских процессов». Несмотря на то, что название «Суд над судьями» является не только неофициальным, к тому же оно и неточное. «Здесь срабатывает тот же метонимический перенос, который отвечает, скажем, за отождествление объема терминов «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство»: явление в целом обозначается по его самой выделяющейся или важной части либо свойству» [1, с. 69] и если, например, в «Суде над врачами» в фокусе внимания находились истязания людей средствами медицины (т. е. руками врачей), то в «Суде над судьями» центральным предметом стали унижение и издевательства над людьми посредством отправления правосудия (т. е. руками судей)» [1, с. 69].

Сам процесс проходил в США и проводился без участия других союзников, все судьи и обвинители были гражданами США. Судебный процесс начался в марте 1947 года, председателем судебной коллегии выступил судья Каррингтон Т. Маршалл, бывший председатель Верховного Суда Огайо, позже подавший в отставку по состоянию здоровья, его сменил Джеймс Тенни Бренд, судья Верховного Суда штата Орегон. Главным обвинителем по делу был Телфорд Тейлор.

Процесс происходил на основании Закона № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности от 20 декабря 1945 г., принятого Союзническим Контрольным Советом. Согласно этому документу, следующие действия признавались преступными:

- 1) преступления против мира;
- 2) военные преступления;
- 3) преступления против человечности;
- 4) принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом [2].

Последний пункт указанного документа представляется особенно интересным.

Могут ли быть привлечены к ответственности судьи, которые действовали строго в рамках законов государства и придерживались принципов права и правосудия Германии? Если да, то какую норму и какого права они нарушали?

Адвокаты нацистских преступников взяли в качестве правового обоснования своей позиции о невиновности своих подзащитных концепцию юридического позитивизма. Так, адвокат Г. Яррайсс, защищавший А. Йоделя, оперировал тезисом о «нормативной силе фактического», признающего за любым правовым актом силу общеобязательного предписания. Исходя из отождествления закона и права, Яррайсс утверждал, что все действия правителей Германии соответствовали целям суверенной власти и ее носителя-вождя, а потому были законными в отношении принципов действовавшего права. Он говорил: «Я рассматриваю проблемы лишь в свете действующего права, а не права требований, которое оно могло и должно было бы в перспективе выставить во имя морали или человеческого прогресса» [3, с. 36]. Он развивал концепцию повиновения и безусловного выполнения приказов, ссылаясь лишь на тот факт, что в период национал-социализма приказ вождя вытеснил все остальные правовые нормы: «В государстве, где вся власть сосредоточена в руках одного человека-вождя, его приказы для всех остальных членов этой иерархии становятся обязательными к выполнению. Никому не дано ни право, ни обязанность проверять приказы на предмет их правомерности» [3, с. 36].

Таким образом, ключевыми принципами права становятся: во-первых, обладание фюрером неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью; во-вторых, независимость норм права Германии от норм международного права.

Судьи были обязаны придерживаться официального права Германии, а также подчиняться прямым приказам фюрера или лицам, назначенным им, даже если это противоречило законодательству.

Получается, что нацистские юристы действовали в рамках существовавшего «права», т. е. их деятельность правомерна?

Трибунал подверг специальному рассмотрению вопрос о том, что есть право, может ли Международный суд исходить из формального понимания законности, из признания самодовлеющего характера внутреннего права. В приговоре суд высказал следующее мнение: «Ясно, что немецкие суды Третьего рейха должны были следовать германскому праву, выражавшему волю Гитлера, несмотря на то что оно противоречило международному праву. Но подобное признание не может иметь существенного значения для данного суда». Суть обвинения состоит в том, что «законы, гитлеровские указы и драконовская, продажная и развращенная национал-социалистская правовая система как таковая в совокупности представляет собой военное преступление и преступление против человечности. Участие в издании и применении таких законов означало преступное соучастие» [4].

Трибунал не смог дать однозначного ответа на вопрос о виновности юристов с точки зрения юридического формализма, разделив подсудимых на тех, кто исполнял репрессивные законы без всякого пыла, сомневаясь в правильности проводимой государством политики, и тех, кто исполнял самые зверские нацистские законы с особым рвением. Отсюда и разница в приговорах: только четверо подсудимых были приговорены к пожизненному заключению, шестеро – к срокам от пяти до десяти лет, четверо оправданы. Обвиняемые, кто все же были осуждены трибуналом, были осуждены не просто за службу режиму, а за прямое соучастие в преступлениях нацизма, включая убийства, пытки, грабеж частной собственности. Однако, как отметил представитель обвинения бригадный генерал Тейлор, на нацистских юристах лежит ответственность еще за одно деяние, не включенное в приговор. Они искажали, извращали и, в конце концов, полностью уничтожили правосудие и само право в Германии. Судейская независимость была упразднена, а суд превратился в фарс [5].

Впоследствии все (кроме одного, который умер в тюрьме) были освобождены досрочно, что породило много разговоров об излишней мягкости наказания. При этом большая часть нацистских юристов вообще избежали судебного преследования, закончив жизнь respectable адвокатами или уважаемыми университетскими профессорами. Во многом этому способствовала выбранная адвокатами стратегия защиты, ориентированная на позитивистское понимание права.

Э. фон Хиппель писал: «На Нюрнбергском процессе Международного Военного Трибунала наряду с физическими лицами – главными военными преступниками, перед судом предстала и правовая концепция – позитивистское учение о государстве и власти, ибо оно выражало юридическое кредо национал-социализма» [3].

На самом деле юридический позитивизм в Третьем рейхе никогда не был господствующей концепцией права. Известно, что юридический позитивизм неоднократно подвергался нападкам со стороны идеологов и правоведов национал-социализма именно за «культ» нормы права. После провала фашистской инсценировки Лейпцигского процесса в печати началась кампания против применения формально-юридического метода в судебной практике, который будто бы поставил под угрозу все «завоевания национал-социалистской революции» [6, с. 47].

В своей статье «Вождь охраняет право» К. Шмитт писал: «Подлинный вождь всегда также является судьей. Из вождизма вытекает судебная власть. В самый чрезвычайный момент проявляются высшее право и высшая степень осуществления этого права судебного возмездия... мы не должны слепо придерживаться юридических понятий, аргументов и прецедентов, порожденных старой и больной эпохой» [7, с. 266].

В статье «Высший судья немецкого народа» редакцией журнала «Das Deutsche Recht» развивалась эта же идея применительно к деятельности судебного аппарата: «За каждым судебским креслом стоит сам вождь» [6, с. 62–63].

Из кратко представленного обзора высказываний нацистских правоведов, становится очевидным, что отношение к позитивизму было скептическим. Тем не менее, во многом миф о «позитивизме как пособнике нацизма» сохраняется и по сей день.

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. В Третьем рейхе позитивизм никогда не был основной доктриной права.

2. Именно использование позитивистской аргументации в качестве защиты в ходе Нюрнбергского трибунала и повлияло на последующую непопулярность этой теории.

Список цитированных источников

1. Синченко, Г. Ч. Возрождая интерес к Нюрнбергским военным трибуналам. Вступительная статья к публикации извлечений из материалов суда над нацистскими судьями 1947 года // Науч. вестн. Омской акад. МВД России. – 2023. – Т. 29, № 1 (88). – С. 64–73.

2. Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности, г. Берлин, 20 дек. 1945 г. // Ведомости Контрольного Совета в Германии, 1946. – № 3. – С. 159–164.

3. Seidl, E. Aktuelle Fragen aus Modernim Recht und Rechtsgeschichte : Gedächtnisschrift für Rudolf Schmidt / E. Seidl. – Berlin : Duncker & Humblot, 1966. – 580 p.

4. Douglas, O. Linder The Nuremberg Trials: The Justice Trial. United States of America v. Alstötter [et al.] / O. Douglas («The Justice Case») 3 T.W.C. 1 (1948), 6 L.R.T.W.C. 1 (1948), 14 Ann. Dig. 278 (1948).

5. Trials of war criminals before the Nurnberg military tribunals under control council law № 10. Nurnberg October 1946 – April 1949. – Washington : United States government printing office, 1952. – Vol. VI. – 1268 p.

6. Ледях, И. А. Нацистские преступники и судебная практика в ФРГ] / И. А. Ледях ; Ин-т государства и права АН СССР. – М. : Юрид. лит., 1973. – 159 с.

7. Шмитт, К. Государство и политическая форма / К. Шмитт ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов ; Гос. ун-т, Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. – 272 с.

КАНСТЫТУЦЫЙНА-ПРАВОВАЯ АСПЕКТЫ ДЗЕЙНАСЦІ ГРАМАДСКІХ ФАРМІРАВАННЯЎ ПА ЗАХАВАННЮ ГІСТАРЫЧНАЙ ПРАЎДЫ І ГІСТАРЫЧНАЙ ПАМ'ЯЦІ АБ ГЕРАІЧНЫМ ПОДЗВІГУ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Дашкевіч А. Л.

Рэспубліка Беларусь, г. Мінск
Міжнародны ўніверсітэт «МІТСО»,
дацэнт кафедры міжнароднага права,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Канстытуцыйнае рэфармаванне ў Рэспубліцы Беларусь стала прававым стымулам дзейнасці дзяржаўных органаў і грамадскіх фарміраванняў, накіраванай на захаванне гістарычнай праўды і гістарычнай памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны, развіццю адпаведнага канстытуцыйна-прававога рэгулявання.

Канстытуцыйны Суд у сваім Пасланні Прэзідэнту Рэспублікі Беларусь і палатам Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь «Аб стане канстытуцыйнай законнасці ў Рэспубліцы Беларусь», прынятым паводле яго рашэння ад 14 сакавіка 2023 г., адзначае, што абнаўленне заканадаўства абумоўлівае неабходнасць забеспячэння ў дзейнасці дзяржаўных органаў, службовых асоб, арганізацый і грамадзян праварэалізацыі, якая адпавядае канстытуцыйным мэтам і каштоўнасцям. У выніку змены заканадаўства замацоўваюцца новыя правілы, фарміруецца пэўнае стаўленне да іх з боку грамадства.

Зварот і актуалізацыя вышэй названых гістарычных падзей у якасці канстытуцыйнай каштоўнасці не з'яўляецца выпадковым. Мы ўжо звярталі ўвагу ў сваіх ранейшых публікацыях, што для сучаснай беларускай дзяржаўнасці менавіта падзеі, звязаныя з перамогай у Вялікай Айчыннай вайне разам з іншымі савецкімі рэспублікамі, зразумела, успрымаюцца вынікі Нюрнбергскага працэсу, тыя прынцыпы, што былі выпрацаваны

па яго выніках, сталі вызначальнымі, як у межах фарміравання і развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці ў XX і XXI стагоддзях, так і адносна знаходжання дадзенай праблематыкі ў цэнтры ўвагі грамадскасці, уключаючы спадчыну Перамогі [1, с. 23], якая і зараз устойліва займае дамінунуючае становішча ў палітыка-ідэалагічным будаўніцтве беларускай дзяржавы і паводле канстытуцыйных змен і дапаўненняў выступае ў якасці адной з канстытуцыйных дамінант, што накіравана на забеспячэнне пераемнасці ў сферы дзяржаўнага кіравання і грамадскай дзейнасці.

Таксама гэта было абумоўлена вынікамі практычнай дзейнасці грамадскіх аб'яднанняў і іншых грамадскіх фарміраванняў па адраджэнні, захаванні і шырокай трансляцыі беларускай нацыянальна-культурнай гістарычнай спадчыны, іх эфектыўнай дапамозе дзяржаве ў рэалізацыі шэрагу задач і накірункаў дзяржаўнай палітыкі ў сферы культуры, правядзенні шматлікіх праектаў, якія садзейнічалі аднаўленню помнікаў гісторыі і культуры, увекавечанню памяці аб вядомых асобах і гістарычных падзеях, папулярызацыі беларускай культуры ў свеце [гл. напр.: 2]. Адзначаная тэндэнцыя прысутнічае і на сучасным этапе развіцця грамадства і дзяржавы, грамадскія фарміраванні таксама ажыццяўляюць дзейнасць па захаванні гістарычнай памяці аб падзеях Вялікай Айчыннай вайны.

Гэта можна праілюстраваць на прыкладзе прафесійных саюзаў, заснаванага Федэрацыяй прафсаюзаў Беларусі «Міжнароднага ўніверсітэта «МІТСО», якія выступаюць у якасці ініцыятараў і ўдзельнікаў маштабных мерапрыемстваў і праектаў, сярод якіх, можна адзначыць і форум «Нюрнбергскі працэс і сучаснае міжнароднае права» у межах якога, праводзіцца дадзеная канферэнцыя [3]. Значнасць форума падкрэсліваецца не толькі міжнародным фарматам, колькасцю удзельнікаў, але і грамадскім кантэкстам, які аб'ектыўна накіраваны на рэалізацыю адпаведных канстытуцыйных прынцыпаў і норм.

Канстытуцыйнае замацаванне ў ч. 2 арт 15 адзначаных палажэнняў трэба разглядаць у межах сістэмнага тлумачэння, зыходзячы з трансфармацыі ч. 1 арт. 4 Асноўнага Закона краіны, якія прадугледжвае ажыццяўленне дэмакратыі на аснове ідэалогіі беларускай дзяржавы, а таксама шматстайнасці палітычных інстытутаў і поглядаў. Адпаведна ў межах прынцыпа палітычнага плюралізма ў якасці аксіалагічнай дамінанты функцыянавання, у тым ліку, адпаведных грамадскіх фарміраванняў, прадугледжана ідэалогія беларускай дзяржавы, што не выключае ідэалогію з пераліку канстытуцыйна – прававых з'яў, разнастайнасць якіх, павінна забяспечвацца, улічваючы змест ч. 2 арт. 4 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. У гэтым сэнсе ідэалогія беларускай дзяржавы ў пазітыўным аспекце ўвасабляецца ў гуманістычнай аксіалагічнай сістэме Канстытуцыі і пабудаванай згодна з ёй сістэме заканадаўства [4, с. 61–62].

Такім чынам, разнастайныя грамадскія фарміраванні ў ідэалагічнай сферы валодаюць ідэалагічнай свабодай, якая аб'ектыўна ў межах

сістэмы канстытуцыйных каштоўнасцей, сярод якіх, адно з вызначальных месц, займае захаванне гістарычнай праўды і гістарычнай памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Пры гэтым, варта адзначыць, што гаворка не павінна ісці аб «ідэалагічным скажэнні» гістарычнай праўды. Наданьне вышэйшай юрыдычнай сілы і прамога дзеяння дадзеным палажэнням у межах іх агульнарэгулятыўнага ўздзеяння патрабуе ад усіх суб'ектаў пры ажыццяўленні нарматворчай і правапрымяняльнай дзейнасці аб'ектаўнага вызначэння і ўстанаўленне сапраўднага зместу гістарычных фактаў, правядзення гістарычнай палітыкі на грунце высокакваліфікаваных навуковых даследаванняў. На наш погляд замоўчванне або павярхоўны погляд на так званыя «нязручныя» факты наадварот можа прывесці да негатыўных наступстваў для грамадскага і дзяржаўнага развіцця ва ўмовах інфармацыйнай адкрытасці і насычанасці кантэнта.

Менавіта ў такім кантэксце неабходна разглядаць і дзейнасць Рэспубліканскага савета па гістарычнай палітыцы пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, заснаванага згодна з распараджэннем Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 4 лютага 2022 г., як пастаянна дзеючага міжведамаснага кансультаўнага і каардынацыйнага органа, створанага ў мэтах захавання гістарычнай праўды і памяці аб гераічным мінулым беларускага народа, фарміравання гістарыка-дзяржаўнага светапогляду, умацавання гісторыка – культурнай і духоўна – этнічнай агульнасці беларусаў зыходзячы з нацыянальных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, выпрацоўкі рэкамендацый па правядзенні адзінай дзяржаўнай палітыкі ў сферы гістарычнай памяці. Пры гэтым адзначым, што ў яго склад таксама ўвайшлі і прадстаўнікі палітычных партый і грамадскіх аб'яднанняў.

Абавязак дзяржавы па забяспечэнні захавання гістарычнай праўды і гістарычнай памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны спалучаецца ў межах канстытуцыйнага механізма з захаваннем памяці аб гераічным мінулым беларускага народа, патрыятызмам, як канстыцыйным доўгам грамадзян Рэспублікі Беларусь (ч. 2 арт. 54 Канстытуцыі). У сваю чаргу канстытуцыйны доўг з'яўляецца разнавіднасцю сацыяльнай адказнасці, якая выступае ў якасці важнага фактара фарміравання грамадзянскай супольнасці [5, с. 17].

Фарміраванне патрыятызму, як здольнасці ставіць дзяржаўныя інтарэсы вышэй асабістых, імкнення захоўваць і развіваць сваю краіну, яе традыцыі, культуру, гатоўнасць грамадзяніна абараняць інтарэсы дзяржавы, яго канстытуцыйны лад і тэрытарыяльную цэласнасць, згодна з п. 15 Канцэпцыі прававой палітыкі Рэспублікі Беларусь, зацверджанай Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 28 чэрвеня 2023 г., цесна звязаны з нацыянальна-дзяржаўнай самасвядомасцю і самапавагай народа, што знаходзіць сваё ўвасабленне, у тым ліку, у захаванні гістарычнага

мінулага краіны і ў першую чаргу – гістарычнай праўды і памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Такі падыход будзе садзейнічаць рэалізацыі асноўных задач уземадзееўня суб'ектаў грамадзянскай супольнасці і дзяржаўных органаў паводле арт. 4 Закона Рэспублікі Беларусь «Аб асновах грамадзянскай супольнасці» ад 14 лютага 2023 г., у тым ліку, у дачыненні ўдзелу ў духоўна – маральна і патрыятычным выхаванні грамадзян, заснаваным на культурных і духоўных традыцыях, захаванні гістарычнай праўды і памяці беларускага народа.

Такім чынам, пазытыўнае замацаванне абавязку дзяржавы па забеспячэнню захавання гістарычнай праўды і гістарычнай памяці аб гераічным подзвігу беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны ў якасці канстытуцыйнага прынцыпа ва ўмовах канстытуцыйнага рэфармавання спалучаецца з канстытуцыйным доўгам грамадзян па захаванню памяці аб гераічным мінулым беларускага народа, патрыятызмам і прадугледжвае неабходнасць актыўнага ўзаемадзееўня дзяржаўных органаў і грамадскіх фарміраванняў у межах яго рэалізацыі.

Спіс цытаваных крыніц

1. Дашкевіч, А. Л. Спадчына Вялікай Перамогі і ўстойлівае развіццё беларускай дзяржавы / А. Л. Дашкевіч // *Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления : материалы XIX Респуб. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, Минск, 20 марта 2015 г.* / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: С. В. Борико [и др.] ; под общ. ред. д-ра физ.-мат. наук, проф. И. И. Ганчерёнка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2015. – С. 23–24.

2. Сапотько, П. М. Роль и практики общественных организаций в деле возрождения и репрезентации историко-культурного наследия Беларуси / П. М. Сапотько // *Искусство и культура.* – 2018. – № 1 (29). – С. 42–48.

3. Учебный суд и дискуссии. Форум «Нюрнбергский процесс и современное международное право» пройдет 21–24 нояб. // БЕЛТА. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/uchebnyj-sud-i-diskussii-forum-njurnbergskij-protsess-i-sovremennoe-mezhdunarodnoe-pravo-projdet-21-24-593987-2023>. – Дата доступа: 23.10.2023.

4. Дашкевіч, А. Л. Канстытуцыйныя прынцыпы інстытута грамадскіх фарміраванняў ва ўмовах канстытуцыйнага рэфармавання ў Рэспубліцы Беларусь / А. Л. Дашкевіч // *Труд. Профсоюзы. Общества.* – 2022. – № 3. – С. 56–65.

5. Василевич, Г. А. Социальная ответственность каждого и надлежащее исполнение обязанностей – важные условия успешного развития страны / Г. А. Василевич // *Право.by.* – 2023. – № 4 (84). – С. 12–17.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Иванова Т. П.

Республика Беларусь, г. Витебск
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»,
доцент кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент

Юран В. П.

Республика Беларусь, г. Витебск
Витебский филиал
Международного университета «МИТСО»,
преподаватель кафедры правоведения
и социально-гуманитарных дисциплин

При изучении Нюрнбергского процесса современные исследователи не стремятся избегать проблемных вопросов в рассмотрении темы. Да, в сложных условиях послевоенного времени был тщательно подготовлен и проведен Международный судебный процесс над главными военными преступниками. Вместе с тем, на основе изучения различных материалов о Нюрнбергском процессе обратимся к выявленным проблемным аспектам.

В качестве сложностей и недостатков работы Нюрнбергского трибунала исследователи называют следующие: в работе Трибунала были пробелы, коллизии (формулировки Устава Нюрнбергского трибунала, отправлении правосудия, постановления Приговора); политические реалии того времени позволили многим преступникам уйти от ответственности (они были востребованы в ЦРУ и военно-промышленном комплексе); не все преступники включены в заключительное обвинение и не нашли правовой оценки (за трагедию белорусской деревни Хатыни, массовые убийства в Великолукских деревнях Санники и Андрюпово в 1942 г.); не было оценки законов о чистоте арийской расы, насильственной стерилизации; оправдание ряда подсудимых [1]. Устав Трибунала не предусматривал возможность оспаривания решений; по сравнению с решениями национальных судов стран Европы и СССР вердикт Трибунала был чрезмерно гуманным, за что судьи подвергались критике [2]; уцелевшие эсэсовцы не раз грозились проникнуть в зал суда и взять в заложники обвинителей и судей [3]; союзники договорились не обсуждать ряд вопросов (Катынское дело, советско-польские отношения) [2].

Одной из сложных проблем являлось отличие в судебных процессуальных правилах англо-саксонской и континентальной правовых систем. Вместе с тем важно, что принимая во внимание неустранимые противоречия между нормами национального и международного права, с одной стороны, и беспрецедентными по своей сути злодеяниями,

совершенными нацистскими преступниками в массовом порядке, с другой, страны-победительницы во Второй мировой войне приняли единственно возможное решение в сложной ситуации: 1) учредить открытый Международный военный трибунал с универсальной юрисдикцией для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси, 2) принять Устав Международного военного трибунала [1].

Проблемными аспектами также являлись: боязнь немецких адвокатов за последствия защиты нацистов; отклонение предложения СССР запретить бывшим членам партии НСДАП защищать руководителей Рейха (в итоге более половины адвокатов ими являлись); проведение ряда дискуссий судей и прокуроров без участия советских представителей; предложение адвоката – бывшего члена СС и СД Л. Бабеля судить и группы Сопrotивления; убийство одного из советских прокуроров – Николая Заря на следующий день после выступления Риббентропа; сложность в совмещении юридической и исторической трактовки событий; попытка США «приватизировать» американскую мудрость юристов – открытие новой эры – признание прав человека; сложная система документооборота, особенно в первой части процесса [4; 5].

Изучение материалов о Нюрнбергском процессе позволило увидеть, что советская делегация столкнулась с трудностями при попытке донести свою позицию до международной ответственности, что побудило в дальнейшем изменить свой подход к пропаганде и реформировать внешнеполитические интересы СССР, чтобы противостоять новым вызовам.

Комитету прокуроров на процессе приходилось последовательно и настойчиво обосновывать обвинения по отношению к главным военным преступникам в ответ на мощную защиту адвокатского корпуса.

Адвокаты настаивали на подчиненном положении своих подзащитных в нацистской иерархии, отсутствии влияния на выработку решений. Выражались опасения, что суд проходит вскоре после окончания войны и «раскрытие зверств» может вдохновить судей на месть, а не на справедливое решение. Критике подвергался разработанный Устав Международного трибунала. В ответ прокурорской коллегией обращалось внимание на длительность процесса и спокойную обстановку, в которой он проводился, что показывало отсутствие «жажды мести». Все прокуроры отметили, что подавляющая часть использованных ими доказательств была написана самими подсудимыми. Было подчеркнуто, что Трибунал учрежден 22 государствами.

Ожидания мирового сообщества от Нюрнбергского процесса были оправданы лишь частично, так как в те годы многие в мире считали, что всех нацистских преступников надо подвергнуть смертной казни без суда и следствия. Лидеры западных стран высказывали мнение, что нацистская верхушка должна быть казнена без суда. Бойцы французского движения Сопrotивления казнили без суда 8348 фашистов и их пособников. По итогам социологического опроса 67 % жителей США

выступали «за скорую внесудебную расправу над нацистскими преступниками». Конечно, такие взгляды имели право на существование. Небывалые злодеяния фашистов вызвали ярость и всеобщее возмущение во многих странах, лишали людей терпения, столь необходимого для организации и ведения процессов по всем правилам юриспруденции [3, с. 19–21].

До настоящего время исследователи называют «болезненными» следующие вопросы: по каким критериям составлялся список нацистских преступников и нацистских организаций; как проходила агентурная работа в лагерях военнопленных, среди которых выявляли военных преступников; как выстраивалась система поиска и набора адвокатов и определение их гонорара; какова была роль американской разведки в стратегии защиты по дискредитации советской делегации; кто стоял за заговором по захвату в заложники судей Международного военного трибунала; каковы были непреодолимые противоречия между советской делегацией и союзниками по антигитлеровской коалицией, приведшие к истокам «холодной войны» [6].

Таким образом, в качестве выявленных проблемных аспектов в ходе Нюрнбергского процесса были отдельные организационные, теоретико-правовые, процессуальные и правоприменительные аспекты. Нюрнбергский и последующие судебные процессы оставили ряд нерешенных вопросов.

Вместе с тем это не умаляет значимости Нюрнбергского процесса как самого известного по своей значимости, содержанию и последствиям судебного процесса XX века. Нюрнбергский процесс сыграл ключевую роль в борьбе с преступлениями против человечества, создании международных организаций по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности.

В современных реалиях глобального передела влияния в мировом пространстве, необходимости противодействия со стороны государств СНГ и прогрессивного мирового сообщества возрождению нацизма и геноцида народов, тема Нюрнбергского судебного процесса, как никогда, актуальна.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский процесс: торжество правосудия или суд победителей? Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 7–26. Рецензия на: Савинков, А. Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира : монография / А. Н. Савинков. – М. : Проспект, 2021. – 760 с.

2. Голованов, В. Г. Нюрнбергский процесс: преступления против человечества не имеют сроков давности / В. Г. Голованов // Юстиция Беларуси. – 2010. – № 6. – С. 10–12.

3. Звягинцев, А. Г. Нюрнберг: главный процесс человечества / А. Г. Звягинцев. – М. : Э, 2016. – 960 с.

4. Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками : сб. материалов / под общ. ред. Р. А. Руденко ; сост. : Г. Н. Александров А. И. Полторака,

М. Ю. Рагинский. – Т. 2. – 1965. – Военные преступления. Преступления против человечности / ред. Р. А. Руденко. – М. : Юрид. лит-ра, 1966. – 799 с.

5. Санотов, В. В. Позиция Комитета главных обвинителей на Нюрнбергском процессе / В. В. Санотов // Ученые будущего : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов, г. Минск, 26–27 окт. 2023 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; В. Ф. Ермолович (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2023. – С. 547–551.

6. Орешина, М. А. В поисках вакцины от нацизма. К 75-летию окончания Нюрнбергского процесса / М. А. Орешина // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 3. – С. 83–87.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Иванов С. А.

Российская Федерация, г. Тамбов,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный
технический университет» (ФГБОУ ВО «ТГТУ»),
доцент кафедры «Международное право»,
кандидат юридических наук

Любые войны на нашей планете сопровождаются массовым нарушением прав человека, особенно таких незыблемых, как права человека на жизнь и здоровье. Однако понимая это, люди на нашей планете как вели, так и продолжают вести боевые действия разной интенсивности. Особенно кровопролитным выдался двадцатый век, вошедший в историю, как эпоха двух мировых войн, унесших жизнь десятков миллионов человек, не говоря уже о десятках миллионов людей с покалеченными телами и судьбами. Столь многочисленным жертвам способствовало бурное развитие научной и технической мысли, позволившей получить человечеству образцы вооружений огромной разрушительной мощности, что наглядно продемонстрировали, например, бомбардировки ядерными боеприпасами японских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 году.

Именно после самой кровопролитной Второй мировой войны человечество начинает понимать опасность войн и необходимость защиты прав человека не только от их последствий, но также и от тех явлений, которые способствуют разжиганию войн. Так появилась Организация Объединенных Наций (далее – ООН), Устав [1] которой, принятый 26.06.1945, обозначил основную цель деятельности названной организации, как обеспечение условий соблюдения прав человека на нашей планете. Впоследствии была принята и Всеобщая декларация прав

человека от 10.12.1948 [2], провозгласившая соблюдение прав и свобод человека и гражданина, как особую социально-общественную ценность.

В становление и защиту прав человека в мире значительный вклад внес и Нюрнбергский процесс. В ходе данного процесса были определены новые виды международных преступлений, которые нашли свое описание в Уставе Международного Военного Трибунала [3] (далее – Устав МВТ), принятом 8 августа 1945 г. Устав МВТ отразил согласованную позицию многих государств в определении таких преступлений и их составных характеристик, предопределил основные направления в защите от них прав человека. Принципы Устава МВТ утверждены Генеральной Ассамблеей ООН как признанные всем мировым сообществом в борьбе с преступлениями против человечества.

Именно в Уставе МВТ были сформулированы нормы о составах тяжчайших международных преступлений – против мира, против человечества, военных преступлений. В соответствии с Уставом МВТ разработан ряд международно-правовых документов в области прав человека, закрепляющих общие обязательства государств по их уважению и обеспечению, разработан ряд международных конвенций, содержащих конкретные нормы по пресечению или предупреждению вышеописанных международных преступлений. К их числу можно отнести такие, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. [4]; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. [5] и др.

Нюрнбергский трибунал действительно обозначил те составы преступлений, которые могут нанести серьезный вред человечеству, поскольку они посягают на важнейшее право человека – право на жизнь. При этом он дал четкий сигнал, что необходимо активно развивать международное гуманитарное право, разрабатывать и внедрять действенные международные механизмы защиты прав человека. При этом необходимо искоренять те процессы, которые создают угрозу массового посягательства на жизнь людей.

Понятно, что после Нюрнбергского трибунала войны не прекратились, по всему миру они возникают то тут, то там с определенной степенью периодизации и интенсивности. Сейчас человечество как никогда стоит на пороге третьей мировой войны, которая будет вестись, скорее всего, с применением оружия массового поражения. Несмотря на это Нюрнбергский трибунал был и остается одним из самых серьезных исторических этапов в деле создания международных институтов защиты прав человека от агрессивных посягательств. Именно он открыл мировому сообществу возможность видения мирного сожительства с обеспечением принципов взаимного добрососедства и сотрудничества. На момент своего проведения Нюрнбергский трибунал обозначил серьезные проблемы мироустройства, которые возникали и продолжают возникать в связи с массовым нарушением права человека на жизнь.

Несмотря на это мировым сообществом в международных правовых актах до сих пор право человека на жизнь не обособлено, не обозначено как неотъемлемое естественное право, имеющее наивысшую ценность на нашей планете. Поскольку, если нет права человека на жизнь, то и бессмысленно говорить о наличии у него еще каких-либо еще прав. Все существующие государства и люди должны это понимать и стремиться развиваться так, чтобы выстраивать свои гуманитарные нормы именно вокруг права человека на жизнь.

Указанное понимание позволяет и лучше разобраться в вопросах того, откуда берут начало негативные явления, приводящие в последующем к нарушению права человека на жизнь. Есть много таких явлений, к примеру, фашизм, терроризм и другие, но их корень зачастую начинается с того, что сейчас называют экстремизмом.

Определение экстремизму приводится только в ст. 2 Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [6], принятой в Астане 9 июня 2017 г. (далее – Конвенция от 09.06.2017). Согласно данному определению под экстремизмом понимаются идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий. При этом, как ни странно, понятие экстремизма отсутствует в международных правовых актах, принятых ООН.

Вышеназванное определение претерпело серьезные изменения и стало более широким по сравнению с тем, что давалось в ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [7], принятой в Шанхае 15 июня 2001 г., согласно которому под экстремизмом понималось лишь какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них.

Несомненно, что определение экстремизма в Конвенции от 09.06.2017 шире, но и его необходимо дополнить, указав, что в результате использования соответствующих идеологий и практик происходит или может произойти массовое нарушение права человека на жизнь, а также других его прав.

При этом конвенция по противодействию экстремизму должна быть принята не отдельными государствами, а всем мировым сообществом в результате взаимодействия в рамках ООН. Данное обстоятельство в наше время очень актуально, поскольку экстремизм уже заметно себя проявляет в кругах властных структур. Тут следует привести два вопиющих примера, подтверждающих такие проявления. Так министр Израиля по делам Иерусалима и наследию Амихай Элияху допустил сброс атомной бомбы на Сектор Газа как одну из возможностей разрешения

палестино-израильского конфликта в данном анклаве [8], а в парламенте Канады произошло чествование карателя дивизии СС «Галичина» Ярослава Хунку несмотря на то, что Нюрнбергским трибуналом члены СС были объявлены преступной группой, совершавшие преступления против человечества [9].

Таким образом, уже сейчас мировым сообществом необходимо принимать международные правовые акты, направленные на выделение права человека на жизнь из общего перечня прав и создание данному праву механизмов максимальной защиты, а также на активное противодействие экстремизму, в том числе, государственному.

Список цитированных источников

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : 26 июня 1945 г. // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087. – Дата доступа: 25.10.2023.

2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // 10 дек. 1948 г. // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/10135532>. – Дата доступа: 25.10.2023.

3. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] : 8 авг. 1945 г. // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540388>. – Дата доступа: 25.10.2023.

4. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] : 9 дек. 1948 г. // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540376>. – Дата доступа: 25.10.2023.

5. Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] : 12 авг. 1949 г. // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540383>. – Дата доступа: 25.10.2023.

6. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [Электронный ресурс] : 9 июня 2017 г. // СПС «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>. – Дата доступа: 25.10.2023.

7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : 15 июня 2001 г. // СПС «Кодекс». – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901812033?marker=64U0IK>. – Дата доступа: 25.10.2023.

8. Зубов, П. В Израиле предложили сбросить атомную бомбу на сектор Газа [Электронный ресурс] / П. Зубов // Газета Ру. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/09/25/nacizm-pod-ovacii.html>. – Дата доступа: 05.11.2023.

9. Макарычев, М. Чествование карателя дивизии «Галичина» в парламенте Канады вызвало международный скандал [Электронный ресурс] / М. Макарычев // Российская газета. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/army/news/2023/11/05/21645679.shtml?updated>. – Дата доступа: 25.10.2023.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕДОПУЩЕНИЕ ПЕРЕСМОТРА

Искевич И. С.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет,
заведующий кафедрой «Международное право»,
кандидат юридических наук, доцент

Халатян А. М.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет

20 ноября 1945 г. в 10.00 в небольшом германском городке Нюрнберг открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников европейских стран оси Рим-Берлин-Токио. Этот город был выбран неслучайно: он многие годы был цитаделью фашизма, невольным свидетелем съездов национал-социалистической партии и парадов ее штурмовых отрядов. Нюрнбергский процесс осуществлял Международный военный трибунал (МВТ), созданный на основании Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. между правительствами ведущих государств-союзников – СССР, США, Великобритании и Франции, к которому присоединились 19 других стран – членов Антигитлеровской коалиции. Основу соглашения составили положения Московской декларации от 30 октября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, под которой поставили свои подписи руководители СССР, США и Великобритании.

Учреждение военного трибунала с международным статусом стало возможным во многом благодаря созданию на конференции в Сан-Франциско (апрель-июнь 1945 г.) Организации Объединенных Наций – всемирной организации безопасности, объединившей все миролюбивые государства, которые совместными усилиями оказали достойный отпор фашистской агрессии. Трибунал был учрежден в интересах всех стран – членов Объединенных Наций, которые после окончания кровопролитнейшей из войн поставили своей главной целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны: и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности». Так записано в Уставе ООН. На том историческом этапе, сразу после окончания Второй мировой войны, в этих целях было крайне необходимо всенародно признать нацистский режим и его главных лидеров виновными в развязывании агрессивной войны практически

против всего человечества, принесшей ему чудовищное горе и невыразимые страдания. Организация и юрисдикция Международного военного трибунала были определены его Уставом, составлявшим неотъемлемую часть Лондонского соглашения 1945 г. Согласно Уставу трибунал имел право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. В состав МВТ вошли судьи – представители от четырех государств-учредителей (по одному от каждой страны), их заместители и главные обвинители. В Комитет главных обвинителей были назначены: от СССР – Р. А. Руденко, от США – Роберт Х. Джексон, от Великобритании – Х. Шоукросс, от Франции – Ф. де Ментон, а затем Ш. де Риб. На Комитет возлагалось расследование дел главных нацистских преступников и их обвинение. Процесс был построен на сочетании процессуальных порядков всех представленных в трибунале государств. Решения принимались большинством голосов.

Международный военный трибунал, заседавший почти год, проделал колоссальную работу. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрено свыше 300 тысяч письменных показаний и около 3 тыс. документов, включая фото- и кинообвинения (в основном официальные документы германских министерств и ведомств, Верховного командования вермахта, Генштаба, военных концернов и банков, материалы из личных архивов). Если бы Германия выиграла войну или если бы конец войны не был таким стремительным и сокрушительным, то все эти документы (многие с грифом «Совершенно секретно»), скорее всего, были бы уничтожены или были навсегда скрыты от мировой общественности. Многочисленные свидетели, дававшие показания в ходе процесса, по словам Р. Картье, не ограничивались просто фактами, а подробно освещали и комментировали их, «привнося новые оттенки, краски и дух самой эпохи». В руках судей и обвинителей оказались неоспоримые доказательства преступных замыслов и кровавых злодеяний нацистов. Широкая гласность и открытость стали одним из основных принципов международного процесса: для присутствия в зале суда было выдано более 60 тыс. пропусков, заседания велись одновременно на четырех языках, прессу и радио представляли около 250 журналистов из разных стран.

Подсудимым была представлена широкая возможность осуществлять защиту от предъявленных им обвинений: все они имели адвокатов, им предоставлялись копии всех документальных доказательств на немецком языке, оказывалась помощь в розыске и получении необходимых документов, доставке свидетелей, которых считали нужным вызвать защитники. Однако обвиняемые и их адвокаты с самого начала процесса взяли курс на то, чтобы доказать юридическую несостоятельность Устава Международного военного трибунала. Стремясь избежать

неотвратимого наказания, они пытались переложить всю ответственность за совершенные преступления исключительно на Адольфа Гитлера, СС и гестапо, выдвигали встречные обвинения в адрес государств – учредителей трибунала. Характерно и показательно, что ни у одного из них не возникло ни малейших сомнений в своей полной невиновности.

Трибунал также признал преступными руководящий состав национал-социалистской партии, СС, СД и гестапо. Таким образом, даже приговор, согласно которому только 11 подсудимых из 21 были приговорены к смертной казни, а трое вообще были оправданы, наглядно показал, что правосудие не было формальным и ничего заранее не предreshалось. При этом член международного суда от СССР – страны в наибольшей степени пострадавшей от рук нацистских преступников, генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко в Особом мнении заявил о несогласии советской стороны суда с оправдательным приговором трем подсудимым. Он высказался за смертную казнь в отношении Р. Гесса, а также выразил несогласие с решением о непризнании преступными организациями нацистского правительства, Верховного командования, Генштаба и СА.

Важно подчеркнуть, что целью международного процесса в Нюрнберге было осуждение нацистских лидеров – главных идейных вдохновителей и руководителей неоправданно жестоких акций и кровавых бесчинств, а не всего германского народа. В связи с этим представитель Великобритании на суде заявил в своей заключительной речи: «Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель – защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?». Что касается военных лидеров, по мнению некоторых, всего-навсего выполнявших свой воинский долг, беспрекословно следуя приказам политического руководства Германии, то здесь необходимо подчеркнуть, что трибунал осудил не просто «дисциплинированных вояк», а людей, которые считали «войну формой существования» и которые так и не извлекли «уроков из опыта поражения в одной из них».

В ходе процесса осуждению подвергся и воинствующий германский милитаризм, который был «сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил». Причем, важно понимать, что понятие «милитаризм» отнюдь не связано с профессией военного. Это явление, которое с приходом нацистов к власти пронизывало все немецкое общество, все сферы его деятельности – политическую, военную, социальную, экономическую. Милитаристски настроенные германские лидеры проповедовали и практиковали диктат вооруженной

силы. Они сами получали удовольствие от войны и стремились привить такое же отношение своей «пастве». Более того, необходимость противодействия злу, также с помощью оружия, со стороны народов, ставших мишенью агрессии, могла рикошетом ударить по ним самим.

Ровно 70 лет назад, 3 мая 1946 г., в Токио начал свою работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), который иногда называют вторым или Дальневосточным Нюрнбергом. Его заседания проходили в течение почти двух с половиной лет, до 12 ноября 1948 г.

Устав Токийского трибунала вообрал в себя важнейшие положения устава Нюрнбергского трибунала. Однако в отличие от последнего в нем не был соблюден принцип паритета, то есть равноправного участия стран в организации и проведении процесса. Если в Нюрнберге члены трибунала выбирали председательствующего по взаимному соглашению, главные обвинители распределяли обязанности по поддержанию обвинения также по договоренности, а процесс велся на четырех языках (по количеству стран, участвовавших в суде), то в Токио все обстояло иначе.

Одновременно с этим чрезвычайно широкие полномочия были предоставлены Главнокомандующему союзными оккупационными войсками генералу Дугласу Макартуру. Он назначал председателя, главного обвинителя, членов трибунала из представителей, которые предлагали государства, подписавшие акт о капитуляции, а также Индия и Филиппины. Он имел право смягчить или как-то изменить приговор, но не увеличить меру наказания. Официальными языками были японский и английский. Тем самым американцы на Токийском процессе заняли ключевые позиции, стремясь таким образом продемонстрировать свой приоритет в деле разгрома Японии.

Список цитированных источников

1. Иноземцев, В. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России / В. Иноземцев // Свободная мысль XXI. – 2004. – № 9. – С. 7.
2. Тернон, И. Размышления о геноциде / И. Тернон // Рос. бюллетень по правам человека. – М., 1996. – Вып. 8. – С. 74.
3. Протокол конференции по поводу окончательного решения еврейского вопроса, состоявшейся 20.01.1942 по адресу: Берлин, Гроссен-Ваннзее, 56/58. [Электронный ресурс] // Сайт Мемориального центра Холокоста в Ванзее. – Режим доступа: <http://www.ghwk.de/russisch/prot-russ.htm>. – Дата доступа: 30.10.2023.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ГЕНОЦИДА: DE LEGE LATA И DE LEGE FERENDA

Коротич Е. А.

Республика Беларусь, г. Минск

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка

Генеральной прокуратуры Республики Беларусь,
начальник отдела разработки мер противодействия
организованной преступности и коррупции,
кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский процесс, как верно отмечается на страницах юридической печати, «явился авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды, а будущие политики – в поисках предупреждения» [1]. Признавая справедливость представленного суждения, полагаем вместе с тем, что в условиях современных реалий (отчетливо выраженных попыток искажения исторической правды, в том числе о Великой Отечественной войне, распространения идеологии нацизма, фашизма, иных подобных практик, возрождения националистически настроенных движений и др.) его основную идею следует все же облекать в формулу долженствования, особенно учитывая адресованную политикам цель «предупреждения».

Возвращаясь к проблематике Нюрнбергского процесса, следует отметить, что он, действительно, стал беспрецедентным для своего времени событием в мировой истории. Помимо того, что благодаря работе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Нюрнбергский трибунал), впервые в международной практике был реализован принцип неотвратимости ответственности и состоялось осуждение на международном уровне виновных лиц за наиболее тяжкие преступления против мира и безопасности человечества, Нюрнбергский трибунал стал важной вехой на пути развития современного международного права, особенно в части его уголовно-правовой составляющей. Как верно отмечается в специальных исследованиях, заслугой именно Нюрнбергского трибунала стало формирование «международно-правовых норм о самом массовом и чудовищном преступлении за всю историю человечества – геноцида» [2, с. 18]. При этом примечательно, что ни в приговоре трибунала, ни в его учредительном документе – Уставе, понятие геноцида не использовалось. Хотя, по данным исследователей, в процессуальных документах и выступлениях участников (обвинителей) Нюрнбергского процесса термин «геноцид» упоминался, что во многом и предопределило появление утверждений о том, что «именно на Нюрнбергском процессе впервые в юридической практике был использован термин «геноцид» [2, с. 19].

Как представляется, значение Нюрнбергского процесса для становления международно-правовых норм об ответственности за геноцид следует связывать не только с использованием (введением в официальный оборот) указанного понятия, но и в первую очередь с самим фактом осуждения за деяния, которые концептуально характеризуют содержание противоправности преступления геноцида. Кроме того, именно результаты работы Нюрнбергского трибунала были использованы в последующем в международном правотворческом и правоприменительном процессе. Так, в Резолюции ГА ООН от 11 декабря 1946 г. A/RES/96(I) «Преступление геноцида» было не только закреплено понятие «геноцид», но и предусматривалось, что геноцид «означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп», и определялись основные характеристики данного посягательства. Нормы в рассматриваемой области, отраженные в Уставе Нюрнбергского трибунала, а также сформулированные в ходе Нюрнбергского процесса, получили отражение и в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция 1948 г.), которая по праву считается одним из основополагающих документов современного международного уголовного права из числа актов «Нюрнбергского наследия» [3, с. 3]. Эти же нормы и принципы были имплементированы и в национальное, прежде всего уголовное, законодательство государств (в том числе опосредовано, на основании ратификации Конвенции 1948 г.).

В Республике Беларусь нормы об ответственности за геноцид предусмотрены в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК). Кроме того, принят Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-З «О геноциде белорусского народа» (далее – Закон о геноциде белорусского народа), который стал первым актом в отечественной правовой системе, законодательно закрепившим факт геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Как представляется, данный Закон по своей функциональной природе выполнил роль, во многом близкую той, которую в свое время сыграла Конвенция 1948 г., а именно: стал своего рода «отправной точкой» для дальнейшего, причем системного, развития законодательства и правоприменительной практики Республики Беларусь по пути сохранения исторической правды и памяти, недопущения фальсификации событий Великой Отечественной войны, дальнейшего осуждения виновных лиц, а также установления правовых и институциональных барьеров для развития возможных дискриминационных практик, способных привести к грубейшим нарушениям прав человека, аналогичным тем, которые имели место в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период.

Следует отметить, что Закон, определяя понятие геноцида белорусского народа, не ограничивает круг потерпевших фактом их принадлежности только к национальной, расовой, этнической или религиозной группе, чем выгодно отличается от положений Конвенции 1948 г.,

демонстрирующей в этой части несколько ограничительный подход, становившийся предметом критических замечаний [4, с. 11].

Отличает Закон о геноциде белорусского народа и отчетливо выраженная предупредительная направленность, формализованная в содержании распорядительных норм, предусмотренных в ст. 4 и определяющих необходимость принимать на постоянной основе меры по увековечению памяти жертв и распространению достоверной информации о геноциде белорусского народа, просвещению граждан в данной области. Следует отметить, что в этой части (пусть и незначительной с точки зрения объема нормативного материала) национальный Закон также отличается от Конвенции 1948 г., в которой, несмотря на то, что в названии содержится указание на предупреждение геноцида, по сути нет ни одной нормы предупредительного характера.

Следует отметить, что положения Закона о геноциде белорусского народа стали основой для совершенствования и УК: в соответствии с предписаниями ст. 2 данного акта внесены изменения в уголовный закон посредством криминализации в ст. 130-2 УК такого деяния, как отрицание геноцида белорусского народа (*справочно: ответственность за геноцид предусмотрена в ст. 127 УК*).

Не останавливаясь на конструктивных признаках состава указанного преступления, хотелось бы обратить внимание на особое юридическое значение факта установления ответственности за указанное деяние. Помимо того, что ст. 130-2 УК позволяет привлекать к ответственности лиц, намеренно искажающих факты Великой Отечественной войны посредством отрицания геноцида белорусского народа, данная норма имеет существенный превентивный потенциал, являясь по сути нормой с двойной превенцией: закрепляя меры ответственности за отрицание геноцида, уголовный закон призван удерживать лиц не только от совершения данного преступления (как в рамках общей, так и частной превенции), но и фактически служит целям предупреждения иных преступных деяний (например, реабилитации нацизма).

Как представляется, криминализация отрицания геноцида белорусского народа должна способствовать и устранению (минимизации) субъективного фактора в причинном комплексе развития негативных (противоправных) фоновых явлений геноцида и иных дискриминационных практик поведения, уменьшению степени их латентности.

Следует отметить, что опыт криминализации подобных деяний известен уголовному законодательству ряда зарубежных государств, в том числе постсоветского пространства (например, ст. 397-1 УК Армении, в России признаки данного деяния охватываются таким составом, как реабилитация нацизма). При этом в законодательстве отдельных государств предусматривается ответственность не только за факт отрицания геноцида, но и его одобрение и (или) оправдание. Бесспорно, можно согласиться с тем, что отрицание геноцида белорусского народа является специальной нормой по отношению к ст. 130-1 УК, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма. Так, согласно

ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» одним из проявлений реабилитации нацизма является одобрение или отрицание преступлений против мира и безопасности человечества, военных и других преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, либо приговорами национальных, военных и оккупационных трибуналов и т. д. Как известно, п. «с» ч. 2 ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала к числу преступлений против человечности отнесены убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала. Очевидно, что содержание объективных признаков указанных деяний (с некоторой корректировкой) было положено в основу определения противоправности преступления геноцида в нормах Конвенции 1948 г. (ст. II).

Вместе с тем полагаем, что с точки зрения системности уголовного закона и требований нормотворческой техники, а также учитывая наличие отдельной нормы об ответственности за отрицание геноцида, такое распределение признаков, характеризующих, по сути, однопорядковые явления, по разным статьям УК выглядит искусственным.

В контексте сказанного полагаем уместным дальнейшее развитие уголовного закона Беларуси в рассматриваемой области, а именно: расширение перечня деяний, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 130-2 УК, за счет таких посягательств, как одобрение и (или) оправдание геноцида белорусского народа. Реализация подобного подхода потребует и уточнения признаков основного состава преступления, предусмотренного ст. 130-1 УК, а именно дополнения диспозиции ч. 1 ст. 130-1 УК негативным признаком, предполагающим отсутствие в содеянном признаков деяния, предусмотренного ст. 130-2 УК. В контексте действующего законодательства такое дополнение позволит исключить коллизию соответствующих уголовно-правовых запретов.

Полагаем, что предложенное направление дальнейшей корректировки уголовного закона может служить целям предупреждения противоправных деяний в отношении белорусского народа, потенциально способных привести к развитию (возрождению) геноцидных форм поведения.

Список цитированных источников

1. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конф., г. Москва, 18 нояб. 2016 г. / под общ. ред. О. С. Капинус ; Ген. прокуратура Рос. Федерации ; Акад. Ген. прокуратура Рос. Федерации. – М. : Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – 230 с.

2. Аванесян, В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид / В. В. Аванесян // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.

3. Мартиросян, А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. С. Мартиросян ; Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2014. – 26 с.

4. Аванесян, В. В. Геноцид: криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. В. Аванесян ; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва внутр. дел РФ. – М., 2010. – 36 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ ЛЕГИТИМНОСТИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Левицкая Е. А.

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
и. о. заведующего кафедрой международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Цивилизация требует ответа: настолько ли правовые нормы отстают, что они бессильны справиться с преступлениями такого размаха, совершенными преступниками, занимавшими столь высокое положение. Она не ждет от вас, чтобы вы сделали войны невозможными, – она ожидает, чтобы ваши юридические действия отдали силы международного права, его заповеди, его запрещения и, прежде всего, его санкции на службу делу мира с тем, чтобы люди доброй воли во всех странах могли иметь «право на существование при полной свободе под сенью закона».

Р. Джексон

Нюрнбергский процесс – тема, не теряющая актуальности, многообразия аспектов содержания и эмоциональной окраски, и даже приобретающая значимость вновь и вновь с учетом современной геополитической ситуации, нарастающих противоречий, эскалации международных конфликтов, изменения подходов к международному праву и расстановке сил в рамках мирового сообщества. Тема, которую сложно описать сухо и в отрыве от личного восприятия и исторического контекста.

Одним из аспектов данной темы является возможность и необходимость ее рассмотрения не только с точки зрения формирования принципов международного уголовного права, не с позиций утверждения новых составов уголовных преступлений против человечности, а с точки зрения источников международного права и их роли в прак-

тике международного взаимодействия, с позиции их связи с внутренним законодательством стран, взаимодействия международного и национального права, значения международных договоров как источников международного права и вектора развития национальных правовых систем, значения деятельности отдельных стран в инициировании процессов международного нормотворчества.

Уже в 1941 году, спустя несколько месяцев после вторжения гитлеровской Германии на территорию Советского Союза, в Нотах народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова, направленных послам всех стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, обращалось внимание международного сообщества на вопиющие преступления фашистов, «возмутительные зверства», «чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков» которые затронули, в том числе, Украинскую ССР (о. Хортица, Репки, Холмы и др.), Белорусскую ССР (Борисов, Заболотье, Брянск, Витебск) и другие деревни, села, города и области страны.

Нота акцентирует внимание на нарушение гитлеровской Германией уже существующих норм и принципов международного права, закрепленных Гаагской конвенцией 1907 г., участницей которой являлась и сама Германия с возложением ответственности на «преступное гитлеровское правительство Германии»¹.

Эти документы, составленные в рамках дипломатических отношений стран и не являющиеся источниками международного права, однако, поднимали вопрос об ответственности военных преступников, деяния которых распространялись на территории многих стран, обозначали роль отдельных государств и международного сотрудничества в сфере международного правотворчества².

Вопрос получил свое продолжение в Московских декларациях правительств СССР, Великобритании и США 1943 году «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» и «Декларации по вопросу о всеобщей безопасности». Декларации разграничивают преступления, совершенные на определенной территории и подсудные соответствующим национальным судам, и преступления, «которые не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников», озвучивая идею необ-

¹ Нота Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных [Электронный ресурс] // Электр. б-ка исторических документов. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/167081#mode/inspect/page/6/zoom/4> (дата обращения: 05.10.2020).

² Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 02.11.1942 // Нюрнбергский процесс в документах российских архивов. URL: <http://nurnberg.rusarchives.ru/documents/ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-ob-obrazovanii-chrezvychaynoy-gosudarstvennoy> (дата обращения: 05.10.2020).

ходимости международной юрисдикции, обусловленную самим характером совершаемых преступлений, который в ноте СССР 1941 года обозначен как «повсеместный и предусмотренный».

Данная идея получила свое формальное закрепление 8 августа 1945 г. через соглашение, имеющее природу нормативного договора, о создании Международного военного трибунала, утверждение его Устава и Регламента.

В ходе процесса подсудимыми оспаривалось само существование на момент совершения деяний норм, нарушение которых могло бы стать основанием для привлечения их к ответственности. Однако отсутствие единого систематизированного источника норм и соответствующего международного договора, не позволяет сделать вывод о том, что процесс был основан только на нормах, созданных *post factum*. На тот момент международным правом уже была разработана и сформирована определенная база источников, принципов, обычаев, игнорирование которых не может быть связано только с отсутствием единого, кодифицированного международно-правового акта, о чем свидетельствует вся история развития международного права и особенности применения его норм, тем более что многие принципы и правила уже приобрели нормативный характер.

Можно выделить несколько групп источников, апеллировать к которым возможно как к правовым основам легитимности Нюрнбергского трибунала, включая его материальную сторону:

1) договоры, заключенные Германией с рядом стран (Румыния, Великобритания, Польша, СССР, Франция), нарушение которых актом германской агрессии противоречило как их непосредственному содержанию и взятым на себя обязательствам сторон, так и общеправовому и международному принципу добросовестного выполнения обязательств;

2) «право Женевы» и «право Гааги», отражающее на уровне Конвенций, ранее ратифицированных Германией, правила и обычаи ведения войны;

3) Статут Постоянной палаты международного правосудия 1920 г. и другие акты Лиги Наций, содержащие указание на общие принципы права, признанные цивилизованными нациями как применимое право и, соответственно, сами принципы права.

И отрицать наличие данных принципов – значит отрицать наличие права в целом, утверждая лишь отсутствие границ и начал справедливости, так долго и кропотливо вынашиваемых человеческой цивилизацией.

В целом вопрос о необходимости правосудия надгосударственного уровня, ответственности правительств и отдельных лиц, определяющих его политику, не являлся абсолютно новым и внезапным прецедентом, поскольку не раз ставился в науке, и уже имел на тот момент определенное звучание в международных соглашениях, закреплявших

договоренность стран о том, что в случае совершения преступлений против нескольких государств, обвиняемых будут судить «смешанные комиссии», составленные из военных судей этих государств (ст. 229 Версальского мирного договора 1919 г. и др. акты данного периода). Сложность вопроса заключалась, в первую очередь, в посягательстве на суверенитет государства, да и вообще в неготовности мирового сообщества принять саму возможность привлечения к ответственности первых лиц государства и их режимы. В отношении государственного суверенитета и его оценки в качестве препятствующего международному правосудию института хотелось бы привести слова Р. Джексона: «Если великие державы, которые командуют силами мира, хотят, чтобы общество наций управлялось законом, эти принципы могут способствовать достижению этой цели. Если те, кто обладает властью принимать решения, вернуться к концепции неограниченного и безответственного суверенитета, ни эта, ни какая-либо иная хартия не спасут мир от международного беззакония». Данная формулировка по своей сути представляется квинт-эссенцией международного права, выраженной в речи обвинителя от США на Нюрнбергском процессе.

Нюрнбергский процесс являл собой пример международного права в действии, пример преодоления различий менталитета, правовых и политических систем, принадлежности к разным правовым семьям, пример преодоления национальных различий в конструировании и восприятии отдельных институтов права в попытке закрепить основанный на праве международный порядок. В процессе выработки единых подходов к процессуальным и материальным вопросам ведения дела, представители стран касались множества значимых как для теории права, так и для правоприменения вопросов (содержание юридических терминов, принципы и стадии уголовного процесса, наличие досудебного следствия, права обвиняемых, роль защитника и прокурора, оценка доказательств и др.), при этом правила, выработанные в рамках национальных юрисдикций, достижения юридической науки и практики широко использовались при формировании подходов к разбирательству. И наоборот, достигнутые при формулировании Устава трибунала и вынесенного приговора результаты международно-правового сотрудничества, впоследствии выраженные в нормативных документах (в частности, резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., 21 ноября 1947 г.), воспринимались для совершенствования национальных правовых систем.

Пока будет существовать цивилизация, сохранится и необходимость многостороннего согласования самих условий ее существования с помощью норм и механизмов международного права, одним из примеров реализации которых и является Нюрнбергский процесс.

Список цитированных источников

1. Нота Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова о возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных [Электронный ресурс] // Электр. б-ка исторических документов. – Режим доступа: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/167081#mode/inspect/page/6/zoom/4>. – Дата доступа: 05.10.2020.

2. Конференция министров иностранных дел США, Великобритании и СССР (Москва, 1943). Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства : приложение № 10 к Секретному протоколу Московской конференции 19–30 окт. 1943 г. – М., 1943. – 2 л. – (Память о Великой победе).

3. Декларация четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности : принята 30.10.1943 // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1955. – Вып. XI. – С. 48–49.

4. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси» : принят в г. Лондоне 08.08.1945 // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – М., 1955. – Вып. XI. – С. 165–172.

5. Женевская (1906 г.) и Гагская (1907 г.) конвенции. – Петроград : Типография Морского министерства, 1914. – 16 с.

6. IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны» [рус., англ.] (Вместе с «Положением о законах и обычаях сухопутной войны») : [заключена в г. Гааге 18.10.1907] // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540206>. – Дата доступа: 15.10.2023.

7. Женевская конвенция «О содержании военнопленных» : 27 июля 1929 г. / ЦХИДК. Ф. 1/п, оп. 21а, д. 47, л. 22–48.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ГААГСКОЕ ПРАВОСУДИЕ ПРЕЕМНИКОМ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА?

Мезяев А. Б.

Российская Федерация, г. Казань
Университет управления «ТИСБИ»,
заведующий кафедрой международного права,
доктор юридических наук, профессор

Резкое осложнение международных отношений на современном этапе заставляет по-новому взглянуть на некоторые важнейшие события, которые, казалось давно стали историей. Одним из таких событий является судебный процесс над главными военными преступниками нацистской Германии, проведенный более семи десятков лет назад в Международным Военным Трибуналом (МВТ). Как показывает анализ, данный процесс сохраняет свою актуальность как для теории, так и для практики современного международного права и международных отношений.

Прежде всего следует отметить, что Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками европейских стран оси до сих пор является самым справедливым международным судебным процессом. Во-первых, перед судом предстали именно те, кто действительно нес ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны. В этом отношении с самого начала деятельность обвинителей трибунала была объективной и справедливой. Во-вторых, суд был проведен в соответствии с действовавшими в то время нормами по защите прав обвиняемых, однако Трибунал принял ряд норм, которые продвинули международное уголовное процессуальное право вперед, закрепив ряд новых гарантий справедливого судебного процесса. В-третьих, на процессе были представлены убедительные доказательства, и вина каждого обвиняемого была установлена (либо не установлена) в соответствии с высшими стандартами права.

Нюрнбергский приговор стал выражением нового, рождавшегося в середине 1940-х гг. прогрессивного международного права. Ответственность за подготовку и развязывание агрессивной войны теперь была закреплена не только на «бумаге», но и получила свое фактическое выражение в наказании главных преступников нацистской Германии. Вклад Нюрнбергского трибунала в развитие международного права действительно велик. Тем не менее сегодня мы становимся свидетелями явлений, ставящих под сомнение Нюрнбергский приговор и даже саму легитимность Нюрнбергского Трибунала. Это происходит в самых различных областях: и в истории, и в политике, в том числе геополитике, и в праве. В этой связи следует прежде всего отметить решение Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «В. М. Кононов против Латвии», вынесенное Большой палатой 17 мая 2010 г. Не случайно Государственная Дума РФ в своем Заявлении от 21 мая 2010 г. указала на то, что данное Постановление ЕСПЧ может быть рассмотрено «не только как опасный судебный прецедент и изменение правовых подходов к оценке событий Второй мировой войны, но и как попытка инициировать пересмотр решений Нюрнбергского Трибунала». Аналогично расценили это решение ЕСПЧ и Минюст, и МИД России.

ЕСПЧ сделал вывод о том, что деяния, признанные преступными Уставом и приговором НТ применительно к представителям стран оси, являются преступными и подлежат уголовному наказанию и в случае их совершения представителями антигитлеровской коалиции. Однако Европейский Суд «забыл», что юрисдикция Нюрнбергского Трибунала охватывала исключительно военных преступников стран оси. В этой связи особо встает вопрос о действии норм НТ, в первую очередь его Устава, во времени. В практике ЕСПЧ последовательно признается, что «законы, которые были приняты в совершенно исключительных обстоятельствах после окончания Второй мировой войны в целях наказания за военные преступления, акты предательства и пособничества врагу»² (т. е. в первую очередь Устав НТ), во-первых, несли в себе эле-

мент обратной силы и, во-вторых, применялись только к преступникам стран оси. Такое мнение является господствующим и в доктрине международного права. Подтверждается оно и практикой государств: случаи, когда непосредственно на основании международно-правовых актов (а не национальных уголовных законов) к ответственности за военные преступления привлекались бы военнослужащие антигитлеровской коалиции, не известны. Таким образом, можно констатировать, что в 1945 году союзниками был сделан осознанный юридический, политический и нравственный выбор: привлечь к уголовной ответственности на основании частично ретроактивного применения уголовного закона только военных преступников стран оси и не распространять этот закон на антигитлеровскую коалицию. Данное решение суда *ad hoc*, созданного для конкретной ситуации, впоследствии было признано правильным всем мировым сообществом. Однако решение Большой палаты ЕСПЧ (п. 207) в корне противоречит этой правовой, политической и моральной установке, которую никто всерьез не подвергал сомнению на протяжении 65 лет.

Для оценки правомерности утверждений о правопреемстве гаагского правосудия нюрнбергскому, следует провести сравнительный анализ основных аспектов создания и деятельности НТ в сравнении с современными МУСТ. Сточки зрения влияния на формирование современной международной уголовной юстиции наиболее значимой является деятельность МТБЮ. Именно этот трибунал стал первым международным уголовным судебным учреждением, созданным более чем через полвека после Нюрнбергского Трибунала и заложившим материальную и процессуальную основу для всей современной системы международной уголовной юстиции. Вопрос о соотношении деятельности НТ и МТБЮ уже подвергался анализу в отечественной научной литературе. Так, профессор Н. Г. Михайлов рассматривает некоторые общие черты этих двух судебных учреждений. Он, в частности, отмечает следующие факторы.

В обоих случаях широкое мировое сообщество не было вовлечено в процесс их создания; оба трибунала являются *ad hoc* судебными органами; положения их уставов имеют обратную силу; они представляют собой суды победителей; и тем, и другим трибуналом были привлечены к уголовной ответственности и осуждены высокопоставленные государственные и военные деятели; и Трибунал в Нюрнберге, и МТБЮ уделяли недостаточное внимание жертвам преступлений – потерпевшим; трибуналы нельзя назвать исключительно судебными органами; судьи, наряду с судейской, выполняли и несвойственную их профессии законодательную функцию [5, с. 91–96].

В научной литературе иногда можно встретить точку зрения, согласно которой создание международных уголовных трибуналов *ad hoc* в начале 90-х гг. есть естественное продолжение создания и деятельности Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. Однако с таким подходом согласиться нельзя. Понятно, почему

новые международные трибуналы, прежде всего МТБЮ стремились стать «наследниками» Нюрнберга. На наш взгляд, они не были созданы в соответствии с действующими нормами международного права, и потому вполне логично, что они активно искали своей легитимности, в том числе в научной среде. В то же время анализ деятельности МТБЮ показывает, что он не только не является наследником и уж тем более правопреемником Нюрнберга, но и является его антиподом. Более того, само создание МТБЮ было одним из первых главных шагов по разрушению наследия Нюрнбергского Трибунала.

Ряд исследователей отмечают такую общую черту в процессе создания НТ и МТБЮ, как создание обоих трибуналов узким кругом государств, отсутствие широкого участия мирового сообщества в процессе создания международных уголовных судебных органов. Некоторые авторы даже считают, что «основываясь на процедуре их учреждения, ни первый, ни второй нельзя отнести к истинно международным судебным органам» [5, с. 91]. Однако, на наш взгляд, в вопросе создания трибуналов более существенными являются различия. Круг участников в данном случае является фактором весомым, но не решающим для целей международно-правовой квалификации этих трибуналов в качестве законных и легитимных.

Нюрнбергский Трибунал был создан в соответствии с нормами международного права – на основе международного договора. Что касается легитимности создания НТ, то она не подвергается сомнению, т. к. Трибунал создан жертвами нападения нацистской Германии, внесшими решающий вклад в прекращение агрессии и освобождение захваченных ею стран. В отличие от Нюрнбергского Трибунала, МТБЮ был создан на основе резолюции СБ ООН. Согласно Уставу ООН Совет Безопасности не обладает судебными полномочиями и, соответственно, не может создавать судебные органы. Такой способ создания МТБЮ нарушил известный общий принцип права – *Nemo dat quod non habet* (Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам).

Важнейшим различием НТ и МТБЮ является их юрисдикция. Нюрнбергский трибунал был создан для наказания лиц, виновных в развязывании войны. Однако МТБЮ был создан для наказания лиц, виновных в нарушении международного гуманитарного права, т. е. в совершении военных преступлений (ст. 1 Устава МТБЮ). Таким образом, перед МТБЮ не была поставлена задача выяснить, кто виноват в развязывании войны. Военные преступления совершались, а войны – согласно создателям трибунала – как будто и не было. Случаен ли этот парадокс? Конечно, нет. МТБЮ создавался как раз для того, чтобы исключить ответственность тех, кто развязал войну.

Как видим, изучение НТ, его деятельности и приговора даже через более чем семь десятилетий не является лишь историческим экскурсом. Попытки ряда сил подорвать послевоенную систему мироустройства и использование с этой целью в том числе органов современной

международной юстиции говорят нам о том, что изучение Нюрнберга сегодня – это не история, это – наш шанс на недопущение поворота от прогрессивного развития международного права и сегодня, и в будущем. Новым доказательством того, что Нюрнберг пока рано называть историей, стало Решение ЕСПЧ от 25 июля 2011 г., принявшее в качестве допустимой жалобу ряда граждан Польши (которым государство оказывало всяческое содействие) против Российской Федерации по так называемому «катынскому делу». Как известно, «катынское дело» впервые было рассмотрено именно на Нюрнбергском процессе. Ревизия Нюрнберга продолжается...

Список цитированных источников

1. Волеводз, А. Г. Современная система международной уголовной юстиции / А. Г. Волеводз, В. А. Волеводз. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 536 с.
2. Гуськова, Е. Ю. История балканского кризиса 1990 – 2000 / Е. Ю. Гуськова. – М. : Алгоритм, 2001. – 720 с.
3. Казанский журнал международного права. – 2011. – № 4. – 192 с.
4. Михайлов, Н. Г. Трибуналы в Нюрнберге и Гааге. Некоторые общие черты / Н. Г. Михайлов // Казанский журн. междунар. права. – 2011. – № 4. – С. 91–95.
5. Решетов, Ю. А. Международно-правовая уголовная ответственность физических лиц за международные преступления / Ю. А. Решетов, Э. Цоллер // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма ; пер. с англ. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1995. – С. 107–110.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ЗАПРЕТ ПРОПАГАНДЫ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРИГОВОРА, ВЫНЕСЕННОГО НЮРНБЕРГСКИМ ТРИБУНАЛОМ

Мороз Н. О.

Республика Беларусь, г. Минск
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры международного права
факультета международных отношений,
кандидат юридических наук, доцент

Приговор, вынесенный Международным военным трибуналом для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Нюрнбергский трибунал), стал не только исторически значимым прецедентом привлечения высших должностных лиц к ответственности за совершение международных преступлений, но и внес значительный вклад в прогрессивное развитие международного права.

В заявлении министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности «О 75-летию При-

говора Международного военного трибунала в Нюрнберге» от 19 мая 2021 г. подчеркивалось, что процесс заложил основу послевоенных международно-правовых инструментов, направленных на предотвращение развязывания войн, актов геноцида, пыток и других преступлений против человечности.

Принятие Устава ООН в 1945 году ознаменовало начало нового периода в развитии международного права. В Уставе ООН было впервые закреплено правило о недопустимости прибегать к агрессии, а также провозглашена необходимость разрешения всех международных споров мирным путем. В преамбуле Устава ООН 1945 года указано, что народы Объединенных Наций «преисполнены решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе». По этой причине распространение идей, направленных на подстрекательство к развязыванию новой войны, стало рассматриваться в контексте предупреждения конфликтов.

В этой связи в 1947 году Комиссия по правам человека ООН указывала на необходимость формулирования положений проекта Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МПГПП), касающихся закрепления права на свободу мнений в контексте содержания двух резолюций, принятых Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция 110 (II) от 3 ноября 1947 г. и резолюция 127 (II) от 15 ноября 1947 г.), которые посвящены мерам, направленным на противодействие разжиганию новой войны и распространению ложной информации.

Таким образом, пропаганда войны является одной из самых опасных форм пропаганды. В соответствии со ст. 20 МПГПП «всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом».

Следует отметить, что процесс включения запрета пропаганды войны в текст МПГПП сопровождался значительными затруднениями. В настоящее время оговорки к п. 1 ст. 20 МПГПП, полностью отрицающие юридическое действие данного положения в отношении заявивших их государств, сформулированы Данией, Финляндией, Исландией, Люксембургом, Нидерландами, Новой Зеландией, Норвегией, Швецией, США. Кроме того, отдельные государства заявили оговорки не принимать законодательных мер в отношении п. 1 ст. 20 или ст. 20, в целом, более, чем это необходимо для обеспечения публичного порядка (Австралия, Великобритания), или принимать только такие меры, которые практически осуществимы (Ирландия), или не принимать законодательных мер к реализации ст. 20 МПГПП (Мальта) [1]. Таким образом, фактически, п. 1. ст. 20 МПГПП не действуют в отношении 13 государств – участников Пакта.

В Замечании общего порядка № 11, принятом Комитетом по правам человека, указано, что «Комитет считает, что государствам-участникам, которые этого еще не сделали, следует предпринять необходимые меры для выполнения обязательств, содержащихся в ст. 20, и воздерживаться от любой пропаганды или выступлений такого рода». Таким

образом, исходя из п. 1 ст. 20 МПГПП государства обязаны: а) принять законодательство по запрету пропаганды войны; б) воздерживаться от любой пропаганды такого рода.

Разработка МПГПП началась практически сразу после окончания Второй мировой войны. В ходе данного вооруженного конфликта активно использовалась пропаганда ненависти, что в итоге, привело к совершению ужасных преступлений. По этой причине большинство государств хотели включить в текст международного договора положение, которое бы способствовало недопущению такой ситуации в будущем [2, с. 16–28].

Так, в резолюции 110 (II) от 3 ноября 1947 г. осуждается «пропаганда, имеющая целью или способная создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии», а в резолюции 127(II) от 15 ноября 1947 г. указывалось, что распространение «ложной и извращенной» информации не способствует дружественным отношениям между государствами.

Иногда экспертами высказывается мнение, что п. 2 ст. 20 МПГПП представляет собой деятельность, предшествующую пропаганде войне, тогда как п. 1 ст. 20 может рассматриваться в качестве прямого подстрекательства к войне [3, с. 14]. С такой трактовкой ст. 20 МПГПП можно согласиться лишь отчасти. Как уже было указано выше, п. 1 ст. 20 ориентирован на предупреждение развязывания межгосударственных конфликтов.

Так, на основании определения, предложенного Бразилией, можно прийти к выводу, что сам термин «пропаганда» понимался как повторяющееся и настойчивое выражение мнения». При этом такое выражение мнения имело четкую цель – «создать атмосферу ненависти и непонимания между народами... чтобы в конечном итоге привести к вооруженному конфликту» [4].

Следует отметить, что пропаганда против мира и пропаганда войны не являются терминами-синонимами. Первое понятие шире, и включает в себя пропаганду войны. В резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 381 (V) от 17 ноября 1950 г. уточняется, что к пропаганде против мира кроме подстрекательства к конфликтам и агрессии относится: а) меры, которые ведут к изоляции народов от всякой связи с внешним миром и препятствуют печати, радио и другим органам осведомления передавать информацию о событиях международного характера, затрудняя этим международное осведомление и взаимопонимание народов; б) меры, которые направлены на то, чтобы замалчивать или искажать работу ООН в пользу мира или мешать народу одной страны знать мнения народов других государств – членов Организации [5].

Международная судебная практика в части определения термина «пропаганда» весьма немногочисленна. Наиболее важным с точки зрения прояснения содержания понятия «пропаганда» является приговор Нюрнбергского трибунала в отношении Ю. Штрейхера.

Так, Ю. Штрейхер, главный редактор антисемитской газеты «Штурмовик» был признан виновным в преступлениях против человечности (п. с ст. 4 Устава Нюрнбергского трибунала 1945 г.). Следует отметить, что в Уставе Нюрнбергского трибунала термин «пропаганда» не употребляется. В то же время деятельность, осуществляемая Ю. Штрейхером посредством своей газеты, именовалась трибуналом как «пропаганда».

В приговоре трибунала указывается, что: «подстрекательство Ю. Штрейхера к убийствам и истреблению в то время, когда евреи на Востоке убивались самым жестоким образом, явно представляет собой преследование по политическим и расовым мотивам в связи с военными преступлениями, как это определено Устава, и составляет преступление против человечности». Для того, чтобы доказать виновность Ю. Штрейхера, Нюрнбергский трибунал установил связь между ведущейся информационной деятельностью и преследованием, а также убийствами евреев. В качестве подтверждения были названы 23 статьи, вышедшие с 1938 по 1941 гг. в газете «Штурмовик», в которых евреи назывались «паразитами», «врагами», «злодеями», не людьми; прямо призывалось к «уничтожению», «истреблению» евреев, к «окончательному решению вопроса»; упомянута подписка на еврейское издание *Israelitisches Wochenblatt*, которая позволяла Ю. Штрейхеру узнавать о массовых убийствах евреев на оккупированных восточных территориях [6]. В приговоре также указывалось, что «в его выступлениях и статьях, неделя за неделей, месяц за месяцем, он заражал разум немцев вирусом антисемитизма и подстрекал немецкий народ к активным преследованиям. Каждый выпуск *Der Stürmer*, который в 1935 году достиг 600 000 тиражей, был наполнен такими статьями, часто непристойными и отвратительными» [6]. Таким образом, деятельность Ю. Штрейхера в части ведения пропаганды характеризуется определенной длительностью (периода издания газеты), масштабностью (объем тиража и его территориальный охват), сочетанием выступлений в пользу антисемитизма и подстрекательства к противоправным действиям против евреев, что в конечном итоге, привело к совершению преступлений против человечности (т. е. наличием последствий) [6].

Таким образом, на основании изложенного выше можно прийти к выводу, что государства – разработчики МПГПП стремились предупредить развязывание межгосударственных вооруженных конфликтов, обусловленное пропагандой войны. Приговор Нюрнбергского трибунала в отношении Ю. Штрейхера заложил понимание признаков пропаганды (деятельность должна быть конкретной, характеризоваться определенной масштабностью, носить определенную длительность, может сочетать выступления в пользу ненависти, так и подстрекательства к противоправной деятельности, что в конечном итоге может привести к конкретным последствиям), которые вполне применимы к уяснению сущности пропаганды войны.

Список цитированных источников

1. International Covenant on Civil and Political Rights, New York, 16 December 1966 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: https://treaties.un.org/pages/ViewDetail.spx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-4&chapter=4&clang=_en#EndDec. – Date of access: 18.12.2020.

2. Мороз, Н. О. Пропаганда войны в современном международном праве / Н. О. Мороз // Междунар. гуманитарное право глазами белорусской общественности : материалы междунар. науч. форума, Минск, 30 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. Ф. Довгань (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 16–28.

3. Пропаганда и свобода массовой информации. Памятная записка Бюро Представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. – Вена : БДИЧ ОБСЕ, 2015. – 82 с.

4. Draft International Covenants on Human Rights, AC.3.L.932, 20 October 1961 [Electronic resource] // United Nations. – Mode of access: <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Expression/ICCPR/AC.3.L.932.pdf>. – Date of access: 18.12.2020.

5. Осуждение пропаганды против мира [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН 381 (V), 17 нояб. 1950 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/381%28V%29>. – Дата доступа: 20.12.2020.

6. Judgment: International Military Tribunal (Nuremberg), 1 October 1946 [Electronic resource] // The Global Campaign for ratification and implementation of the Kampala Amendments on the Crime of Aggression. – Mode of access: https://crimeofaggression.info/documents/6/1946_Nuremberg_Judgement.pdf. – Date of access: 15.12.2020.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ОПЫТ НЮРНБЕРГСКОГО И ТОКИЙСКОГО ТРИБУНАЛОВ: ПОРЯДОК СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Муратова Э. Ю.

Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
Верховный Суд Республики Казахстан,
помощник судьи,
кандидат юридических наук

Муратов К. Д.

Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань
Российский государственный университет правосудия,
доцент кафедры уголовного процессуального права,
кандидат юридических наук, доцент

Порядок судебного разбирательства, а также права и обязанности трибуналов были регламентированы в разд. V Устава МВТ, разд. IV Устава МВТ ДВ и Правил процедуры. Трибуналы имеют право: (а) вызвать свидетелей в суд, требовать их присутствия и показания; (б) допрашивать подсудимого; (в) требовать предъявления документов и других материалов, используемых в качестве доказательств; (г) приводить к присяге

свидетелей; (г) назначать официальных лиц для выполнения определенных задач, включая сбор доказательств.

Из ряда названных прав одно было предметом величайших дискуссий при разработке Устава МВТ – это право допрашивать подсудимого. По английскому праву, подсудимый, если и допрашивается, то только в случае его согласия и притом как свидетель защиты, под присягой [1]. Именно таким образом проходил допрос подсудимых в Токийском и Нюрнбергском процессах: подсудимые занимали место для свидетелей на этапе представления доказательств защитой, приводились к присяге, затем подлежали прямому допросу со стороны защиты и перекрестному со стороны обвинения. Стоит отметить, что некоторые ученые думают иначе. Да, Н. Н. Полянский считает, что на Нюрнбергском процессе было решено соблюдать континентальный способ, то есть допрос подсудимых именно как подсудимых [2].

Помимо прав на трибуналы возлагались определенные обязанности (ст. 18 Устава МВТ и ст. 12 Устава МВТ ДВ): (а) строго ограничивать судебное разбирательство скорым рассмотрением вопросов, связанных с обвинением; (б) принимать строгие меры по предотвращению любых выступлений, которые могут вызвать неоправданную задержку процесса, устранять любые вопросы и заявления, не имеющие отношения к делу; (в) принимать решительные меры во всех случаях неподчинения требованиям суда и налагать соответствующие взыскания, включая лишение любого подсудимого или его защитника права присутствовать на всех или некоторых заседаниях. По всей видимости, перечисленные обязанности скорее дополняют вышеназванные права трибуналов, что свидетельствует о том, что они были сильными властными органами.

Оба Устава уделили большое внимание вопросам, связанным с доказательствами и доказыванием. Трибуналам была предоставлена широкая свобода в использовании доказательств. Как отмечено в ст. 19 Устава МВТ и ст. 12 Устава МВТ ДВ «трибуналы не должны быть связаны формальностями в использовании доказательств; они допускают любые доказательства, которые, по их мнению, обладают доказательной силой». С другой стороны, в целях предотвращения загромождения процесса доказательствами, не имеющими отношения к делу, в Уставах закреплено право трибуналов требовать, чтобы ему сообщили о характере каких-либо доказательств до их предъявления в суде для определения, относятся ли они к делу.

В обоих Уставах оговорено, что трибуналы не будут требовать доказательств общеизвестных фактов и будут считать их доказанными. Этот принцип известен уголовным процессам обеих правовых систем. В отличие от него новеллой является закрепление положения о том, что трибуналы будут принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных наций, равно как протоколы и приговоры военных и других национальных судов. Устав МВТ закрепил такое же положение по актам и документам комитетов,

созданных в разных государствах для расследования военных преступлений. Мотивом решения являлась процессуальная экономия.

Порядок судебного разбирательства в трибуналах был почти одинаковым. Так, анализируя Уставы МВТ (ст. 24) и МВТ ДВ (ст. 15), материалы процесса и доктрину можно сделать вывод, что судебное разбирательство состояло из следующих этапов: (1) объявление обвинительного акта; (2) опрос подсудимых, признают ли они себя виновными; (3) вступительная речь обвинителей (на этом этапе в МВТ происходило предъявление письменных и вещественных доказательств обвинением, а в МВТ ДВ предусматривалось право защиты выступить с речью); (4) по Уставу МВТ заслушивание ходатайств обвинения и защиты и принятия по ним решений; (5) предъявление доказательств обвинением (допрос обвинителями своих свидетелей и их перекрестный допрос защитой); (6) предъявление доказательств защитой (в том числе на этом этапе происходил допрос подсудимых защитой и их перекрестный допрос обвинением); (7) опровержение обвинением доказательств, предъявленных защитой (rebuttal); (8) опровержение защитой вновь предъявленных доказательств обвинения (surebuttal). Следующие этапы разнятся. Так, в МВТ: (9) заключительная речь защитников; (10) заключительная речь обвинителей; (11) последнее слово подсудимого; (11) вынесение приговора, а в МВТ ДВ: (9) заключительная речь обвинителей; (10) заключительная речь защитников; (11) ответная речь Главного обвинителя (реплика); (12) вынесение приговора.

Таким образом, можно констатировать, что одинаковым для обоих трибуналов было построение судебной процедуры по правилам англо-американской модели уголовного судопроизводства. Несмотря на то, что в Уставе МВТ было закреплено право судей в любое время задавать вопросы свидетелям и подсудимым (Устав МВТ ДВ такого права не предусматривал), судьи на Нюрнбергском процессе не играли той роли, которую они имели бы при условии построения процесса исключительно за континентальными процессуальными правилами, ведь в отличие от предложения советской стороны, судьи не наделялись правом допроса свидетелей. Адвокатами «воюющих» сторон, резко контрастирует с континентальной моделью (включая ее советскую разновидность), при которой на уголовный процесс смотрят как на расследование, целью которого является раскрытие преступления и которое производится судом, выступающим в роли активно действующего следователя», – несколько категорично, но точно отметил Д. Ф. Мерфи [3]. К тому же судьи обоих трибуналов не имели даже возможности ознакомления с материалами дела, они им просто не предоставлялись. Хотя некоторые западные юристы (А. Ори [4]) утверждают, что судьям МВТ передавались материалы дела, при этом обосновывая свои слова ссылкой на п. а ст. 16 Устава, безусловно, не соответствует реальным событиям, происходившим на процессе.

Однако определенные признаки судебного разбирательства свидетельствуют об отклонении от традиционных канонов английского судопроизводства. Так, в Уставах обоих трибуналов предполагалось, что

право провозглашения заключительной речи последним будет принадлежать обвинению. По нормам английского уголовного процесса защита всегда имеет право на последнее слово.

Отдельно следует отметить положение ст. 12 Устава МВТ о рассмотрении дел при отсутствии обвиняемых лиц (*in absentia*), если они не были разысканы или если суд признал необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно. Это положение было применено по делу против М. Бормана. Ни Устав, ни ППД не определили порядок заочного рассмотрения дела. Устав МВТ ДВ не предусматривал возможности суда над отсутствующими лицами.

Заключительным этапом стадии судебного разбирательства является вынесение приговора, который по ст. 26 Устава МВТ и ст. 17 Устава МВТ ДВ должен содержать также мотивы, на основании которых он был вынесен. Следует отметить, что в нем предусматривались также и санкции, а, следовательно, в процедуре обоих трибуналов не отделялись этапы вынесения решения о виновности и вынесения решения о наказании. Это связано с отсутствием присяжных в обоих трибуналах.

К сожалению, Уставы трибуналов не содержат нормы по компенсации потерпевшим от преступлений, хотя среди санкций МВТ и предполагалась конфискация имущества у осужденных.

Стадия исполнения приговора регламентируется ст. 29 Устава МВТ и ст. 17 Устава МВТ, согласно которому приговор Нюрнбергского трибунала должен был приводиться в исполнение приказом Контрольного Совета Германии, а приговор Токийского трибунала приказом Главнокомандующего Союзных Государств. Они же наделялись правом смягчения наказания или любого его изменения, но не к худшему. Права на апелляцию в Уставах не предусматривалось. Правда, Главнокомандующий Союзных Государств генерал Макартур после утверждения приговора Токийского трибунала принял от двух осужденных апелляции в Верховный суд США и, таким образом, отложил исполнение приговора в отношении всех осужденных. Конечно, подобные действия были не только превышением его полномочий, но и правовым нонсенсом. Национальный суд не может изменять решения международного суда. Поэтому, под давлением мирового сообщества, американское правительство выступило против принятия решения по этим апелляциям Верховным судом США [5].

Подводя итоги, следует отметить, что уголовный процесс послевоенных трибуналов велся, преимущественно, по правилам англо-американского судопроизводства, хотя, безусловно, на нем отразились некоторые особенности советского и французского уголовно-процессуального права. Нюрнбергский и Токийский трибуналы были первыми действующими судами, которым удалось, объединив уголовно-процессуальные нормы различных правовых систем, образовать действенный механизм по решению дел по привлечению к ответственности индивидов за наиболее опасные преступления против мира и безопасности человечества [6]. Процессуальный опыт этих трибуналов стал

тем достижением, которое принесло исключительную пользу для разработки процессуальных норм действующих трибуналов ad hoc и МУС.

Список цитированных источников

1. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К. Ф. Гуценко, Л. В. Головкин, Б. А. Филимонов. – М. : Зерцало-М, 2001. – 470 с.
2. Полянский, Н. Н. Международный военный трибунал / Н. Н. Полянский. – М. : Ин-т права Акад. наук СССР, 1946. – 48 с.
3. Мерфи, Д. Ф. Международное уголовно-процессуальное право / Д. Ф. Мерфи // Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. – М. : ИГПРАН, 1995. – С. 64–74.
4. Orie, A. Accusatorial v. Inquisitorial Approach in International Criminal Proceedings Prior to the Establishment of the ICC and in the Proceedings Before the ICC / A. Orie // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary. – New York : Oxford University Press, 2002. – Vol. 2. – P. 1439–1495.
5. Рагинский, М. Ю. Международный процесс главных японских военных преступников / М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит. – М.–Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 264 с.
6. Муратова, Э. Ю. Назначение и исполнение наказания в современном международном праве : монография / Э. Ю. Муратова ; под ред. А. Б. Мезяева ; со вступ. ст. д-ра юрид. наук Г. Р. Шайхутдиновой. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 152 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ВОЕННЫХ ЮРИСТОВ: УРОКИ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Олейник В. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
начальник цикла правовых дисциплин
кафедры идеологической работы и социальных наук

Тычинская А. С.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
слушатель факультета Генерального штаба
(оперативно-тактического уровня)
Вооруженных Сил Республики Беларусь

Военные юристы сыграли весомую роль в период подготовки и проведения Нюрнбергского процесса, который, решив судьбу нацистских преступников, поставил перед человечеством множество вопросов, в том числе прикладного характера. Одним из таких вопросов явился

порядок организации сбора и закрепления доказательств совершения военных и других преступлений, допускаемых во время вооруженных конфликтов, и их расследование.

Непосредственный участник Нюрнбергского процесса советский военный юрист А. И. Полторак писал, что «в СССР, как известно, еще во время войны была создана Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников. Существовали аналогичные комиссии и во многих других странах, подвергшихся гитлеровской агрессии» [1, с. 120]. Он же указывал, что «в основном и главном Нюрнбергский процесс был процессом документов» [1, с. 122].

Задачей вышеуказанной комиссии, образованной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г., «были собирание и проверка документальных данных о злодеяниях гитлеровцев и причиненном ими материальном ущербе, для чего ей было предоставлено право поручать правоохранительным органам производить расследование, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и другие документальные данные о преступлениях гитлеровских оккупантов и их пособников» [2, с. 51].

В первую очередь, к данной работе привлекались сотрудники военных прокуратур, военные следователи. В ходе обобщения опыта работы органов военной юстиции в годы Великой Отечественной войны специалистами отмечалось, что «военные прокуроры и следователи проделали большую работу, квалифицированно собирая данные, составляя документы о зверствах фашистов... материалы Чрезвычайной Государственной Комиссии использовались на всемирно известном судебном процессе в Нюрнберге» [3, с. 112]. Это стало возможным в связи с достаточно высокой квалификацией вышеуказанных должностных лиц, выполнявших свои обязанности на основании методических указаний Прокуратуры СССР «относительно ряда элементов криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в районах вооруженного конфликта» [2, с. 52].

В послевоенный период в связи с совершенствованием норм международного гуманитарного права и дальнейшим развитием отечественной правовой системы «хотя и происходил процесс дальнейшего осмысливания и обобщения практического опыта расследования преступлений в Действующей армии в период Великой Отечественной войны, однако уже к середине 70-х гг. XX в. фактически прекратились все научные исследования по проблемам расследования преступлений в районах вооруженного конфликта» [2, с. 54]. Это не способствовало поступательному движению в сторону улучшения положения дел в описываемых вопросах, при этом военные прокуроры и следователи продолжали выполнять вышеуказанные обязанности.

Однако, система военных прокуратур Республики Беларусь, включавшая Белорусскую военную прокуратуру и 11 межгарнизонных воен-

ных прокуратур, в целях совершенствования системы органов прокуратуры и оптимизации их деятельности была ликвидирована Указом Президента Республики Беларусь от 26 марта 2014 г. № 137 «О ликвидации военных прокуратур» с 1 сентября того же года, и в настоящее время отсутствует. Предварительное расследование по большинству категорий уголовных дел в Республике Беларусь осуществляется сотрудниками Следственного комитета, не имеющими практического опыта в расследовании военных преступлений и других нарушений законов и обычаев ведения войны.

Вместе с тем, в нашей стране с 7 апреля 2021 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь проводится расследование уголовного дела по фактам совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями геноцида мирного населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. К сожалению, военные юристы к данной работе в настоящее время не привлекаются, в связи с чем также не имеют возможности получить необходимый опыт в данной сфере. В связи с этим, задача по осуществлению сбора и закрепления доказательств совершения военных и других преступлений, допускаемых во время вооруженных конфликтов, на органы военной юстиции, с учетом всех обстоятельств, возложена быть не может.

Несмотря на это, в соответствии с Инструкцией о порядке применения норм международного гуманитарного права в Вооруженных Силах и транспортных войсках (далее – Инструкция), утвержденной постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 6 мая 2009 г. № 24 «О применении норм международного гуманитарного права», выполнение обязанностей по регистрации нарушений норм международного гуманитарного права, совершенных противником, и их анализу возложена на юридических советников.

Согласно Инструкции, юридические советники – это военнослужащие юридической службы Вооруженных Сил, к которым в настоящее время можно отнести начальников и старших офицеров юридической службы отдельных воинских частей и соединений (объединений), помощников командиров (по вопросам правового обеспечения), а также начальников отделов (отделений) дознания и розыска военнослужащих, старших дознавателей, дознавателей и помощников военных комендантов военных комендатур. Они же обязаны по поручению командира осуществлять контроль за соблюдением личным составом воинской части норм международного гуманитарного права, в случае их нарушений немедленно докладывать об этом командиру и по его указанию организовывать проведение служебного расследования.

Наличие юридических советников в Вооруженных Силах призвано, как указывается в ст. 82 Дополнительного протокола от 8 июня 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты

жертв международных вооруженных конфликтов, улучшить знание международного гуманитарного права и, следовательно, содействовать соблюдению его положений. При этом, специалистами Международного Комитета Красного Креста четко разграничиваются полномочия юридических советников и сотрудников органов военной юстиции [4], что в условиях Вооруженных Сил Республики Беларусь никоим образом не регламентировано.

Таким образом, существующее положение дел с юридическими советниками в Вооруженных Силах Республики Беларусь и органами военной юстиции в целом не позволяет в полной мере использовать имеющийся потенциал и сделать обоснованный вывод о готовности военных юристов к выполнению всех задач по предназначению, в том числе к расследованию «по факту предполагаемых нарушений международного гуманитарного права, то есть связанных с вооруженным конфликтом действий, идущих вразрез с нормами международного гуманитарного права, независимо от того, проводятся ли сами эти расследования непосредственно в ходе конфликта или нет» [5, с. 3].

Складывающаяся вокруг Республики Беларусь современная военно-политическая ситуация свидетельствует о необходимости принятия следующих мер организационного характера:

1) незамедлительно приступить к выполнению поручения Главы нашего государства А. Г. Лукашенко о необходимости обоснованного решения вопроса о восстановлении в Республике Беларусь органов военной прокуратуры, систему которых привести в соответствие с организационно-штатной структурой Вооруженных Сил Республики Беларусь, других войск и воинских формирований;

2) рассмотреть вопрос о привлечении военных юристов на ротационной основе к выполнению поручений Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в рамках расследования уголовного дела по фактам совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями геноцида мирного населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период;

3) организовать на базе Института повышения квалификации и переподготовки кадров Следственного комитета Республики Беларусь краткосрочные курсы подготовки следователей по расследованию военных преступлений и других нарушений законов и обычаев ведения войны, которые проводить ежегодно.

Только дальнейшее совершенствование системы подготовки военных юристов, а также других лиц, которые могут привлекаться для решения вышеописанных задач, позволит в полной мере извлечь уроки из Нюрнбергского процесса, необходимые для решения тех вопросов, которые были поставлены перед нашим народом в современных условиях, а также могут возникнуть в ближайшем будущем.

Список цитированных источников

1. Полторак, А. И. Нюрнбергский эпилог / А. И. Полторак. – 2-е изд. – М. : Воениздат, 1969. – 560 с.
2. Маликов, С. В. Военно-полевая криминалистика. Серия «Право в Вооруженных Силах – консультант» / С. В. Маликов. – М. : «За права военнослужащих», 2008. – Вып. 86. – 512 с.
3. Карамушка, П. К. Работа военной прокуратуры соединения Действующей армии в период Великой Отечественной войны : метод. рекомендации / П. К. Карамушка // Опыт работы органов военной юстиции в годы войны и его творческое использование в мирное время. – М., 1975. – 155 с.
4. Юридические советники в Вооруженных Силах [Электронный ресурс] // Консультативная служба по международному гуманитарному праву. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/yuridicheskie-sovetniki-v-vooruzhennyh-silah>. – Дата доступа: 14.11.2022.
5. Любелл, Н. Расследование нарушений международного гуманитарного права: право, руководящие принципы и передовой опыт. Руководство / Н. Любелл [и др.]. – Женева : МККК, 2019. – 74 с.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКЕ ДЕЯНИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Пухов А. А.

Республика Беларусь, г. Минск

Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, заместитель директора, кандидат юридических наук, доцент

Коллаборационизм (франц. collaboration – сотрудничество) определяется как добровольное сотрудничество граждан оккупированной страны с противником во вред своему государству в ходе войны или вооруженного конфликта [1]. Поэтому важным для правовой оценки действий лиц, сотрудничавших с немецко-фашистскими захватчиками, являлось установление их гражданства. В 1941 году в составе СССР находилось 16 союзных республик, включая прибалтийские страны и Карело-Финскую ССР. Граждане, проживавшие на данной территории имели советское гражданство.

22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз. С момента оккупации часть советских граждан стали поступать на службу в военизированные и гражданские организации, создаваемые немецко-фашистскими захватчиками. Переход на сторону врага с целью причинения ущерба военной мощи СССР, его государственной независимости и территориальной неприкосновенности, квалифицировался как измена

Родине (ст. 58-1а УК РСФСР 1926 г. или иных аналогичных статей УК союзных республик). Изменническими рассматривались также действия лиц, оказывавших пособничество немецко-фашистским оккупантам при совершении ими преступлений на захваченной территории СССР.

По мере поступления информации о фактах неслыханных зверств и чудовищных насилий, учиненных фашистскими извергами и их пособниками, советское руководство пришло к выводу, что одной ст. 58 УК РСФСР 1926 г. недостаточно, а некоторые ее положения (о высылке из СССР, объявлении врагом народа и др.) или утрачивали смысл, или являлись неоправданно «мягкими» в условиях военного времени [2, с. 18–19]. Поэтому 19 апреля 1943 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины» (далее – Указ от 19 апреля 1943 г.). Этим актом ужесточалось наказание за преступления, связанные с нацистской политикой истребления гражданского населения и пленных красноармейцев, что привело к усилению уголовной ответственности. Указ от 19 апреля 1943 г. имел обратную силу, то есть положения были применимы по отношению к преступлениям, совершенным до его принятия, а также к лицам уже осужденным по другим статьям УК РСФСР 1926 г.

После разгрома фашистской Германии и ее сателлитов актуализировался вопрос о наказании главных военных преступников европейских стран оси. 8 августа 1945 г. между Правительствами СССР, США и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики было заключено Соглашение об учреждении Международного Военного Трибунала (далее – Трибунал) для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников, и утверждении его Устава.

Согласно ст. 6 Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Устав Трибунала) предусматривалась юрисдикция в отношении лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили любое из следующих преступлений: а) преступления против мира; б) военные преступления; в) преступления против человечности (убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет). Таким образом, в Уставе Трибунала был использован родственный термин «преступления против человечности» с тем, чтобы охватить преследование и физическое истребление национальных, этнических, расовых и религиозных групп [3, с. 140].

Кроме того, в ст. 10 Устава Трибунала предусматривалась преюдициальная норма о преступном характере группы или организации, установленной Трибуналом. Национальные, военные или оккупационные трибуналы должны принимать этот факт без проверки доказательств, и не подвергать его оспариванию вовсе. В последствие по приговору Трибунала (1 октября 1946 г.) к преступным организациям были отнесены: руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая службу безопасности (СД), государственная тайная полиция (гестапо), штурмовые отряды германской национал-социалистской партии (СА).

В практической плоскости, признание, например, СС преступной организацией означает, что, все лица, которые были официально приняты в СС, включая членов Общей СС, войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и любого рода полицейских служб, которые были членами СС, являются участниками организованной группы, которые, достоверно зная о целях, задачах и характере данной группы, входили в ее состав и участвовали в любой форме в совершении преступлений либо согласились на участие в таком формировании, независимо от совершения каких-либо действий в интересах этой организации. Этот факт считается доказанным и неоспоримым.

Приговор Нюрнбергского Трибунала стал важной вехой на пути перевода общих правовых принципов и международного обычного права в части преследования и наказания за преступления против человечности в конкретные термины. Впервые формула «геноцид», образованная путем соединения греческого «genos» («род», «племя») и латинского «caedo» («убиваю») была введена в оборот в 1933 году уроженцем Беларуси Рафаэлем Лемкиным на 5-й Конференции об унификации международного уголовного законодательства в Мадриде, для призыва Лиги Наций создать международную конвенцию для предупреждения военных преступлений и варварства [4, с. 18; 5].

Принятие резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее – Конвенция 1948 г.) стало лишь формализованным закреплением в рамках отдельного акта уже наказуемого (ст. 6 Устава Трибунала и др.) преступления против человечности.

По сути, в ст. II указанной Конвенции 1948 г. юридически оформлена логическая операция, раскрывающая содержание имени (геноцид) посредством описания существенных и отличительных признаков, обозначаемых данным именем. Основанием ответственности является совершение виновно запрещенного деяния в виде: 1) геноцида; 2) заговора с целью совершения геноцида; 3) прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида; 4) покушения на совершение геноцида; 5) соучастия в геноциде (ст. III Конвенции 1948 г.).

В ст. VI Конвенции 1948 г. признается территориальная юрисдикция, а также юрисдикция международного уголовного суда. В частности, лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных

в ст. III Конвенции 1948 г. деянии, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда.

В научных публикациях высказываются различные оценки относительно возможности квалификации геноцида за деяния, совершенные в период Второй мировой войны. Например, нацистский преступник Адольф Эйхман, представший перед судом в Израиле в 1960 году, ссылался на невозможность применения к нему положений Конвенции 1948 г., как по материальным, так и процессуальным основаниям. Во-первых, им констатировалось отсутствие в 1941–1945 гг. нормативного закрепления преступления «геноцид», а, во-вторых, невозможность осуществления универсальной юрисдикции над геноцидом. Однако эти доводы не были приняты судом во внимание [3, с. 144].

Следует отметить, что 17 сентября 1955 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (далее – Указ от 17 сентября 1955 г.).

Согласно ст. 1–3 Указа от 17 сентября 1955 г. освобождались от всего или части наказания лица, осужденные за совершенные в период Великой Отечественной войны пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 УК РСФСР 1926 г. и соответствующими статьями УК других союзных республик, или служившие в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. Прекращению подлежали следственные дела и дела, не рассмотренные судами, по указанным выше преступлениям. Вместе с тем амнистия не применялась к карателям, осужденным за убийства и истязания советских граждан.

От уголовной ответственности освобождались советские граждане, находящиеся за границей, которые в период Великой Отечественной войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, т. е. как правило, совершили измену Родине, но при этом не были причастны в любой форме к истреблению гражданского населения или военнопленных. Если же они занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, дополнительным условием применения амнистии являлись последующая патриотическая деятельность в пользу Родины или явка с повинной (ст. 7 Указа от 17 сентября 1955 г.).

Таким образом, положения Указа от 17 сентября 1955 г. не распространялась на советских граждан, находившихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны сдались в плен врагу или служили в коллаборационистских формированиях и были причастны к осуществлению политики геноцида на оккупированных территориях СССР.

26 ноября 1968 г. резолюцией 2391 (XXIII) Генеральной Ассамблеи ООН была принята Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества (далее – Конвенция 1968 г.). Согласно ст. I указанной Конвенции никакие сроки давности не применяются к военным преступлениям и преступлениям против человечества, в том числе преступления геноцида, определяемое в Конвенции 1948 года о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены. Следует отметить, важность этой нормы, так как даже в государствах, ратифицировавших данный международный договор, далеко не всегда в национальном законодательстве были предусмотрены самостоятельные нормы о наказании за геноцид.

В соответствии со ст. II Конвенции 1968 г. ответственность за геноцид могут нести представители государственных властей и частные лица, которые выступают в качестве исполнителей или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представители государственных властей, допускающим их совершение.

Единственным уголовным законом, действующим на территории Республики Беларусь, является Уголовный кодекс 1999 г. (далее – УК). В ст. 127 УК геноцид определен как действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождения в среде такой группы.

Таким образом, советские граждане, добровольно вступая в ряды вооруженных коллаборационистских организаций, как минимум, формально (путем принятия Присяги) разделяли нацистскую идеологию превосходства, предполагающую полное или частичное уничтожение других общностей людей (белорусов, евреев, цыган и др.), в том числе гражданского населения оккупированных территорий и военнопленных, т. е. как минимум в общих чертах имели представление об общественной опасности таких действий. По нашему мнению, имеется основания для дачи уголовно-правовой оценки деяний членов коллаборационистских организаций, созданных в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях СССР, как лиц, причастных к геноциду.

Список цитированных источников

1. Большая российская энциклопедия 2004–2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2080679. – Дата доступа: 22.10.2023.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. документов : в 2 ч. / отв. ред. А. В. Юрасов ; отв. сост. Я. М. Златкис ; сост. Е. В. Балущкина [и др.]. – М. : Фонд «Связь Эпох», 2020. – Ч. 1. – 688 с.
3. Дадуани, Т. Г. Сравнительный анализ положений резолюции ГА ООН 96 (I) и Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него / Т. Г. Дадуани // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 140–147.
4. Аванесян, В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид / В. В. Аванесян // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.
5. Как Рафаэль Лемкин убедил мир признать геноцид преступлением [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2018/12/1344561>. – Дата доступа: 22.10.2023.

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА НА РАЗВИТИЕ ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Саблин И. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
доцент кафедры идеологической работы
и социальных наук

Нюрнбергский судебный процесс имеет большое историческое значение, является эталоном международного уголовного правосудия и единства народов в осуждении агрессии, а также справедливого наказания военных преступников. На нем была разоблачена антигуманная сущность нацизма, его планы и действия по физическому истреблению десятков миллионов людей, уничтожению целых народов и государств, его преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления. Впервые в истории агрессия была признана преступлением против мира. Нюрнбергский трибунал приковал к себе внимание всего мира и стал основой для глубокого, всестороннего осмысления трагедии и последствий Второй мировой войны, положил начало формированию основ современного международного гуманитарного права.

Правовая основа для юрисдикции международного уголовного суда в Нюрнберге была определена Актом о безоговорочной капитуля-

ции Германии от 8 мая 1945 г. В период с 25 июня по 8 августа 1945 г. в Лондоне проводило совещание представителей четырех держав-победителей – СССР, США, Великобритании и Франции. По результатам этого совещания 8 августа 1945 г. было подписано соглашение о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран и принят Устав Международного военного трибунала, который установил процедурную основу для судебного разбирательства. Необходимо отметить, что после первой мировой войны, по положениям Версальского мирного договора, была попытка создания международной уголовной юстиции, для организации суда над кайзером Вильгельмом, с разработкой соответствующих проектов Международного уголовного кодекса и Международного уголовного суда. Однако постановления Версальского договора не удалось осуществить, а кайзеру Вильгельму удалось скрыться в Нидерландах [1, с. 8].

Принятая Уставом Нюрнбергского трибунала классификация понятия «международные преступления» явилась важным этапом в становлении и развитии международного уголовного права. В ст. 6 Устава была конкретизирована юрисдикция трибунала. К его компетенции были отнесены: преступления против мира; военные преступления и преступления против человечности [2, с. 75–76]. При принятии решений Нюрнбергский трибунал должен был учитывать, как международное право, так и национальное уголовное право. Трибунал начал свою работу 20 ноября 1945 г. и проходил почти 11 месяцев – до 1 октября 1946 г. В ходе 403 заседаний были допрошены сотни свидетелей и рассмотрены тысячи документов. Из главных обвиняемых нацистских преступников судом приговорены: двенадцать – к смертной казни, трое – к пожизненному заключению, четверо – к тюремному заключению от 10 до 20 лет, три человека были оправданы [2, с. 77–78; 3, с. 16, 401–409].

В развитие деятельности Международного военного трибунала разработан ряд международных конвенций, содержащих конкретные нормы по пресечению или предупреждению международных преступлений. Среди международно-правовых актов, в которых закреплены Нюрнбергские принципы, необходимо отметить: Конвенцию о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него 1948 года, а также четыре Женевские конвенции 1949 г. которые существенно укрепили режим защиты жертв вооруженных конфликтов.

Каждая из четырех Женевских конвенций специально квалифицирует тяжкие нарушения гуманитарного права. Государства-участники при этом обязуются ввести соответствующее законодательство и принять меры по наказанию виновных лиц, независимо от их национальности. Тем самым устанавливается универсальный принцип наказания за эти преступления. В соответствии с этими конвенциями государства-участники не только имеют право, но и обязаны наказывать за их нарушения, независимо от территориального принципа или принципа

гражданства лиц, их совершающих [4]. При разработке нормативных документов учитывались принципы и нормы международного права, выработанные на Гаагской конференции мира 1907 г. [5, с. 15–249, 257–263].

В дальнейшем все развитие международного уголовного права шло под непосредственным влиянием Нюрнбергского процесса. После Международного военного трибунала был принят ряд международных нормативных правовых актов, в частности, Конвенция 1968 г. о неприменимости срока давности к указанным категориям преступлений и др. Большинство стран мира, после Нюрнбергского процесса, внесли изменения в уголовное законодательство, предусмотрев ответственность за преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления, реализовав принципы Международного военного трибунала. Кроме того, во всех государствах были реализованы принципы ответственности лиц, виновных в совершении указанных преступлений. Так, в законодательствах различных стран, на основе принципов Нюрнбергского процесса, была установлена ответственность за следующие деяния: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (Азербайджан; Армения; Беларусь; Германия; Грузия; Казахстан; Латвия; Литва; Польша; Российская Федерация; Франция); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (Азербайджан; Армения; Беларусь; Болгария; Грузия; Латвия; Российская Федерация; Франция); подстрекательство к агрессивной войне (Германия; Швеция); реабилитация нацизма (Казахстан; Российская Федерация; Франция); геноцид (Азербайджан; Армения; Беларусь; Болгария; Германия; Грузия; Казахстан; Латвия; Литва; Польша; Российская Федерация; Франция; Швейцария; Швеция); оправдание геноцида (Франция); умышленное нарушение норм международного гуманитарного права (Грузия; Литва); нарушение международного права (Польша) [6].

Республика Беларусь, как участница большинства международных договоров по защите жертв войны (для Белорусской ССР четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. вступили в силу с 3 февраля 1955 г., а Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г. – с 23 апреля 1990 г.), обязана обеспечить реализацию принятых на себя международных обязательств путем трансформации их в национальное законодательство [7, с. 35–36].

Из международных договоров, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов и ограничение методов и средств войны, однозначно вытекает, что серьезные нарушения подлежат наказанию. Однако сами по себе эти договоры не определяют конкретных мер наказания и не предусматривают непосредственного учреждения трибунала для судебного преследования правонарушителей. Так, в ст. 49 I Женевской конвенции, ст. 50 II Женевской конвенции, ст. 129 III Женевской конвенции, ст. 146 IV Женевской конвенции содержится норма, общая для этих международных договоров и предусматривающая, что «каждая Высокая

Договаривающаяся Сторона обязуется разыскивать лиц, обвиняемых в том, что они совершили или приказали совершить то или иное из упомянутых серьезных нарушений, и, каково бы ни было их гражданство, предавать их своему суду» [4].

Уголовное законодательство Белорусской ССР (Уголовный кодекс 1960 г.) не содержало такого понятия как «военные преступления» и устанавливало уголовную ответственность только за «воинские преступления». При этом воинскими преступлениями признаются предусмотренные Уголовным кодексом преступления против установленного порядка несения воинской службы, а субъектами этих преступлений являлись военнослужащие, а также военнообязанные во время прохождения ими сборов [8, с. 384–385].

В главу 16 «Воинские преступления» Уголовного кодекса 1960 г. были включены некоторые составы преступлений, которые по сути представляют собой серьезные нарушения международного гуманитарного права: мародерство (ст. 255); насилие над населением в районе военных действий (ст. 256); дурное обращение с военнопленными (ст. 257); незаконное ношение знаков Красного Креста или Красного Полумесяца и злоупотребление ими (ст. 258) [9, с. 135–136].

Анализ законодательства Республики Беларусь в 90-х гг. XX века на предмет соответствия нормам международных договоров, определяющих серьезные нарушения международного гуманитарного права, позволил сделать вывод о неполной реализации принятых обязательств. Принятый в 1999 году новый Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) предусмотрел широкий перечень новелл, которые обеспечили реализацию международных обязательств в части введения в действие законодательства, необходимого для пресечения тех или иных нарушений международного гуманитарного права.

В новом УК были учтены недостатки ранее действовавшего уголовного законодательства, которое не обеспечивало полной реализации международных обязательств нашего государства по пресечению серьезных и иных нарушений международного гуманитарного права, вытекающих из Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. Дополнительных протоколов к ним 1977 г. и ряда других международных договоров Республики Беларусь. Особенную часть УК открывает раздел VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления», который включает главу 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» и главу 18 «Военные преступления и другие нарушения законов и обычаев ведения войны». В главе 18 содержатся две категории преступлений: военные преступления и другие нарушения законов и обычаев войны, представляющие собой впервые сформулированные в уголовном законе деяния, субъектом которых могут быть как военнослужащие, так и гражданские лица [10, с. 142–167].

Решения Нюрнбергского Международного военного трибунала не теряют своей актуальности и сегодня. В белорусской земле покоятся останки миллионов людей, не только погибших на полях боев, но и зверски убитых невинных стариков, женщин и детей в период фашистской оккупации. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь в апреле 2021 года возбуждено и в настоящее время расследуется уголовное дело по фактам совершения нацистскими преступниками, их соучастниками, преступными формированиями геноцида мирного населения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Поэтому, любые попытки пересмотра, отрицания преступлений или искажения фактов привлечения нацистских преступников в Нюрнберге, необходимо рассматривать как нарушение общепризнанных принципов и норм международного права.

Список цитированных источников

1. Рагинский, М. Ю. Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса / М. Ю. Рагинский. – М. : Политиздат, 1986. – 207 с.
2. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. – М. : Юрид. лит., 1987. – Т. 1. – 688 с.
3. Полторац, А. И. Нюрнбергский эпилог / А. И. Полторац ; под ред. А. А. Беркова, В. Д. Ежова. – 3-е изд. – М. : Юрид. лит., 1983. – 416 с.
4. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и доп. протоколы к ним. – 3-е изд., испр. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2003. – 344 с.
5. Международное право. Ведение военных действий : сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. – 3-е изд., испр. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2001. – 336 с.
6. Тюнин, В. А. Реализация принципов Нюрнбергского процесса в законодательство европейских государств / В. А. Тюнин // Нюрнбергский процесс: история и современность : сб. материалов науч.-практ. конф. VI Междунар. науч. форума, Ялта, 24–26 нояб. 2021 г. / под общ. ред. Н. Н. Колюки, сост. С. В. Герасимовский, А. П. Сергеева. – Симферополь : Крымский юри. ин-т (филиал) Университета прокуратуры Рос. Федерации. – Симферополь ; Саратов : Амирит, 2021. – С. 203–205.
7. Калугин, В. Ю. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / В. Ю. Калугин, Л. В. Павлова, И. В. Фисенко ; под общ. ред. В. Ю. Калугина. – Минск : Тесей, 1999. – 308 с.
8. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / А. В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А. А. Здановича. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Беларусь, 1989. – 672 с.
9. Уголовный кодекс Белорусской ССР ; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : Офиц. тексты с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. – Минск : Тесей, 2000. – 672 с.
10. Лукашов, А. И. Уголовный кодекс Республики Беларусь: сравнительный анализ и комментарий / А. И. Лукашов, Э. А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2000. – 672 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В ТРУДАХ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. С. РОМАШКИНА

Сушкова Ю. Н.

Российская Федерация, г. Саранск
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарева,
профессор кафедры теории, истории государства и права
и международного права,
доктор исторических наук, доцент

Овчаров А. В.

Российская Федерация, г. Москва
Институт государства и права Российской академии наук,
научный сотрудник сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский процесс – историко-правовая тема, которая поныне не утрачивает актуальности и практического значения. В 2020 году Государственный архив Российской Федерации впервые открыл доступ для просмотра и изучения более 3500 листов документов из фондов Нюрнбергского трибунала, в том числе фонозаписей выступлений представителей СССР, ранее не представленных общественности. Систематически проводятся конференции, издаются сборники документальных материалов о событиях Великой Отечественной войны, итогах юридического обоснования преступлений фашизма [1; 2].

Особый интерес представляет обращение современных исследователей к советскому наследию ученых-юристов, занимавшихся проблемами международной уголовной юстиции. Так, в 2017 году вышла в свет монография Ю. Н. Сушковой, посвященная научному вкладу П. С. Ромашкина – одному из разработчиков материалов Нюрнбергского процесса от СССР, проблем юридической квалификации преступлений против мира и человечности [3]. Крупный научный проект «Российская академия наук: выдающиеся ученые-правоведы. XX век» реализуется Институтом государства и права РАН под руководством его директора члена-корреспондента РАН А. Н. Савенковым по обобщению и переизданию творческого наследия выдающихся отечественных юристов, а именно В. Н. Кудрявцева, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе, исследовавших различные аспекты уголовно-правового обеспечения мира и безопасности человечества. А. Н. Савенковым разработан и опубликован в 2022 году специализированный учебный курс «Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции», широко внедренный во многие учебные планы российских вузов [4].

Авторы-составители книги о П. С. Ромашкине «Жизнь в науке и для науки» А. И. Чучаев и А. В. Овчаров обобщили уголовно-правовые взгляды исследователя. Как справедливо отмечает крупный разработчик истории уголовного права России профессор А. И. Чучаев, П. С. Ромашкиным представлено не только доктринальное толкование норм гуманитарного уголовного права, но и сделан исторический экскурс в их генезис и развитие, показаны те сложности, которые пришлось преодолеть СССР, отстаивая принципы международного права [5, с. 54]. Проведение Ромашкинских чтений, организованных Институтом государства и права РАН и Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева, с 2019 стало традиционным.

Петр Семенович Ромашкин (1915–1975), будучи выходцем из крестьянской семьи, прошел большой и сложный путь: от народного судьи, лаборанта кафедры, государственного служащего до видного советского ученого – члена-корреспондента Академии наук СССР, директора Института государства и права. Важнейшей стезей его профессиональной деятельности была научно-педагогическая работа. С сентября 1943 года по 1952 год он состоял доцентом кафедры уголовного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. 3 июля 1951 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Преступления против законов и обычаев войны». В. М. Корякин подчеркивал, что это была первая докторская диссертация, посвященная научному исследованию преступлений против мира и безопасности человечества с правовых позиций, выработанных на Нюрнбергском процессе. «П. С. Ромашкин... пришел к выводу о том, что итоги Второй мировой войны и Нюрнбергского процесса оказали огромное влияние на военно-правовую науку, перед которой встала большая и важная задача – разработка вопросов о законах и обычаях войны на современном этапе, об их месте в национальном и международном праве, о борьбе со злостными нарушителями этих законов и обычаев – агрессорами и их соучастниками» [5; с. 52–53].

Ромашкин проработал в должности профессора с 1952 по 1966 год, читал спецкурс «Борьба с преступлениями против мира, законов войны и человечности». В 1958 году Петр Семенович был избран членом-корреспондентом АН СССР, 1958–1964 гг. – директор Института государства и права им. А. Я. Вышинского АН СССР, затем продолжил работу в качестве старшего научного сотрудника, с 1970 года – заведующего сектором общих проблем уголовного права [6; с. 248].

Плодотворная научно-исследовательская и педагогическая деятельность во многом была основана на его огромной практической работе, начатой еще в военные и послевоенные годы по разработке материалов и документов расследований тягчайших преступлений немецко-фашистских оккупантов, Устава Международного военного трибунала, других правовых основ реализации Нюрнбергского и Токийского

процессов. П. С. Ромашкину приходилось бывать в составе правительственных комиссий по расследованию преступлений против человечности и мира, совершенных немецкими захватчиками. По его мнению, уставы трибуналов представляют собой, по существу, первые в истории международные уголовные и уголовно-процессуальные кодексы. Он особо подчеркивал первенство советских юристов в постановке и разрешении проблемы борьбы с преступлениями против мира и человечества. Так, главный редактор «Американского журнала международного права» Финч в статье «Нюрнбергский процесс и международное право» отмечал, что концепция ответственности за преступления против мира была впервые разработана советской правовой наукой и что определения советских ученых «были включены в Устав Нюрнбергского трибунала» [7; с. 185].

Коллегами и друзьями Петра Семеновича были выдающие юристы того времени – член-корреспондент АН СССР Арон Наумович Трайнин, Роман Андреевич Руденко, Аркадий Иосифович Полторак, являвшиеся значимыми фигурами научного обоснования и информационного сопровождения позиций СССР в Нюрнбергском процессе. В 1945 году А. Н. Трайнин представлял Советский Союз в Лондонской четырехсторонней (СССР, США, Англия и Франция) комиссии, которая разрабатывала устав готовящегося Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками во Второй мировой войне. А. И. Полторак во время работы Международного военного трибунала возглавлял секретариат советской делегации. Р. А. Руденко был Главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе. Нередко П. С. Ромашкин, А. Н. Трайнин, Р. А. Руденко и А. И. Полторак собирались неформально в доме Петра Семеновича для совместной работы. Как вспоминали дочери, особенно частым гостем был Р. А. Руденко. В их семье сохранилась даже легенда о стуле, на котором он постоянно качался, однажды сломав ножку. Поломка была устранена, но название «стул Руденко» сохранилось на долгие годы. Р. А. Руденко консультировался с П. С. Ромашкиным, они вместе готовили многие материалы и выступления по проблемам международного уголовного права. А. Н. Трайнин возглавлял комиссию по разработке проекта Уголовного кодекса СССР при Комиссии законодательных предложений Верховного Совета СССР (1950–1951), в составе которой работал и П. С. Ромашкин [3; с. 43–44].

Уникальностью работ Ромашкина как крупного знатока Нюрнбергского процесса изнутри является убедительное и всестороннее освещение им не только становления и особенностей целого направления международного уголовного права, а именно преступлений против мира и человечества, но и обстоятельное изложение малоизвестных обстоятельств «теневой политики», мировой закулисы, фактов подлинной геополитической борьбы в первой половине и середине XX века. В современных условиях, когда о Первой и Второй мировой войнах име-

ется обширная научная и художественная литература, все еще сохраняются проблемы фальсификации истории, отсутствия общепризнанной интерпретации хода отдельных событий, их последствий. По мнению П. С. Ромашкина, на протяжении всей истории были «силы», которые стремились помешать России в ее эволюционном государственно-правовом развитии, стремлении формировать самобытную правовую систему.

Ромашкин считал, западные страны не ставили перед собой цели полного разгрома фашизма. Наоборот, они стремились сохранить фашизм в Германии и милитаризм в Японии. Они сознательно срывали возможность открытия второго фронта с тем, чтобы Советский Союз в войне с гитлеровской Германией истощил свои силы, обескровил себя. Они рассчитывали на то, что СССР выйдет из войны обессиленным и в таком состоянии будет вынужден отказаться от своего пути развития. Уже в период войны они стремились сформировать антисоветский блок. Причины этой «захватнической войны» были более сложными, обусловленными кризисом и внутренними противоречиями общественно-политического уклада западных государств, конкуренцией и столкновением интересов монополий, борьбой за мировое влияние. Общим противником выступал СССР, для борьбы с которым при помощи англо-американских займов гитлеровская Германия «создала мощный военно-экономический потенциал и перевооружила армию».

Таким образом, П. С. Ромашкин одним из первых в российской юридической науке обратился к изучению феномена преступлений против мира и человечества, определив эту тему как «самую жгучую проблему». Второй всемирный конгресс сторонников мира, состоявшийся в 1950 году, проходил под лозунгом: «Мира не ждут, мир завоевывают». «Никогда вопросы войны и мира не привлекали к себе такого пристального внимания, не волновали с такой силой умы и сердца сотен миллионов людей». «Если две мировые войны обошлись человечеству в 60 млн убитых, то ракетно-ядерная война представляет собой смертельную угрозу для сотен миллионов людей. Защита мира приобрела в современную эпоху значение общечеловеческой задачи». Ученый убежден, что борьба за мир, за осуществление принципа мирного сосуществования государств с различными политическими системами – важнейшая задача современности. «Все народы хотят мира, они воевали за мир не ради того, чтобы вновь возник пожар мировой войны. Они помнят о тех жертвах, которых потребовала победа, помнят о судьбе тех, кто взорвал в Европе мир, напоминают новым любителям военных авантур: «Не забывайте, господа, Нюрнберг, на забывайте суд народов!»» [7; с. 354].

Список цитированных источников

1. Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. – М. : Юрайт, 2023.
2. Роль СССР в Нюрнбергском процессе и последующем развитии международного права : сб. материалов конф., Москва, 18 нояб. 2016 г. / под общ. ред. О. С. Капинус. – М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – 230 с.
3. Сушкова, Ю. Н. Петр Семенович Ромашкин: большой человек / Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – 320 с.
4. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции : специализированный учебный курс / А. Н. Савенков. – М. : ИГП РАН, 2022. – 253 с.
5. Ромашкин, П. С. Жизнь в науке и для науки / П. С. Ромашкин ; рук. проекта и отв. ред. А. Н. Савенков ; авт.-сост. А. И. Чучаев, А. В. Овчаров. – М. : ИГП РАН, 2023. – 576 с.
6. Букин, А. М. Ромашкин Петр Семенович / А. М. Букин // Мордовия : энциклопедия : в 2 т. – Саранск, 2004. – Т. 2. – С. 248.
7. Ромашкин, П. С. Преступления против мира и человечества / П. С. Ромашкин. – М. : Наука, 1967. – 357 с.

ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НА ОСНОВАНИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Талимончик В. П.

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
профессор кафедры общетеоретических
правовых дисциплин, старший научный сотрудник,
доктор юридических наук

В отечественной доктрине исследования роли и значения Нюрнбергского процесса для формирования современного международного права занимают значительное место [1; 2; 6–8]. Изданы также сборники архивных документов [4; 5]. Настоящее исследование затрагивает, на первый взгляд, только один из эпизодов Нюрнбергского процесса – приостановление производства по делу Густава Круппа фон Болена унд Гальбаха, главы концерна «Фридрих Крупп».

Впоследствии 8 декабря 1947 г. открылся десятый «малый» Нюрнбергский процесс. Перед ним предстал Альфريد Крупп – сын Густава Круппа, представитель семейного концерна, поставлявшего вооружения

вермахту и в 1930-е, и в годы войны. По самым скромным оценкам, на крупновских предприятиях в военное время работали около 100 тысяч человек, 23 076 из них были военнопленными, 4978 – узниками концлагерей. Ужасающие рассказы об условиях труда звучали еще на Международном военном трибунале... (приводится по данным © Проект «Нюрнберг. Начало мира»).

Константин Залесский в исследовании «Суд над нацизмом» [3] отмечает; «На процесс был выведен Густав Крупп, владелец и глава крупнейшего промышленного концерна Германии Friedrich Krupp AG. Само его имя было синонимом военной промышленности, и он был бы идеальным кандидатом на скамью подсудимых, если бы не одно «но». После инсульта он еще до краха нацистского режима отошел от управления концерном, передав его своему старшему сыну Альфриду, мало того, 4 декабря 1944 г. он попал в авткатастрофу и у него начался процесс органического разрушения мозга. Советская сторона вполне естественно предложила заменить отца сыном Альфридом или же рассмотреть дело против него заочно. Однако американцы не собирались и дальше подвергать себя риску и при поддержке своих коллег из Англии и Франции заблокировали оба предложения. Нюрнбергский процесс остался без германских промышленников...»

Казалось бы, деяния Густава Круппа не получили должную международно-правовую оценку. Однако сам факт нахождения материалов по концерну Круппа в архивах Нюрнбергского процесса и их последующая публикация оказали решающее влияние на формирование института ответственности юридических лиц по нормам международного права.

Концерн Круппа выступил пособником международного преступления – агрессии, а также использовал принудительный труд и наносил прямой ущерб жизни и здоровью своих работников. Несмотря на то, что его ответственность была персонализирована, перед международным правом встала задача пресечения неправомерной деятельности юридических лиц, причиняющей вред человеку.

Определение агрессии, которое утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г., затрагивает только вопрос международно-правовой ответственности. Преступление агрессии совершается государством. Вместе с тем государство представляет собой политическую институцию, осуществляющую деятельность через физических лиц – должностных лиц государства и содействующих им частных лиц. Как следствие, требует проработки вопрос ответственности юридических лиц за финансирование агрессии, ее экономическую поддержку. Именно эти деяния совершались концерном Круппа.

В XXI веке четко оформилась тенденция участия юридических лиц в международных отношениях публичного характера. Так, например, юридические лица весьма активно обращаются в международные судебные учреждения, в основном по вопросам защиты собственности. Уча-

стие юридических лиц не ограничивается исключительно международными отношениями невластного характера, они принимают участие в международных отношениях, понимаемых в широком смысле как отношения между государствами, отношения между негосударственными акторами, отношения с участием государств и негосударственных акторов. В правовой доктрине уже начал дискутироваться вопрос о международной правосубъектности юридических лиц [9–11]. Так, Лов В. утверждает, что наряду с государствами юридические лица являются субъектами международного публичного права. В подтверждение своей мысли он называет четыре сферы, в которых осуществляется регулирование деятельности юридических лиц в рамках международного публичного права: ответственность государств, права человека, дипломатическую защиту и юрисдикцию [9, с. 26]. По нашему мнению, юридические лица не являются субъектами международного публичного права, они – индигенаты.

Вместе с тем современное международное право налагает на юридических лиц ряд юридических обязательств, прежде всего в области защиты прав человека.

В Глобальном соглашении 1999 г. указаны десять принципов, которых должны придерживаться юридические лица. Среди этих принципов в числе первых значится: 1) бизнес-сообществам следует поддерживать и уважать защиту международно провозглашенных прав человека; 2) бизнес-сообщества должны быть уверены, что они не замешаны в злоупотреблении правами человека. Как следствие, установлен запрет на нарушение международно провозглашенных прав человека юридическими лицами в своей деятельности.

Концерн Круппа нарушал естественные права человека, прежде всего, право на жизнь и здоровье. В настоящее время они зафиксированы в ст. 6–8 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. Установлено, что право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека; никто не может быть произвольно лишен жизни. Создавая бесчеловечные условия труда, концерн Круппа лишал людей жизни, что недопустимо с позиций естественных прав человека.

Статья 7 Международного пакта 1966 г. также прямо устанавливает, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению. В ст. 8 Международного пакта 1966 г. установлен запрет на содержание в рабстве в каких бы то ни было формах.

На наш взгляд, соответствующие положения проистекают из естественно-правовой природы международного права. Международный пакт 1966 г. их не устанавливает, а только фиксирует в договорной форме. Они должны безусловно соблюдаться как субъектами, так и индигенатами международного права.

Глобальное соглашение 1999 г. установило также положения, которые реализуются в рамках социальной корпоративной ответственности юридических лиц: 1) бизнес-сообщества должны способствовать устранению всех форм принудительного и обязательного труда; 2) бизнес-сообщества должны поддержать эффективную ликвидацию детского труда. Однако формулировка «принудительный и обязательный труд» слишком «мягкая» для условий труда в концерне Круппа. Труд их работников, особенно военнопленных был не просто принудительным, он был рабским. Полагаем, что в военное время для военной промышленности не может быть исключено действие естественных и неотъемлемых прав человека. Концепция социальной корпоративной ответственности – это концепция мирного времени.

В заключение сформулируем следующие выводы и предложения.

Военные преступления и преступления против человечности могут совершаться юридическими лицами. Материалы Нюрнбергского процесса по делу Густава Круппа ярко показывают, что преступную деятельность юридических лиц необходимо пресекать отдельно от персональной ответственности их участников.

Современное международное право регулирует вопросы ответственности юридических лиц только в мирных условиях. Глобальное соглашение, иные акты относительно социальной корпоративной ответственности, принятые на универсальном и региональном уровнях, регулируют международные экономические отношения с участием юридических лиц. Международный механизм социальной корпоративной ответственности включает два компонента: 1) принятие рекомендательных актов международными организациями; 2) выработку на основе этих актов внутрикорпоративных норм, регулирующих деятельность юридических лиц в международных отношениях. В военное время он неприменим. Комиссии международного права ООН необходимо поставить в повестку вопрос об ответственности негосударственных акторов по международному публичному праву.

Список цитированных источников

1. Влияние итогов Нюрнбергского процесса на становление новой системы международного судопроизводства / под ред. А. Г. Чернявского, Г. Ф. Чекмарева, Н. А. Синяевой. – М. : ООО «Русайнс», 2022. – 164 с.

2. Голубев, Д. П. Нюрнбергский процесс и его актуальность в современном мире / Д. П. Голубев, А. В. Колосов // Вестн. Иркутск. ун-та. научные работы. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2022. – С. 133–134.

3. Залесский, К. Суд над нацизмом [Электронный ресурс] / К. Залесский // Живая история. – Режим доступа: <https://lhistory.ru/statyi/sud-nad-nacizmom>. – Дата доступа: 21.10.2023.

4. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс без грифа «Совершенно секретно»: неизвестные документы, исследования, воспоминания / А. Г. Звягинцев. – М. : АСТ, 2010. – 799 с.

5. Нюрнбергский процесс: защитительные речи адвокатов : сб. архив. документов. – М. : Юрлитинформ, 2008. – 453 с.

6. Пуховский, Е. Н. Нюрнбергский процесс и его роль в формировании основ международного права / Е. Н. Пуховский // Политика и культура: пространство игры : сб. науч. ст. – Будапешт–Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2020. – С. 63–69.

7. Савенков, А. Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной уголовной юстиции / А. Н. Савенков. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2022. – 253 с.

8. Сухарев, А. Я. Нюрнбергский процесс и проблемы международной законности / А. Я. Сухарев // Избр. труды. Сер. Научные труды ученых Академии Генер. прокуратуры Российской Федерации. – М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – С. 174–186.

9. Lowe, V. Corporations as International Actors and International Law Makers / V. Lowe // Italian Yearbook of International Law. – 2004. – № 23. – P. 3–28.

10. Worster, W. T. Relative International Legal Personality of Non-State Actors / W. T. Worster // Brooklyn Journal of International Law. – 2016. – Vol. 42, iss. 1. – P. 207–274.

11. Karski, K. Osoba prawna prawa wewnetrznego jako podmiot prawa miedzynarodowego / K. Karski. – Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009. – 500 p.

НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ И НЮРНБЕРГСКИЙ КОДЕКС: УРОКИ ПРОШЛОГО В ВОПРОСАХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НАД ЧЕЛОВЕКОМ

Третьякова Е. С.

Российская Федерация, г. Пермь
Пермский филиал Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского и предпринимательского права,
доктор юридических наук, доцент

В последнее время в результате активного развития биотехнологий особую актуальность приобрели вопросы, связанные с проведением медицинских экспериментов над человеком, ученые из различных сфер активно обсуждают указанную сферу, в первую очередь, связанные с этическими, моральными и правовыми аспектами. При этом категорически нельзя забывать о том, что в истории уже имели место беспрецедентные форматы массовых экспериментов над людьми, данные вопросы уже обсуждались международным сообществом после Второй мировой войны и эти уроки, как человечество, так и отдельные государства не должны забывать.

В ходе Второй мировой войны нацистская медицина потеряла всяческие моральные ориентиры различения добра и зла, огромное число узников концентрационных лагерей активно использовались

для проведения медицинских опытов в научно-исследовательских целях. Так, судебно-медицинская экспертная комиссия установила, что немецкие врачи в Освенцемском лагере производили следующие эксперименты над живыми людьми: массовое иссечение тканей шейки матки или даже полную ее ампутацию; испытание ряда неизвестных веществ для целей рентгенографии матки и труб (указанные вещества с помощью специальных приборов под давлением вводились в полость матки, что было сопряжено с мучительными болями для жертв); стерилизация женщин путем облучения рентгеновскими лучами тазовой области с последующим чревосечением и изъятием яичников; изучение действия разных химических препаратов по заказам немецких фирм; стерилизация мужчин путем рентгеновского облучения; опыты с применением раздражающих химических веществ на коже для искусственного вызывания язв, флегмон, а также иные опыты, связанные с искусственным заражением инфекциями, искусственным оплодотворением [1, с. 357], а также эксперименты по пересадке органов, эвтаназии. Факты ужасающих экспериментов над людьми также подтверждены множеством свидетельских показаний. Именно эти «исследования» и «опыты», в том числе, вошли в категорию «преступления против человечности».

Когда мы говорим о Нюрнбергском процессе, обычно имеем в виду основной процесс по делу высокопоставленных чиновников – военных преступников Третьего рейха, однако, были и 12 последующих процессов, где рассматривались преступления, совершенные дипломатами, бизнесменами, юристами, военными и другими категориями лиц. Первым и, как представляется, одним из самых важных «малых Нюрнбергских процессов» стало дело врачей, повлекшее, впервые со времен Гиппократа, пересмотр кодекса медицинской этики. К международному суду были привлечены 23 врача (некоторым удалось скрыться, трое покончили жизнь самоубийством, наказание постигло далеко не всех), в результате семь врачей были приговорены к смертной казни, семь оправданы, пять приговорены к пожизненному заключению, остальные – к различным срокам тюремного заключения, при этом, согласно документам судебного процесса, преимущественно, медики оправдывали свое участие следующими аргументами: научная ценность проводимых исследований, значение полученных данных для лечебной практики, роль простых исполнителей. Могут ли данные аргументы считаться основательными для соответствующих действий? Учитывая общий контекст идеологии фашистской Германии, в том числе связанный с теорией расизма, расовой гигиены, философией морального нигилизма, упор в государственной политике на «общественную пользу» и «интересы нации», ученые посчитали возможным пренебречь веками сформированной моралью, основами биоэтики, категориями человеческого достоинства и осуществлять соответствующую деятельность. Свою вину никто из врачей не признавал, так Фриц Фишер, один из обвиняемых, заявил: «Вера в юридическую правоту руководства, госу-

дарства и фюрера, как мне тогда казалось, давали юридическую защиту и оправдание и снимали с меня индивидуальную ответственность» [2]. Субъективно врачи-преступники находились в границах своего понимания смысла соответствующей деятельности. Объективно – такая деятельность, несомненно, должна признаваться общественно опасной и, как следствие, преступной.

Следовательно, не только для наказания за уже совершенные преступления, но и для предотвращения будущих попыток перейти определенные грани, необходимо стало правовое регулирование соответствующих отношений, причем не в рамках национального законодательства отдельных государств, которое, при возникновении определенных условий и соответствующем желании можно откорректировать, а на уровне международных стандартов.

В результате, был принят первый международный акт по вопросам регламентации медицинских экспериментов – Нюрнбергский кодекс 1947 г., который установил основополагающие принципы проведения экспериментов с участием человека. В настоящее время данные принципы взяты за основу формирующегося в рассматриваемой сфере законодательства.

Первый и основной принцип, установленный в ст. 1 Нюрнбергского кодекса – абсолютно необходимым условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего. «Это означает, что лицо, вовлекаемое в эксперимент в качестве испытуемого, должно иметь законное право давать такое согласие; иметь возможность осуществлять свободный выбор и не испытывать на себе влияние каких-либо элементов насилия, обмана, мошенничества, хитрости или других скрытых форм давления или принуждения; обладать знаниями, достаточными для того чтобы понять суть эксперимента и принять осознанное решение». Таким образом, до начала медицинского эксперимента, испытуемому должна быть разъяснена информация о цели, характере, продолжительности, методах и способе, а также о возможных неудобствах, рисках и последствиях для здоровья человека, которые могут возникнуть в результате участия в эксперименте. Согласно кодексу, персональной обязанностью каждого, кто инициирует проведение исследования, является выяснение качества полученного добровольного согласия, то есть согласие не должно быть получено под принуждением, давлением, насилием и так далее.

Следующий принцип – эксперимент должен приносить обществу положительные результаты, недостижимые другими методами или способами исследования; он не должен носить случайный, необязательный характер. Смысл данной нормы заключается в том, что медицинский эксперимент не должен проводиться в пустую; в его основе должны быть обоснованные причины и мотивы, а также предполагаемый результат потенциально должен принести пользу науке и практической медицине, поэтому, предполагается, что проведение исследования должно быть оправдано и подкреплено иными испытаниями. Это же подтвержда-

ется с ст. 3, согласно которой эксперимент должен основываться на данных, полученных в лабораторных исследованиях на животных, знании истории развития данного заболевания или других изучаемых проблем. Его проведение должно быть так организовано, чтобы ожидаемые результаты оправдывали сам факт его проведения. Также, при проведении эксперимента требуется избегать всех излишних физических и психических страданий и повреждений.

Согласно положениям Кодекса, запрещено проводить эксперимент в том случае, если есть основания полагать о возможной смерти или ранения испытуемого, после которого он получит инвалидность (исключение – когда испытуемый – врач-исследователь). Соответственно и степень риска при проведении эксперимента не должна превышать гуманитарной важности проблемы.

Перед проведением эксперимента должна проводиться соответствующая подготовка, необходимо обеспечить максимальную защиту испытуемого, таким образом требуется соответствующее оборудование. Право на проведение эксперимента имеют только лица с научной квалификацией.

Относительно прекращения эксперимента, испытуемый должен иметь право остановить его, если психическое и физическое состояние делают невозможным его продолжение. Исследователь, в свою очередь, должен быть готов в любой момент прекратить эксперимент, если у него появляются основания полагать, что есть риск причинения вреда испытуемому.

Указанные принципы заложили этико-правовую основу регулирования медицинских экспериментов как на уровне международного права (Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассоциации, Женевская декларация 1948 г., Международный кодекс медицинской этики 1983 г., Двенадцать принципов предоставления медицинской помощи в любой национальной системе здравоохранения 1983 г. и ряда других документов), так и в национальных юрисдикциях.

Согласимся с мнением исследователей, что: «согласно этим документам врач обязуется следовать идеалам гуманности, по совести и с достоинством выполнять свой долг, действовать только во благо пациента, не наносить вреда, в интересах пациента назначать любое лечение, адекватное с точки зрения современных стандартов» [3, с. 243]. При проведении экспериментов с привлечением человека врач не выходит за рамки своей профессиональной деятельности, а остается врачом и осуществляет комплекс мероприятий, направленных на приобретение новых научных знаний и лечение нуждающихся. Таким образом, вне зависимости от происходящего, идеологических условий, иных внешних факторов, главной ценностью для врача должны оставаться жизнь и здоровье пациента. Такие ценности, как святость жизни и милосердие должны лежать в основе медицинской деятельности.

Современная биоэтика и биоправо в вопросах регулирования медицинских экспериментов, формируются на уроках Второй мировой

войны, внимание на которых было акцентировано благодаря Нюрнбергским процессам, установленные принципы должны быть непреложны и непререкаемы в независимости от возникающих условий и факторов. С одной стороны, безусловно, медицинская наука должна развиваться, во благо человека, общества, государства, с другой стороны, это развитие должно происходить в определенных рамках, человек, человеческая жизнь и достоинство должны быть основой для всех процессов в обозначенной сфере.

Список цитированных источников

1. Звягинцев, А. Г. Главный процесс человечества / А. Г. Звягинцев // Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 656 с.
2. Нюрнбергский врачебный процесс: ангелы смерти на скамье подсудимых // Информ. портал [germania-online](https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/Gedenkdaten/nuernberger-aerztprozesse/1930778). – Режим доступа: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/geschichte/Gedenkdaten/nuernberger-aerztprozesse/1930778>. – Дата доступа: 22.10.2023.
3. Васильева, О. Л. Международно-правовые принципы регулирования медицинских экспериментов с участием человека / О. Л. Васильева, М. В. Ликеева, Н. И. Гришина // Актуальные проблемы управления здоровьем населения / под общ. ред. И. А. Камаева, В. М. Леванова. – М., 2019. – Т. 1., вып. 12. – 378 с.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ИТОГИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕДОПУЩЕНИЕ ПЕРЕСМОТРА

Халатян А. М.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет

Искевич И. С.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет,
заведующий кафедрой «Международное право»,
кандидат юридических наук, доцент

20 ноября 1945 г. в 10.00 в небольшом германском городке Нюрнберг открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников европейских стран оси Рим-Берлин-Токио. Этот город был выбран неслучайно: он многие годы был

цитаделью фашизма, невольным свидетелем съездов национал-социалистской партии и парадов ее штурмовых отрядов. Нюрнбергский процесс осуществлял Международный военный трибунал (МВТ), созданный на основании Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. между правительствами ведущих государств-союзников – СССР, США, Великобритании и Франции, к которому присоединились 19 других стран – членов Антигитлеровской коалиции. Основу соглашения составили положения Московской декларации от 30 октября 1943 г. об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства, под которой поставили свои подписи руководители СССР, США и Великобритании.

Учреждение военного трибунала с международным статусом стало возможным во многом благодаря созданию на конференции в Сан-Франциско (апрель-июнь 1945 года) Организации Объединенных Наций – всемирной организации безопасности, объединившей все миролюбивые государства, которые совместными усилиями оказали достойный отпор фашистской агрессии. Трибунал был учрежден в интересах всех стран – членов Объединенных Наций, которые после окончания кровопролитнейшей из войн поставили своей главной целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны: и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности». Так записано в Уставе ООН. На том историческом этапе, сразу после окончания Второй мировой войны, в этих целях было крайне необходимо всенародно признать нацистский режим и его главных лидеров виновными в развязывании агрессивной войны практически против всего человечества, принесшей ему чудовищное горе и невыразимые страдания. Организация и юрисдикция Международного военного трибунала были определены его Уставом, составлявшим неотъемлемую часть Лондонского соглашения 1945 г. Согласно Уставу трибунал имел право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности. В состав МВТ вошли судьи – представители от четырех государств-учредителей (по одному от каждой страны), их заместители и главные обвинители. В Комитет главных обвинителей были назначены: от СССР – Р. А. Руденко, от США – Роберт Х. Джексон, от Великобритании – Х. Шоукросс, от Франции – Ф. де Ментон, а затем Ш. де Риб. На Комитет возлагалось расследование дел главных нацистских преступников и их обвинение. Процесс был построен на сочетании процессуальных порядков всех представленных в трибунале государств. Решения принимались большинством голосов.

Международный военный трибунал, заседавший почти год, проделал колоссальную работу. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, было допрошено 116 свидетелей, рассмотрено свыше 300 тысяч письменных показаний и около 3 тысяч документов,

включая фото- и кинообвинения (в основном официальные документы германских министерств и ведомств, Верховного командования вермахта, Генштаба, военных концернов и банков, материалы из личных архивов). Если бы Германия выиграла войну или если бы конец войны не был таким стремительным и сокрушительным, то все эти документы (многие с грифом «Совершенно секретно»), скорее всего, были бы уничтожены или были навсегда скрыты от мировой общественности. Многочисленные свидетели, дававшие показания в ходе процесса, по словам Р. Картье, не ограничивались просто фактами, а подробно освещали и комментировали их, «привнося новые оттенки, краски и дух самой эпохи». В руках судей и обвинителей оказались неоспоримые доказательства преступных замыслов и кровавых злодеяний нацистов. Широкая гласность и открытость стали одним из основных принципов международного процесса: для присутствия в зале суда было выдано более 60 тыс. пропусков, заседания велись одновременно на четырех языках, прессу и радио представляли около 250 журналистов из разных стран.

Подсудимым была представлена широкая возможность осуществлять защиту от предъявленных им обвинений: все они имели адвокатов, им предоставлялись копии всех документальных доказательств на немецком языке, оказывалась помощь в розыске и получении необходимых документов, доставке свидетелей, которых считали нужным вызвать защитники. Однако обвиняемые и их адвокаты с самого начала процесса взяли курс на то, чтобы доказать юридическую несостоятельность Устава Международного военного трибунала. Стремясь избежать неотвратимого наказания, они пытались переложить всю ответственность за совершенные преступления исключительно на Адольфа Гитлера, СС и гестапо, выдвигали встречные обвинения в адрес государств – учредителей трибунала. Характерно и показательно, что ни у одного из них не возникло ни малейших сомнений в своей полной невиновности.

Трибунал также признал преступными руководящий состав национал-социалистской партии, СС, СД и гестапо. Таким образом, даже приговор, согласно которому только 11 подсудимых из 21 были приговорены к смертной казни, а трое вообще были оправданы, наглядно показал, что правосудие не было формальным и ничего заранее не предрешалось. При этом член международного суда от СССР – страны в наибольшей степени пострадавшей от рук нацистских преступников, генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко в Особом мнении заявил о несогласии советской стороны суда с оправдательным приговором трем подсудимым. Он высказался за смертную казнь в отношении Р. Гесса, а также выразил несогласие с решением о непризнании преступными организациями нацистского правительства, Верховного командования, Генштаба и СА.

Важно подчеркнуть, что целью международного процесса в Нюрнберге было осуждение нацистских лидеров – главных идейных вдохновителей и руководителей неоправданно жестоких акций и кровавых

бесчинств, а не всего германского народа. В связи с этим представитель Великобритании на суде заявил в своей заключительной речи: «Я снова повторяю, что мы не стремимся обвинить народ Германии. Наша цель – защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира. Но как может быть это сделано, если мы оставим в его среде безнаказанными и неосужденными эти элементы нацизма, которые в основном ответственны за тиранию и преступления и которые, как может поверить трибунал, не могут быть обращены на путь свободы и справедливости?». Что касается военных лидеров, по мнению некоторых, всего-навсего выполнявших свой воинский долг, беспрекословно следуя приказам политического руководства Германии, то здесь необходимо подчеркнуть, что трибунал осудил не просто «дисциплинированных вояк», а людей, которые считали «войну формой существования» и которые так и не извлекли «уроков из опыта поражения в одной из них».

В ходе процесса осуждению подвергся и воинствующий германский милитаризм, который был «сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил». Причем, важно понимать, что понятие «милитаризм» отнюдь не связано с профессией военного. Это явление, которое с приходом нацистов к власти пронизывало все немецкое общество, все сферы его деятельности – политическую, военную, социальную, экономическую. Милитаристски настроенные германские лидеры проповедовали и практиковали диктат вооруженной силы. Они сами получали удовольствие от войны и стремились привить такое же отношение своей «пастве». Более того, необходимость противодействия злу, также с помощью оружия, со стороны народов, ставших мишенью агрессии, могла рикошетом ударить по ним самим.

Ровно 70 лет назад, 3 мая 1946 г., в Токио начал свою работу Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), который иногда называют вторым или Дальневосточным Нюрнбергом. Его заседания проходили в течение почти двух с половиной лет, до 12 ноября 1948 г.

Устав Токийского трибунала вобрал в себя важнейшие положения устава Нюрнбергского трибунала. Однако в отличие от последнего в нем не был соблюден принцип паритета, то есть равноправного участия стран в организации и проведении процесса. Если в Нюрнберге члены трибунала выбирали председательствующего по взаимному соглашению, главные обвинители распределяли обязанности по поддержанию обвинения также по договоренности, а процесс велся на четырех языках (по количеству стран, участвовавших в суде), то в Токио все обстояло иначе.

Одновременно с этим чрезвычайно широкие полномочия были предоставлены Главнокомандующему союзными оккупационными войсками генералу Дугласу Макартуру. Он назначал председателя, главного

обвинителя, членов трибунала из представителей, которые предлагали государства, подписавшие акт о капитуляции, а также Индия и Филиппины. Он имел право смягчить или как-то изменить приговор, но не увеличить меру наказания. Официальными языками были японский и английский. Тем самым американцы на Токийском процессе заняли ключевые позиции, стремясь таким образом продемонстрировать свой приоритет в деле разгрома Японии.

Список цитированных источников

1. Иноземцев, В. Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России / В. Иноземцев // Свободная мысль XXI. – М., 2004. – № 9. – С. 7.
2. Тернон, И. Размышления о геноциде / И. Тернон // Рос. бюллетень по правам человека. – М., 1996. – Вып. 8. – С. 74.
3. Протокол конференции по поводу окончательного решения еврейского вопроса, состоявшейся 20.01.1942 г. в Берлине [Электронный ресурс] // Мемориального центра Холокоста в Ванзее. – Режим доступа : <http://www.ghwk.de/russisch/prot-russ.htm>. – Дата доступа: 30.10.2023.

ПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Юрочкин М. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
проректор по учебной работе,
кандидат юридических наук, доцент

В работе рассматриваются теоретические и правовые основы международной уголовной юстиции. Современное международное право подтвердило принцип неотвратимости наказания и индивидуальной ответственности физических лиц за совершение международных преступлений и принцип международно-правовой ответственности государств за совершение особо социально опасных деяний в виде международных деяний.

Возникновению идеи Международного уголовного суда и ее развитию в формировании правовой основы Нюрнбергского трибунала предшествовала длительная дискуссия в научной юридической среде.

Вполне обоснованно сложилось мнение о том, что «впервые вопрос привлечения к уголовной ответственности за деяния, причинившие ущерб интересам содружества государств, был поднят при обсуждении антифранцузской коалицией намерения о предании суду Наполеона

Бонапарта по обвинению в гибели сотен тысяч людей и иных преступлениях во время многочисленных наполеоновских войн. Однако за состоявшимся обсуждением действий не последовало». В ее основе лежит решение о задержании Наполеона за ведение войн против мира во всем мире: «Власти заявляют... что Наполеон Бонапарт поставил себя за рамки гражданских и социальных отношений и как враг и разрушитель мира во всем мире он предал себя судебному преследованию». И далее: «Наполеон Бонапарт своими действиями лишил себя всех прав, кроме тех, которые человечество требует в его пользу. И меры предосторожности, которые могут потребоваться для мира и общественного благосостояния в отношении него, полностью подчиняются просвещенному усмотрению Суверенных Союзников» [1, с. 3–4].

Одной из первых научных работ, посвященных всестороннему обоснованию идеи международного суда, в том числе специального международного уголовного суда, стал труд Л. А. Камаровского «О международном суде» [2].

Первым опытом становления международной уголовной юстиции стал Версальский договор. После Первой мировой войны Комиссия об ответственности авторов войны и по исполнению наказаний за нарушение законов и обычаев войны, созданная предварительной мирной конференцией на пленарном заседании 25 января 1919 г. в составе 15 членов, в своем отчете от 29 марта 1919 г. назвала вопиющими «нарушения прав комбатантов и прав гражданских лиц... которые примитивное варварство, опираясь на все ресурсы современной науки, могло изобрести для создания системы терроризма, тщательно спланированного и доведенного до конца. Даже заключенные, раненые, женщины или дети не пользовались уважением со стороны воюющих сторон, которые сознательно стремились вселить ужас в каждое сердце с целью подавления всякого сопротивления. Убийства и массовые убийства, пытки, щиты из живых людей, коллективные наказания, арест и казнь заложников, реквизиция в военных целях, произвольное уничтожение государственной и частной собственности, воздушные бомбардировки открытых городов, уничтожение торговых судов без предварительного посещения и без каких-либо мер предосторожности для безопасности пассажиров и экипажа, массовые убийства заключенных, нападения на госпитальные суда, отравление источников и колодезцев, бесчинства к религии или чести отдельных лиц, проблема фальшивых денег, о которой сообщило польское правительство, методичное и преднамеренное уничтожение предприятий с единственной целью – содействия экономическому превосходству Германии после войны составляют самый поразительный список преступлений, который когда-либо составлялся к вечному позору тех, кто их совершил. Факты установлены. Нет никаких сомнений в том, что бывший кайзер и дру-

гие высокопоставленные лица знали и могли по крайней мере смягчить варварства, совершенные в ходе войны. Если утверждается, что суверенитет суверена выходит за пределы, указанные выше, это будет включать изложение принципа, согласно которому величайшие нарушения законов и обычаев войны и законов человечества, если они будут доказаны против него, ни при каких обстоятельствах не могут быть наказаны. Такой вывод потряс бы совесть цивилизованного человечества.

Гражданские и военные власти не могут быть освобождены от ответственности одним лишь фактом, что вышестоящие власти могли быть осуждены за то же преступление. Решение о том, достаточно ли приказа вышестоящего начальника для освобождения обвиняемого от ответственности, будет решаться судом» [3].

В 1922 году на Международном пенитенциарном конгрессе по докладу Генерального секретаря профессора Беллот большинством в 31 голос против 21 было признано, что «организация международного трибунала важна в интересах правосудия». Хью Х. Л. Беллот был ключевой фигурой в процессе трансформации международного права в целом и международного уголовного права в частности, возникшего в контексте Первой мировой войны [4].

В 1926 году Международная ассоциация уголовного права в Вене и Первый международный конгресс по уголовному праву в Брюсселе снова изучали вопрос об организации международного уголовного суда.

Во всех случаях авторы проектов не давали прямого ответа на основной вопрос: какой круг дел будет подсуден проектируемому Международному трибуналу. Постановление по докладу президента Консультативного комитета юристов, назначенного Советом Лиги для разработки плана предусматриваемой международной системы правосудия, бельгийского юриста, барона Э. Декампа в 1920 году гласило: «Международный трибунал рассматривает дела о преступлениях против международного порядка и всеобщих/универсальных прав наций, передаваемые на его рассмотрение пленарным собранием Лиги Наций или ее советом» [5].

Следующим этапом стал 1937 год, принятие Конвенции о предупреждении терроризма и наказании за него и Конвенция о создании Международного уголовного суда под эгидой Лиги Наций. Минимальное количество ратификаций и присоединений, необходимое для вступления любой из конвенций в силу, не было достигнуто.

В разработку теоретической базы международного уголовного правосудия значительный вклад внесли советские правоведы. К ним следует отнести написанные по уголовному праву в 1930–1940-е годы работы В. Д. Меньшагиным, А. Н. Трайниным, А. А. Гецензоном и З. А. Вышинской [6].

В 1986 году в Институте государства и права АН СССР вышла «Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками» [7]. События, документы и материалы Нюрнбергского процесса глубоко исследуются и широко освещаются советскими и зарубежными авторами.

Значительное влияние на подготовку Устава Международного военного трибунала имели работы члена советской делегации на Лондонской конференции А. Н. Трайнина, и прежде всего изданная в 1944 году его работа «Об уголовной ответственности гитлеровцев» [8]. Главным нововведением книги Трайнина был аргумент о том, что «гитлеровцев» следует судить не только за «военные преступления», совершенные в ходе этой войны, но также, что более важно, за развязывание агрессивной войны – и таким образом, за совершение фундаментального «преступления против мира». Утверждая, что «мир – величайшая социальная ценность» и основа всех «международных объединений», Трайнин утверждал, что «преступления против мира» представляют собой самые серьезные международные преступления.

В Лондоне четыре державы (США, Великобритания, Франция и СССР) приняли позицию А. Н. Трайнина и суть его определения «преступлений против мира»; они перечислили «военные преступления» и «преступления против человечности» как отдельные, хотя и взаимосвязанные обвинения. На Лондонской конференции четыре державы также решили включить обвинение в соучастии в Нюрнбергскую хартию.

12 декабря 1945 г. Комиссия ООН по расследованию военных преступлений опубликовала библиографию юридической литературы о военных преступлениях во Второй мировой войне.

Со временем на Западе решающая роль Советского Союза как основателя, участника Международного военного трибунала и одного из четырех государств обвинения сначала неофициально, а затем умышленно была забыта.

Решения Нюрнбергского военного трибунала не теряют своей актуальности и сегодня. Любые попытки их пересмотра, отрицания или искажения должны рассматриваться как нарушение общепризнанных принципов и норм международного права, как очевидное противодействие воле Организации Объединенных Наций.

Список цитированных источников

1. Волеводз, А. Г. Исторические и международно-правовые предпосылки формирования современной системы международной уголовной юстиции / А. Г. Волеводз, В. А. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2008. – № 2. – С. 3–4.

2. Камаровский, Л. А. О международном суде / Л. А. Камаровский. – М. : Тип. Т. Малинского, 1881. – 550 с.

3. Report of the Commission on the Responsibility of the Authors of the First World War and on Enforcement of Penalties : Document № 43 : 29 March 1919 / Howard S. Levie (ed.) // International Law Studies. – 1919. – Vol. 60 : Documents on Prisoners of War. – P. 159–160.

4. Hugh, H. L. Bellot A Permanent International Criminal Court : Report of the Thirty First Conference held at the Palace of Justice in Buenos Aires : August 24–30 1922 / Bellot Hugh H. L. ; (ed.) International Law Association. – London : Sweet & Maxwell. 1922. – P. 63–86.

5. Report of the Thirty Fourth Conference held at the Imperial Palace and the Chamber of Commerce, Vienna : August 5–11 1926. – London : International Law Association, 1926.

6. Полторак, А. И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы / А. И. Полторак. – М. : Наука, 1966. – 428 с.

7. Библиография работ о Нюрнбергском процессе над главными военными преступниками / АН СССР, Ин-т государства и права ; сост. Д. И. Васильев. – М. : ИГПАН, 1986. – 29 с.

8. Трайнин, А. Н. Уголовная ответственность гитлеровцев / А. Н. Трайнин ; под ред. акад. А. Я. Вышинского. – М. : Юрид. Изд-во НКЮ СССР, 1944. – 108 с.

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ 3 НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ВЛИЯНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Багандова Л. З.

Российская Федерация, г. Москва
Институт государства и права
Российской академии наук,
ведущий специалист
научно-организационного отдела

Вторая Мировая война оставила болезненный след в истории всего человечества. За время ведения военных действий нацистами совершались зверства, которые не отвечали правилам ведения войны, устоявшимся в международном праве того периода: использовалось бактериологическое и химическое оружие; по отношению к мирному населению и военнопленным применялись пытки; человеческие органы и ткани использовались немецкой промышленностью и производством. В связи с этим перед мировым сообществом и международным уголовным правом встали новые задачи – прежде всего, по созданию Трибунала по осуждению военной агрессии.

Впервые вопрос о создании международного суда для наказания военных преступников встал в конце XIX века после завершения франко-прусской войны. Данное предложение осталось лишь проектом, так как степень развития общества и национальных правовых систем не позволяли перейти к такому формату. Переломным моментом в становлении международного права и уголовной юстиции стала Первая Мировая война, которая окончилась подписанием Версальского мирного договора. Положения последнего предусматривали создание международного суда для осуждения лиц, совершивших деяния, противные законам и обычаям войны, однако они остались нереализованными в связи с рядом политических событий, которые заморозили процесс активной деятельности по ее исполнению [1, с. 23].

С появлением первых международных органов задача по созданию международного военного Трибунала стала возлагаться на них. Участниками Лиги Наций был разработан Женевский протокол, запрещающий решение конфликтов путем ведения войны, однако в силу он не вступил в связи с рядом политических событий, происходящих в европейских странах. Следующей попыткой создания международного суда

стал Первый международный конгресс по уголовному праву, к вопросам ведения которого относились бы «дела о преступлениях международного порядка, и всеобщих/универсальных прав наций». В данном проекте практически не было уделено внимания характеристике полномочий суда, четкой регламентации круга деяний, совершение которых может являться предметом рассмотрения, а также процессуальным вопросам и гарантиям, в связи с чем он также не получил практического воплощения.

Зверские злодеяния, совершенные гитлеровцами в войне 1939–1945 гг., сделали неотложным создание Международного военного Трибунала. Большой вклад в процесс в это внесло советское правительство. Так, В. М. Молотов в ноте 1942 г. заявил о необходимости предания суду «любого из главарей фашистской Германии» за истребление советского населения, ликвидацию национальной культуры, рабско-крепостнический труд и кабалу, захват советских земель, а также всеобщее ограбление [2]. Позднее Н. Н. Полянским был разработан и представлен план по привлечению к ответственности руководства гитлеровской Германии через международный уголовный суд, наказанию за посягательства на устои международного мира и раскрытие всех пружин заговора, приведшего к потрясению устоев цивилизации [3, с. 32]. Не всеми странами данное предложение было принято: Великобритания придерживалась мнения, что нацистские преступники должны быть наказаны политическим решением, вне юридической процедуры, так как это более быстро и сурово, что соразмерно содеянному ими [4, с. 18].

Разгром нацистских захватчиков сделал возможным организацию первого в мировой истории Трибунала над военными преступниками. Нюрнбергский процесс начал работу 20 ноября 1945 г. и стал первым в истории судебным разбирательством, направленным на привлечение виновных к ответственности за международные преступления [5, с. 7]. Нюрнбергский Трибунал оказал существенное влияние на дальнейшее развитие международного права, в частности:

1) в ст. 6 Устава Нюрнбергского Трибунала впервые в истории международного законодательства приведен перечень международных преступлений;

2) принципы, сформулированные в приговоре Трибунала, нашли отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 95 (1) от 11 декабря 1946 г. [6] и получили развитие в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/177 (II) от 21 ноября 1947 г. [7]. Прежде всего это неотвратимость наступления ответственности и наказания за совершение международных преступлений, несвязанность национального и интернационального законодательства в отношении наказуемости того или иного деяния, установленного международным правом как преступления, а также принцип отсутствия оснований для освобождения от ответственности в связи с исполнением приказа или распоряжения прави-

тельства, так как возможность сделать сознательный выбор у лиц сохранялась;

3) Нюрнбергский процесс положил начало современному международному гуманитарному праву. Его приговор послужил юридической основой для Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948), Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973), Конвенции ЮНЕСКО о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954), а также ряда других международных договоров;

4) последующие Трибуналы в Руанде, Югославии, Ливане организовывались по модели Нюрнбергского процесса;

5) деятельность Нюрнбергского Трибунала послужила основанием существования Международного уголовного суда.

Роль Нюрнбергского процесса в развитии международного права, в частности международного уголовного, достаточно велика. Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания военных преступников европейских стран оси является не только фактом осуждения нацистов, но и ярким свидетельством возросшей силы народов в борьбе с агрессией. В современных условиях эскалации военно-политических конфликтов и фальсификации исторических фактов актуальность данного процесса растет, в связи с чем изучение предпосылок его создания и деятельности является одной из главных задач юридической и исторической наук.

Список цитированных источников

1. Савенков, А. Н. Нюрнбергский процесс и развитие международной юстиции : специализированный учеб. курс / А. Н. Савенков. – М. : ИГП РАН, 2022. – 253 с.

2. Нота народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления [Электронный ресурс] // Booksite.ru. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/nota1/text.pdf>. – Дата доступа: 22.10.2023.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 7021. Оп. 116. Д. 337.

4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 137.

5. Трайнин, А. Н. Учение о составе преступления / А. Н. Трайнин. – М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1946. – 185 с.

6. Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 11 дек. 1946 г. № 95 (1) // Undocs.org.ru. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/95%28I%29>. – Дата доступа: 22.10.2023.

7. Планы по формулированию принципов, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 21 нояб. 1947 г. № A/RES/177 (II). – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/177%28II%29>. – Дата доступа: 22.10.2023.

В ТЕНИ НЮРНБЕРГА: ЮРИДИЧЕСКИ-ПРАВОВАЯ БАЗА ОТКРЫТЫХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ НАД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В БССР В 1945–1947 ГГ.

Барабаш Н. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Белорусский государственный
педагогический университет
имени Максима Танка,
доцент кафедры истории Беларуси
и славянских народов,
кандидат исторических наук, доцент

Одними из наиболее трагических последствий Второй мировой и Великой Отечественной войны и оккупации Беларуси явились людские потери, которые составили, по данным белорусских историков, более 3,2 млн человек. На оккупированной территории БССР было создано более 260 лагерей смерти, их филиалов и отделений. Наиболее известный среди них – Тростенец [7], в котором погибло более 200 тыс. человек. 628 деревень были полностью уничтожены, а трагедия Хатыни стала известной всему миру, как один из примеров массового уничтожения мирного населения в Беларуси.

Руководство Советского Союза с первых дней войны знало о небывалых размерах преступлений на оккупированной территории. Поэтому, факты чудовищных злодеяний, несовместимые и нарушающие международные права, становились известными всем правительствам участникам антигитлеровской коалиции. В дипломатических нотах Наркомата иностранных дел СССР «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» от 25 декабря 1941 г., «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими территории от 6 января 1942 г., «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» от 27 апреля 1942 г. [1, с. 408–409], заявлении советского правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые в оккупированных странах Европы» от 14 октября 1942 г. [2, с. 274], не только отмечались факты злодеяний, но и подчеркивалась неизбежность уголовной ответственности за их совершение.

19 апреля 1943 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийства

и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», в котором отмечалось, что «немецкие, итальянские, румынские, венгерские, финские фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники родины из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение... Повешение осужденных – проводить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней, чтобы все знали, как караются и какое возмездие постигнет всякого, кто совершает насилие и расправу над гражданским населением и кто предал свою родину» [3]. Этот Указ устанавливал порядок суда над военными преступниками и предусматривал новые виды наказания – смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком до 20 лет [4, с. 124].

Аналогичные преступления, но не в таких масштабах, осуществлялись на оккупированных территориях европейских стран. В связи с этим, союзники по антигитлеровской коалиции пришли к согласию в необходимости наказания военных преступников за совершенные ими злодеяния. Юридическая ответственность впервые была зафиксирована в Московской Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые ими преступления от 30 октября 1943 г., которую подписали руководители трех стран антигитлеровской коалиции – Великобритании, США и СССР [5, с. 363–364]. Отметим, что инициатором этой Декларации выступил премьер-министр Великобритании У. Черчилль. 13 октября 1943 г. он направил Председателю СНК СССР И. Сталину послание, в котором впервые сформулировал необходимость наказания военных преступников. В частности, он подчеркивал, что «Великобритания, Соединенные Штаты и Советский Союз получили из различных источников свидетельства о зверствах, убийствах и хладнокровных массовых казнях, которые совершаются гитлеровскими вооруженными силами во многих странах, захваченных ими, из которых они теперь неуклонно изгоняются... В соответствии с вышеизложенным три союзные державы, выступая в интересах тридцати двух Объединенных наций настоящим торжественно делают заявление и предупреждение своей следующей декларацией: В момент предоставления любого перемирия любому правительству, которое может быть создано в Германии, все германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно приняли участия в них, будут отосланы в страны, в которых были совершены ими эти отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы. Списки будут составлены со всеми возможными подроб-

ностями, полученными от всех этих стран, в особенности с учетом оккупированных частей России, Польши и Чехословакии, Югославии и Греции, включая Крит и другие острова, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии...» [5, с. 80–81]. Предложение У. Черчилля было поддержано И. Сталиным и Ф. Рузвельтом и закреплено Московской конференцией (19–30 октября 1943 г.) в «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» [5, 363–364].

Коренной перелом во Второй мировой и Великой Отечественной войне позволил перейти от декларативных заявлений к практической реализации. В условиях военного времени была выработана нормативно-правовая база, в соответствии с которой судили военных преступников. В ноябре 1942 года в СССР была введена уголовная ответственность для немецко-фашистских преступников и их соучастников за совершенные на оккупированной территории таких преступлений, как убийства и истязания мирных граждан, принудительный вывоз советских граждан на принудительные работы, грабеж мирного населения и вывоз в Германию личного имущества граждан (а также колхозного и совхозного имущества, разрушение памятников искусства и культуры народов Советского Союза, расхищение художественных исторических ценностей [6, с. 11].

Проведение учета ущерба и составление списка военных преступников были возложены на Республиканскую чрезвычайную государственную комиссию по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков (РЧГК), а также на областные комиссии. Они передавали собранные ими сведения органам СМЕРШ, Народного комиссариата государственной безопасности (НКГБ), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), военной прокуратуры, которые выискивали обвиняемых в лагерях для военнопленных на территории СССР, европейских стран и их этапированием в города, где проходили процессы.

Органами контрразведки СМЕРШ в Праге был арестован и этапирован в Минск на судебный процесс Эберхардт Герф – начальник полиции Беларуси заместитель начальника главного штаба по борьбе с партизанами. Ганс Кох – обер-лейтенант СС, криминал-комиссар гестапо, бывший начальник полиции безопасности в Орле, Орше, Борисове и Слониме, был взят в плен весной 1945 года в Германии американскими солдатами, передан советской военной администрации в Германии (СВАГ), а затем этапирован в Минск, где и предстал перед судом. Аналогичным образом доставлены военные преступники на открытые процессы в Гомель, Витебск и Бобруйск.

В Беларуси состоялись четыре открытые судебные процессы над немецкими преступниками, которые совершили преступление на оккупированной территории республики.

Первым стал процесс, который прошел в Минске с 15 по 29 января 1946 г. Перед судом Военного трибунала Минского военного округа по

делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в БССР в 1941–1944 гг. предстали 18 бывших военнослужащих германской армии и полиции, среди которых были два генерал-майора, полковник полиции, подполковник полиции, капитан полиции, капитан, лейтенант войск СС, лейтенант, вахмистр, унтершарфюрер обер-ефрейтор и три солдата [8].

Председателем суда назначался генерал Юстиции Кедров – председатель военного трибунала Барановичского военного округа, государственным обвинителем – генерал-майор юстиции Яченин – военный прокурор оккупационных войск в Германии.

Основной материал, подтверждавший их преступления в Беларуси, был предоставлен ЧГК БССР. Собранные материалы, подтверждающие виновность подсудимых, систематизировались по отдельным видам преступлений: а) истребление мирных советских граждан; б) зверские расправы и издевательства над советскими военнопленными; в) массовый угон гражданского населения на принудительные работы; г) разрушение городов, деревень и грабеж мирного населения и т. д. Собранные доказательства обвинения систематизировались и по каждому обвиняемому.

По материалам следствия и актам ЧГК БССР составлялось обвинительное заключение, которое 11 января 1946 г. было утверждено Главным военным прокурором Красной Армии генерал-лейтенантом Афанасьевым. Копии обвинительных заключений 13 января 1946 г. были вручены обвиняемым для ознакомления. Каждому из них вменялись в вину конкретные факты, установленные следствием [4, с. 131].

За время судебного разбирательства с 15 по 29 января 1946 г. трибунал провел 28 открытых заседаний, на которых заслушал 57 свидетелей, изучил значительное количество письменных показаний и других документов [4, с. 132]. Предъявленные обвинения в ходе судебного разбирательства были доказаны, вина подсудимых в совершении каждого из вменяемых им преступлений установлена. Военный трибунал признал их всех виновными в преступлениях, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума ВС СССР от 19 апреля 1943 г. и, руководствуясь ст. 3 УК, ст. 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) БССР, 30 января вынес приговор, по которому 14 обвиняемых приговаривались к смертной казни через повешение, два – к 20 годам каторги, два – к 15 годам каторги.

30 января 1946 г. на Минском ипподроме публично в присутствии около 200 тыс. человек приговор над 14 военными преступниками был приведен в исполнение.

Суды в Беларуси над военными преступниками положили начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества.

Открытые судебные процессы над военными преступниками, совершившими преступления в 1941–1944 гг. на территории БССР, состоялись кроме Минска, в Бобруйске, Витебске и Гомеле. На них первоначально намечалось предать суду военного трибунала 44 военнопленных, из них в Бобруйске – 22, Витебске – 9, Гомеле – 13 [4, с. 135]. Однако в процессе следствия численность обвиняемых была доведена до 47 человек. В Бобруйске перед судом предстал 21 обвиняемый, в Витебске – 10, в Гомеле – 16 преступников. В их числе было 11 генералов, два полковника, пять подполковников, четыре майора, шесть капитанов, шесть обер-лейтенантов, один лейтенант, три унтер-офицера, пять обер-ефрейторов, один ефрейтор и фельдфебеля [4, с. 135].

Таким образом, открытые судебные процессы над военными преступниками, прошедшие в Беларуси возможно рассматривать как продолжение Нюрнбергского процесса, на локальном уровне. Юридически-правовая основа этих процессов опиралась на внутреннее право СССР-БССР, а также соответствовала нормам международного права в наказании военных преступников за совершенные ими преступления.

Список цитированных источников

1. Хорьков, В. Нацистская война на уничтожение в советских дипломатических документах / В. Хорьков // Война на уничтожение. Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы : материалы междунар. науч. конф., Москва, 26–28 апр. 2010 г. / Фонд «Историческая память» ; сост. А. Р. Дюков, О. Е. Орленко [и др.]. – М. : Фонд «Историческая память», 2010. – С. 408–409.

2. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы / сост. : А. Орлов [и др.] ; под ред. П. А. Жилина. – М. : Воениздат, 1987. – 350 с.

3. О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и из пособников [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апр. 1943 г. № 39 // Libusrr.ru. – Режим доступа: http://libusrr.ru/doc_ussr/ussr_4421.htm. – Дата доступа: 12.10.2022.

4. Шарков, А. В. Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси: 1944–1951 гг. / А. В. Шарков. – Минск : Тесей, 2003. – 168 с.

5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. документов / М-во иностр. дел СССР. – М. : Политиздат, 1978–1984. – Т. 1 : Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 окт. 1943 г.). – М. : Политиздат, 1978. – 422 с.

6. Шарков, А. Генералы вермахта в плену / А. Шарков // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 1. – С. 11.

7. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.] ; под ред. Г. Д. Княтько. – Минск : НАРБ, 2003. – 293 с.

8. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января – января 1946 г.). – Минск, 2010. – 420 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: НЕЛЬЗЯ ДОПУСКАТЬ ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ИСТОРИИ

Грибунов О. П.

Российская Федерация, г. Иркутск
Байкальский государственный университет,
первый проректор – проректор по научной работе,
доктор юридических наук, профессор

Историко-правовое осмысление и общественно-политическая значимость Нюрнбергского процесса, рассматривающего сложнейшие по характеру, «карательные» преступные деяния, безусловно, является и всегда будет являться объектом пристального внимания.

После разгрома фашистской Германии странами-победительницами (СССР, Великобританией, США, Францией) было принято решение о создании международного военного трибунала и его Устава («Лондонское соглашение») как непосредственная реакция на преступления нацистов, что стало новой вехой в развитии международного права. Во всем мире данное решение вызвало одобрительный оклик.

Впервые в мировой истории с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в международном военном трибунале произошел судебный процесс такого масштаба. На скамье подсудимых находились нацистские преступники, виновные в подготовке, развязывании и ведении кровопролитных войн, истреблении миллионов невинных людей самыми антигуманными и страшными методами. Их преступная деятельность (и их соратников), вышедшая далеко за пределы одного государства, привела к неслыханным по своей тяжести последствиям: многомиллионным человеческим жертвам и страданиям людей, в связи с убийствами, истязаниями и жестоким обращением с гражданским населением и военнопленными, разрушениям десятков тысяч больших и малых городов, сел и деревень, причинению неисчислимого ущерба промышленности, сельскому хозяйству, транспорту и культурным ценностям многих стран и народов и др. [1, с. 185].

Входившие в высшее руководство Третьего рейха (в период нацистского владычества) 24 главных военных преступника (высшие должностные лица государства-агрессора, а также ответственные чиновники различных правительственных ведомств) предстали перед судом по следующим пунктам обвинения: преступления против мира, преступления против человечности, военные преступления и общий план или заговор нацистской партии. Стоит отметить, что обвиняемые пользовались правом на защиту (услугами 27 адвокатов, которым помогали 54 ассистента и 67 секретарей. Им были предоставлены отдельная комната для работы и библиотека). Также был рассмотрен вопрос о признании преступными

ряда государственных и политических институтов (НСДАП, СС, СД, СА, Гестапо и др.)

Обвинение было предъявлено в результате слаженной работы команды государственных обвинителей четырех указанных выше великих держав. Однако, основную системообразующую роль в этой работе, без преувеличения, следует отдать главному обвинителю от СССР, профессионалу с большой буквы – Руденко Роману Андреевичу, занимавшего на тот период времени пост прокурора Украинской ССР [2] и проделавшего перед этим лично, а также при непосредственном участии отдельных работников прокуратур Союза ССР (в том числе его заместителя Ю. В. Покровского и помощников) огромные по своим масштабам, кропотливые мероприятия по разоблачению нацистских захватчиков и установлению всех фактов их преступной деятельности. Превосходный оратор, высококвалифицированный прокурор, главным оружием которого были неопровержимые факты, железная логика, четкая аргументация и принципиальность, блестяще справился со своей задачей по законному и обоснованному предъявлению фашистским преступникам обвинения.

1 октября 1946 г. Нюрнбергский военный трибунал, в ходе которого проведено 403 открытых слушания и изучено более 100 тысяч документов, вынес приговор главным немецким военным преступникам, виновным в развязывании Второй мировой войны и чудовищных преступлениях против мира и человечества. 12 из них были приговорены к смертной казни через повешение, трое – к пожизненному заключению и четыре преступника – к тюремному заключению на длительные сроки [3]. Помимо этого, трибунал признал преступной деятельность организаций – руководящего состава национал-социалистической партии, гестапо и СД, СС, за исключением сугубо технического персонала преступных структур. Правительственный кабинет, СА и верховное командование вооруженных сил преступными не признали.

Критики считают, что такие суды (Нюрнбергский и Токийский) не могут быть беспристрастными и справедливыми, поскольку не расследуются совершенные во время войны преступления победителей. К тому же судьи ориентированы на правоту победителей [4, с. 51].

Уроки Нюрнберга носят процессуальные и исторически значимые аспекты. Они послужат на многие столетия предостережением для тех, кто игнорирует общечеловеческие ценности, относящиеся к правам и основным свободам человека, кто покушается на незыблемые основы международного права – права на мирное и безопасное развитие всех наций и народов.

Однако, важно отметить и то обстоятельство, что в последние годы (и не только в последние) в некоторых западных странах наблюдается тенденция, когда отдельные политические силы стремятся пересмотреть результаты Второй мировой и Великой Отечественной войн, пре-

уменьшить заслуги СССР, сыгравшей ведущую роль в разгроме фашистской Германии, а в отдельных случаях вообще оправдать зверские деяния гитлеровского режима и его карательных институтов.

Так, например, авторитетный американский правозащитник – Арье Найер, в своей известной книге (Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие), излагая множество проблем, связанных с военными преступлениями и преступлениями против человечности, замалчивает о важнейшей роли Советского Союза в создании международного военного трибунала. Он указывает, что незадолго до завершения Второй мировой войны за создание международного судебного органа по преследованию и наказанию главных военных преступников начали ратовать американцы, спустя месяц согласились англичане и решение было принято [4, с. 51]. При этом, по справедливому уточнению председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина, необходимо помнить, что именно Союз Советских Социалистических Республик настоял на такой – цивилизованной – форме привлечения нацистов к ответственности. А бывший глава правительства СССР Иосиф Сталин еще в начале войны предложил юридическую процедуру наказания военных преступников. Наши соотечественники внесли огромный вклад в то, чтобы процесс прошел в рамках правового поля, в соответствии с международными базовыми принципами [5, с. 5].

На сегодняшний день отрицание геноцида распространено более широко, чем когда-либо, и продолжает создавать серьезные проблемы для развития современного общества и государства, особенно четко это прослеживается в странах Балтии и Западной Европы. Посредством отказа и отрицания исторических фактов и обстоятельств, связанных с совершением геноцида, отрицание может способствовать культивированию ненависти, социальной нестабильности, угрозам или даже повторению злодеяний.

Фальсификация итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн в рамках информационной борьбы против России ведется активно и непрерывно, появилась масса источников, в том числе публикаций, грубо искажающих историческую реальность, а также «дурно пахнущие «показательные» акции «на пленере»» [6, с. 18]. Как указывает Н. С. Лебедева, отдельные авторы вообще переходят все грани, указывая будто бы СССР выступал за массовые казни носителей гитлеровского режима (германской государственности) [7, с. 75]. Кроме того, агрессивный дух нацистроительства проявляется в позорной войне с памятниками героями Великой Отечественной войны (демонтаже мемориалов памяти погибших), которая идет от Эстонии до Кавказских гор и глубин Центральной Азии [6, с. 18], в Узбекистане, Польше, Латвии и др., а на Западной Украине совсем недавно вообще за сутки снесли

несколько памятников (монументов) героям Великой Отечественной войны [8].

Стремление обелить фашистский режим и снять с себя вину началось с самого начала Нюрнбергского процесса [10]. Делаются безуспешные попытки героизации вождей Третьего рейха и очернения советских военачальников. В этой связи, не стоит забывать, что некоторые нацисты стали востребованы и оказались в штате западных спецслужб [9, с. 54]. Совершенно дикими видятся чествования и рукоплескания бывшим нацистам, о чем было прокомментировано Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 13 октября 2023 г. в ходе выступления в Бишкеке на заседании Совета глав государств СНГ. «Для всех нас, я это знаю, просто дико было видеть эту ужасную ситуацию в парламенте Канады, когда все вместе встали и рукоплескали бывшему нацисту, солдату дивизии СС «Галичина», это просто отвратительно», – сказал он [11].

Подводя определенные итоги, отметим крайне актуальные ответственные слова главы МИД России Сергея Лаврова, на прошедшей международной конференции «70 лет Нюрнбергскому процессу и уроки истории». Он сказал, что «к сожалению, прививка от нацистского вируса, сделанная на Нюрнбергском трибунале, постепенно начинает ослабевать. Открыто ведется пропаганда нацистских идей и ценностей. Предпринимаются циничные попытки уравнивать жертв и палачей, возвести в ранг героев нацистов и их приспешников. Все это оскорбляет память миллионов жертв, серьезно угрожает фундаментальным принципам демократии и прав человека» [12].

Поэтому мы должны предпринять все усилия чтобы правда о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн победила откровенную ложь, была доведена до несведущих лиц и вечно передавалась подрастающему поколению.

Список цитированных источников

1. Валеев, Р. М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р. М. Валеев, И. П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.

2. Органы прокуратуры во время ВОВ [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/veterans-rights/wow>. – Дата доступа: 21.10.2023.

3. Наумов, А. В. Нюрнбергский процесс: история и современность / А. В. Наумов // Российская юстиция. – 2006. – № 9, 10. – С. 53–57.

4. Найер, А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие / А. Найер ; пер. с англ. – М. : Юристъ, 2000. – 368 с.

5. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс / А. Г. Звягинцев. – М. : РИПОЛ классик, 2023. – 160 с.

6. Молчанов, А. Уроки Нюрнберга / А. Молчанов // Свободная мысль. – 2011. – № 4 (1623). – С. 5–20.

7. Лебедева, Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор / Н. С. Лебедева // Вестн. МГИМО ун-та. – 2010. – № 6 (15). – С. 75–92.

8. Несколько памятников героям ВОВ снесли на Западной Украине за сутки [Электронный ресурс] // Известия. – Режим доступа: <https://iz.ru/1528472/2023-06-14/neskolko-pamiatnikov-geroiam-vov-snesli-na-zapadnoi-ukraine-za-sutki>. – Дата доступа: 21.10.2023.

9. Прохоров, В. Л. Нюрнбергский процесс и итоги Великой Отечественной, Второй мировой войн: фальсификации и уроки социальной истории (аспекты методологии, историографии) / В. Л. Прохоров // Ученые записки Рос. гос. соц. ун-та. – 2011. – № 3. – С. 48–61.

10. Кто и зачем пытается переписать уроки Нюрнбергского процесса [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/06/24/process.html>. – Дата доступа: 21.10.2023.

11. Путин: Дико было смотреть, когда в парламенте Канады рукоплескали нацисту [Электронный ресурс] // Российская газета. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/10/13/putin-diko-bylo-smotret-kogda-v-parlamente-kanady-rukopleskali-nacistu.html>. – Дата доступа: 21.10.2023.

12. 70 лет Нюрнбергскому процессу и уроки истории. Международная конференция «70 лет Нюрнбергскому процессу и уроки истории». // Iatr. – Режим доступа: <http://interatr.org/ru/projects/konferentsii-i-seminary>. – Дата доступа: 21.10.2023.

МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Искевич И. С.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет,
заведующий кафедрой международного права,
кандидат юридических наук, доцент

Инякин В. Г.

Российская Федерация, г. Тамбов
Тамбовский государственный
технический университет,

Международный военный трибунал над преступниками фашистской Германии был сформирован во время Лондонской конференции, проходившей с 26 июня по 8 августа 1945 г. 29 августа был обнародован первый список военных преступников, в который вошли 24 человека, – те самые, которые через три месяца вошли в качестве обвиняемых в «Зал 600» Дворца юстиции в Нюрнберге. Он проходил с участием СССР,

США, Великобритании и Франции, и эти стороны подписали некоторые соглашения. Документ содержал семь статей:

1. Трибунал будет проходить над Германией.
2. Для трибунала отдельно создаются организации, юрисдикция и функции.
3. Каждая из стран обязуется предоставить трибуналу всех важных военных пленников Германии.
4. Эти соглашения не отменяют Московскую Декларацию 1943 г. (по этой декларации всех военных преступников нужно вернуть в те населенные пункты, где они совершали преступления, и там их судить)
5. Любой участник ООН может присоединиться к обвинению.
6. Соглашение не отменяет созданные суды и те, которые будут созданы в будущем.
7. Соглашение действует один год с момента подписания сторонами.

На этой основе был создан первый и ключевой из серии судебных процессов над рядом военных преступников нацистской Германии. Обвинение строилось на том, что все участники национал-социалистической партии, были в заговоре с целью захвата власти, осознавая все последствия. Партия контролировала всю немецкую общественность. То есть обвинения касаются установления тотального контроля над всеми сферами жизни, с помощью которого стала возможна военная агрессия.

Эти преступления связаны с развязыванием войн:

- 1 сентября 1939 г. – против Польши;
- 3 сентября 1939 г. – против Франции и Великобритании;
- 9 апреля 1940 г. – против Дании и Норвегии;
- 10 мая 1940 г. – против стран Бенилюкса;
- 6 апреля 1941 г. – против Греции и Югославии;
- 22 апреля 1941 г. – против СССР;
- 11 декабря 1941 г. – против США.

Фашисты убивали и жестоко обращались с мирным населением, брали в плен и дальнейшее рабство миллионы людей, убийства военнопленных и заложников, расхищали частную и общественную собственность, бесцельные разрушения, которые не были обусловлены военной необходимостью. Руководство Германии было обвинено по всем этим пунктам.

Одним из ключевых аспектов Нюрнбергского процесса было установление принципа, что индивидуальные лица несут ответственность за свои действия, даже если они действовали по указанию высших властей. Это был важный момент в истории международного права, поскольку ранее ответственность за военные преступления и преступления против человечности обычно возлагалась на государства, а не на отдельных лиц.

По итогам Нюрнбергского трибунала был вынесен приговор 20 людям, 11 из которых будут повешены, шесть отправятся в тюрьму и три будут оправданы.

Казнь приговоренных поставила точку в работе Нюрнбергского трибунала, но не в судебных делах против других нацистских преступников. В течение следующих трех лет Нюрнбергский военный трибунал, созданный военным командованием США (в нем участвовали только американские судьи и прокуроры), провел еще 12 процессов против нацистских врачей, членов айнзатцгрупп – подразделений, отвечавших за уничтожение евреев и всех противников нацистского режима на оккупированных территориях, германских промышленников и членов военного командования и так далее. В итоге этих слушаний 24 человека были приговорены к смертной казни, 118 – к тюремному заключению, а 35 подсудимых – оправданы.

Нюрнбергский процесс стал прецедентом для будущих судебных разбирательств: Нюрнбергский процесс стал прецедентом для судебных разбирательств, касающихся преступлений против человечности и военных преступлений. Этот опыт послужил основой для расследования и судебного преследования преступлений в рамках международных конфликтов и геноцидов.

Благодаря данному процессу впервые в истории человечества и мировой юриспруденции будет документально закреплена, что: «война по самому своему существу – зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими сторонами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера – оно является тягчайшим международным преступлением» [1, с. 31].

Нюрнбергский процесс послужил зарождению нового правопорядка в мире, заложил основу правовой цивилизации – права и свободы личности, признал впервые в мировой истории агрессию тягчайшим преступлением. Он определил новые виды международных преступлений, которые закрепились в международное и национальное право многих стран, а также послужил созданию новой специальной отрасли международного права – международного уголовного права.

Очевидна и политическая значимость Нюрнбергского процесса – начало демилитаризации и денацификации Германии. Чтобы искоренить фашизм, Берлин и территории страны были разделены, а административную власть осуществляли победившие государства, которым была присвоенная определенная часть.

Нюрнберг придал активность развитию международных отношений, то есть начался процесс международного сотрудничества в различных сферах жизни, а также подвел и юридически закрепил итоги Второй Мировой войны.

Нюрнбергский процесс предупреждает о неотвратимых последствиях тех, кто собирается занять мировое господство с помощью развязывания новых войн в мире.

Таким образом, Нюрнбергский процесс оставил непередаваемый след в мировой истории и в судебной практике, утверждая принципы справедливости, прав человека и мира, которые считаются фундаментальными для современного международного порядка.

Список цитированных источников

1. Бланк, А. С. Неонацизм-реваншизм. Мифы «психологической войны» / А. С. Бланк // Глава VIII. «Акт мести» или «произвол победителей». – М. : Мысль, 1985. – С. 31.

ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ СФЕРА БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ

Корсак А. И.

Республика Беларусь, г. Полоцк
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой,
заведующий кафедрой истории
и туризма гуманитарного факультета,
кандидат исторических наук, доцент

Военно-мемориальная сфера Беларуси в современных реалиях имеет особую важность и сложность, особенно в контексте трагических событий Второй мировой и Великой Отечественной войн, которые значительно повлияли на страну и её население.

Отправной точкой в изучении военно-мемориальной проблематики служит определение базовых категорий.

Символическая политика представляет собой инструмент, основанный на использовании символов и коммуникации, который помогает политикам управлять общественным мнением и тем самым овладевать публичным пространством.

Одной из составляющих частей символической политики является *историческая политика*, которая представляется нам как сложная и комплексная система, образующая особую конфигурацию методов и подразумевающая использование государственных административных и финансовых ресурсов.

В свою очередь одним из наиболее эффективных инструментов исторической политики выступает *политика памяти*, которая основана

вается на создании определённого национального и идентификационного нравственно-этического кодекса, включающего в себя выборочное восприятие и интерпретацию прошлых событий, персон и символов. В этом контексте важным представляется военно-мемориальное направление.

Полученный опыт и знания в данном направлении позволяют автору дать определение понятию «военно-мемориальная сфера», под которой понимается область деятельности государственных структур и общественных организаций по увековечению памяти погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, а также по обеспечению сохранности воинских захоронений и мест массовых уничтожений периода Великой Отечественной войны.

Исходя из выше изложенного важным элементом военно-мемориальной сферы являются воинские захоронения и места массовых уничтожений жертв нацистской политики геноцида, которые в последнее время стали объектами разрушения и вандализма, во многом «санкционированного» политическими элитами некоторых государств. Тем самым став инструментом в проведении их политики памяти событий Второй мировой войны. Согласно опубликованным данным рекордсменом в этом направлении является Польша – «из 561 памятника воинам Красной Армии вне мест захоронения, что были в стране на 1997 год, сейчас (на момент 2022 года – А.К.) осталось лишь около сотни» [1].

Нельзя не согласиться с мнением главы Администрации Президента Беларуси И. Сергеевко: «То, что происходит на территории европейских стран, когда сносят памятники советским воинам-освободителям, которые отдали свои жизни... Только в Польше погибли 600 тыс. наших солдат и офицеров, которые освобождали эту страну. Я уже не говорю, какие серьезные жертвы были в Германии при взятии Берлина. И вот то, что сегодня (24 апреля 2022 г. – А. К.) происходит, вызывает лично у меня чувство негодования, злости. Как к этому можно относиться? Когда все 80 лет все это поддерживали, с этим олицетворяли подвиг советского солдата, освобождение Европы от коричневой чумы. Сегодня историю поворачивают вспять» [2].

Методы контент-анализа и математической статистики применительно к данным интернет-статей официальных СМИ [1–5] о случаях сноса и вандализма в отношении памятников, в том числе и на воинских советских захоронениях, периода Великой Отечественной войны на территории Болгарии, Германии, Греции, Латвии, Литвы, Польши, Румынии, Словакии, Украины, Чехии и Эстонии, позволяют сформировать следующую картину¹.

¹ Здесь и далее выборка осуществлена автором.

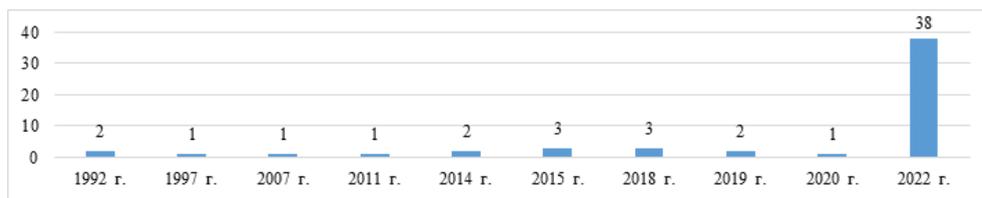

Диаграмма 1 – Количество уничтоженных и оскверненных памятников Великой Отечественной войны на территории Европы по данным 2022 года

Исходя из представленных выше данных можно говорить о том, что процесс «борьбы с памятниками» в анализируемых государствах был начат еще в 1992 году, рост приходится на 2014–2018 гг., самый пик – 2022 год. Безусловно, факты сноса и вандализма в отношении к монументам Великой Отечественной войны можно соотнести с событиями на геополитическом уровне, связанными с взаимоотношениями Украины и Российской Федерации.

Если рассматривать количественные показатели по годам в разрезе государств, то абсолютное большинство приходится на Польшу – 14 фактов, Украина – 11, Литва – 10, далее Латвия и Эстония представлена четырьмя случаями и т. д.

Но количественные данные не показывают инициаторов и преследуемые ими цели. Так, на акты вандализма из 54 выявленных в ходе исследования случаев приходится 21 факт, что составляет 39 %. В остальных случаях: 46 % – это санкционированный органами власти государственного или местного уровней снос памятников; 13 % – это демонтированные памятники по причине их аварийности и т. д.; 2 % – это перенос монументов из центральных частей городов за пределы городской черты или кладбища с имеющимися воинскими захоронениями.

В ранг государственной политики процесс сноса или сноса под видом демонтажа мемориалов включая и памятники на воинских кладбищах и братских могилах советских воинов, возведен в Прибалтийских странах, Польше и Украине.

Политика памяти прибалтийских элит относительно советских памятников во многом зависит от степени конструктивности отношений с Россией, которые сейчас находятся на самом низком уровне за всю постсоветскую историю, можно предположить, что правовая основа, определяющая статус советских мемориальных объектов в странах Балтии, в скором времени будет пересмотрена, а большинство памятников – демонтировано [6, с. 140].

Согласно мнению исследователей Балтийского федерального университета им. И. Канта, что «до 2014 года на Украине националистическая интерпретация прошлого, в основе которой лежит идея о необходимости «очищения» страны от советских культурных символов, была лишь одним из дискурсов, исходивших прежде всего от западно-украинской элиты. После 2014 г. этот дискурс превратился в домини-

рующий, всецело разделяемый государственной властью, а с 2022 года он окончательно стал основой официальной исторической концепции Украины, реализацией которой занимается Институт национальной памяти. В Польше нарратив об избавлении мемориального ландшафта от советского наследия составляет часть проводимой правящей партией ПиС (Право и справедливость – А. К.) исторической политики, продвижение которой также осуществляется силами Института национальной памяти» [7, с. 157].

При этом следует отметить, что между Российской Федерацией, которая осуществляет нормативно-правовое обеспечение воинских захоронений советских солдат периода Великой Отечественной войны и уход за ними, и государствами Западной и Восточной Европы подписано более 15 соглашений о статусе захоронений воинов Красной армии, в том числе и советских военнопленных [8].

Выше приведенная информация дает нам понимание в каких реалиях осуществляется историческая политика Республики Беларусь в военно-мемориальной сфере, направленной на сохранение военно-исторического наследия, пропаганду героизма воинов Красной армии и участников Сопrotивления, трагедии белорусского народа периода нацистской оккупации, а также формирование патриотического сознания у граждан на примере подвига народа Беларуси в годы Великой Отечественной войны. На внешнеполитическом контуре деятельность государственных органов власти и общественных организаций Беларуси, осуществляющих поисковые формы работы, реализуется в рамках международного сотрудничества, под которым понимается «работа по обеспечению сохранности воинских захоронений и другие мероприятия, проводимые в соответствии с международными договорами совместно с представителями уполномоченных государственных органов иностранных государств» [9].

Таким образом, история и политика памяти могут способствовать консолидации народа и национальному развитию, если они основываются на объективных и достоверных фактах, фокусируются на уважении к разным историческим периодам и народам, и способствуют формированию гражданской идентичности. Однако, важно помнить, что правда и объективность должны быть основой для правильного исторического понимания и справедливости.

Список цитированных источников

1. Гамаюн, Е. «Вырвали звезды на могилах»: составлен список снесенных в Европе советских памятников [Электронный ресурс] / Е. Гамаюн, А. Яшлавский // Московский комсомолец. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2022/08/16/vyrvali-zvezdy-na-mogilakh-sostavlen-spisok-snesennykh-v-evrope-sovetskikh-pamyatnikov.html>. – Дата доступа: 09.11.2023.

2. Почему в Европе и на Украине сносят памятники, посвященные Великой Отечественной войне? [Электронный ресурс] // ОНТ. Контуры. – Режим

доступа: <https://ont.by/news/pochemu-v-evrope-i-na-ukraine-snosyat-pamyatniki-posvyashennye-velikoj-otechestvennoj-vojne>. – Дата доступа: 09.11.2023.

3. Гришин, А. Хроника ненависти: Европа объявила войну против памятников советским воинам [Электронный ресурс] / А. Гришин // Комсомольская правда. – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/27395.5/4590835>. – Дата доступа: 09.11.2023.

4. Зачем в Европе сносят памятники воинам Красной армии и уничтожают историю [Электронный ресурс] // БТ. Проект «По форме». – Режим доступа: https://www.tvr.by/news/v_mire/zachem_v_evrope_snosyat_pamyatniki_voinam_krasnoy_armii_i_unichtozhayut_istoriyu_otvety_v_proekte_po. – Дата доступа: 09.11.2023.

5. Пронин, А. Война с памятниками. Хроника вандализма [Электронный ресурс] / А. Пронин // Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом. – Режим доступа: <https://pravfond.ru/press-tsentr/stati/voyna-s-pamyatnikami-khronika-vandalizma>. – Дата доступа: 09.11.2023.

6. Мегем, М.Е. Снести нельзя оставить: ключевые тенденции политики памяти стран Балтии в отношении советских памятников в местах массового насилия / М. Е. Мегем // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 128–145.

7. Филёв, М.В. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и в Польше после 2014 года / М. В. Филёв, А. А. Курганский // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 146–161.

8. Межправительственные соглашения о воинских захоронениях [Электронный ресурс] // Департамент Мин-ва обороны Рос. Федерации по увековечению памяти погибших при защите Отечества. – Режим доступа: <https://mil.ru/commemoration/foreign/agreements.htm>. – Дата доступа: 09.11.2023.

9. Соглашение об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств – участников Содружества Независимых Государств в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Электронный ресурс] : [заключено в г. Душанбе 3 сент. 2011 г.] // Pravo.by. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N01100076>. – Дата доступа: 09.11.2023.

МЕСЦЫ МАСАВАГА ЗНІШЧЭННЯ НАЦЫСТАМІ МІРНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА І ВАЕННАПАЛОННЫХ НА АКУПІРАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ МІНСКА І МІНСКАГА РАЁНА (1941–1944)

Крыварот А. А.

Рэспубліка Беларусь, Мінск,
Інстытут гісторыі НАН Беларусі,
вядучы навуковы супрацоўнік,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт

На Нюрнбергскім працэсе, які праводзіўся з 20 лістапада 1945 г. па 1 кастрычніка 1946 г., разгляджана больш за 5 тысяч дакументальных доказаў аб злачынствах нямецка-фашысцкіх захопнікаў, у тым ліку тых,

якія датычыліся дзеянняў нацыстаў на акупіраванай тэрыторыі Беларускай ССР.

Сведчаннем генацыду беларускага народа ў гады нямецкай акупацыі з'яўляюцца дакументальныя матэрыялы, якія ўтрымліваюцца ў актах Мінскай абласной камісіі садзеяння рабоце Надзвычайнай Дзяржаўнай Камісіі па расследаванні і ўстанаўленні злачынстваў нямецка-фашысцкіх акупантаў у Мінску і Мінскай вобласці.

У фондзе 1569, воп. 1, спр 115 змешчана 58 дакументаў па г. Мінску, у тым ліку заявы, акты, пратаколы апазнання, апытанні, планы месцаў масавага забойства людзей, заключэнні і інш. Шэраг дакументаў былі складзены ў пачатку дваццатых чысел ліпеня 1944 г., што сведчыць аб пачатку працы камісіі практычна адразу, як была ліквідавана пагроза для сталіцы БССР з боку акружанай на ўсходзе ад горада 105-тысячнай групоўкі немцаў.

Некаторыя дакументы справы ўтрымліваюць тыя доказы, якія потым будуць агучаны на Нюрнбергскім працэсе. Першы дакумент у справе – заключэнне – утрымлівае сведчанні ад злачынствах, якія былі ўчынены ў канцэнтрацыйным лагеры «СС» на вуліцы Шырокай плошчай 60500 квадратных метраў. Людзі ўтрымліваліся ў двух бараках (былых канюшнях), разлічаных на 1000 чалавек, а нацысты зганялі ў гэтыя памяшканні да 4000. Тут былі мірныя савецкія грамадзяне, у большасці сваёй жанчыны, дзеці, старыя. Забойства савецкіх людзей нацысты праводзілі шляхам масавых расстрэлаў і ў «душагубках». За самую малую правіну людзей збівалі да страты прытомнасці. Ад голаду зняволеныя пухлі і паміралі, а хворыя на тыф і іншыя хваробы падлягалі знішчэнню. Устаноўлена, што гітлераўскімі палачамі толькі за перыяд з 21.08.1943 да 30.06.1944 было закатавана каля 9000–10 000 чалавек [1, л. 2–4].

У акце камісіі на чале з намеснікам наркама аховы здароўя БССР Я. А. Воднева ўтрымліваюцца сведчанні аб жахлівых адносінах нямецка-фашысцкіх акупантаў да савецкіх ваеннапалонных у лагеры Шталаг 352, які яшчэ названы «лясным лагерам». Тут падчас акупацыі здзяйснялася масавае знішчэнне савецкіх людзей. У дакуменце ўказана месца размяшчэння лагера – тэрыторыя былога ваеннага гарадка за 5 кіламетраў ад Мінска каля чыгункі Мінск – Маладзечна непадалёку ад вёскі Масюкоўшчына. Шмат хто з вязняў быў перамешчаны сюды з лагера ваеннапалонных, які знаходзіўся ў Мінску на тэрыторыі сельскагаспадарчай выстаўкі. Камісія адначыла, што савецкія ваеннапалонныя знішчаліся шляхам устанаўлення нацыстамі катаржнага рэжыму і нечалавечых умоў існавання, а таксама голадам і хваробамі. Па сведчанні былога вязня лагера Воранава Рыгора Аляксеевіча, ваеннапалонных сагналі ў два баракі, які нацысты назвалі №№ 21 і 22. З-за холаду, жахлівага бруду, смуроду і цемры ваеннапалонныя з барака № 22 перабраліся ў барак № 21, дзе скапіліся 6500 чалавек і меліся 3-ярусныя нары, аднак там не маглі ўсе размясціцца. Савецкія ваеннапалонныя былі вымушаны

падвешваць плашчнакідкі і дошкі на кроквы пад столлю, тым самым рызыкавалі ў любы момант сарвацца і разбіцца насмерць. Аб жахлівых умовах утрымання ваеннапалонных сведчаць таксама наступныя факты: людзі месяцамі не мыліся, а каб наталіць смагу былі вымушаны збіраць брудны снег. У сваім акце камісія канстатавала, што толькі за лістапад і снежань у лагеры памерла 25 000 чалавек. Усяго ў лагеры было закатавана 55 000 ваеннапалонных [1, л. 43–47, 58].

Месцамі масавага забойства савецкіх людзей былі таксама ваколіцы Масюкоўшчыны і сельскагаспадарчай выстаўкі. Так за паўтара кіламетра на паўночны-захад ад Шталага 352 каля былога хутара Петрашкевіча камісіяй выяўлена восем ям аднолькавага памеру – даўжынёй 21 м, шырынёй 8 м, глыбінёй 3 м. Камісіяй устаноўлена, што сюды з восені 1941 г. гітлераўскія акупанты зганялі партыямі па 500–600 чалавек мірных людзей, у тым ліку многа жанчын, дзяцей і старых для наступных расстрэлаў. Каб схаваць сляды сваіх злачынстваў, вясной 1944 г. акупанты сталі раскопваць ямы і спальваць трупы. Камісія ўстанавіла, што каля хутара Петрашкевіча нацыстамі было забітва 54 000 мірных савецкіх людзей [1, л. 47–48, 58]. Непадалёку ад лагера ваеннапалонных, які знаходзіўся на тэрыторыі сельскагаспадарчай выстаўкі, на тэрыторыі парка была выяўлена 41 яма, у якія нямецка-фашысцкія акупанты, па паказаннях сведкаў, закапалі 10 000 савецкіх ваеннапалонных [1, л. 47].

Усяго ў лагеры Шталаг 352, у лагеры ваеннапалонных на тэрыторыі сельскагаспадарчай выстаўкі і яго ваколіцах нацысты закатавалі 119 тысяч савецкіх людзей [1, л. 48].

Месцам масавых расстрэлаў гітлераўцамі савецкіх людзей з ліпеня 1941 г. быў 9 кіламетр шашы Мінск – Масква злева ад магістралі ў напрамку ўрочышча «Карніч-Балота», вёскі Капішча-2-е Мінскага раёна. Тут немцы да пачатку 1944 г. расстралялі і закапалі ў 10 ям 57 418 чалавек. Па паказаннях сведкаў у пачатку 1944 г. нямецка-фашысцкія акупанты раскопвалі магілы, а трупы спальвалі на кастрах. Затым попел нацысты рассыпалі па полі, каб схаваць сляды сваіх злачынстваў [1, л. 65–77].

У адным з дакументаў па раследаванні злачынстваў германскіх акупантаў падчас акупацыі Мінска і Мінскага раёна ўказвалася. Што ў першых чыслах ліпеня 1941 г. у паўночнай частцы г. Мінска ў раёне саўгаса імя Крупскай, вёскі Дразды немцы арганізавалі канцэнтрацыйны лагер, куды зганялі савецкіх людзей. Лагер меў часовы характар. У дакуменце адзначана, што 28 чэрвеня 1941 г. пад пагрозай расстрэлу цемцамі была сабрана вялікая колькасць жыхароў Мінска ад 16 да 50 гадоў і канваіравана ў лагер. Людзей 12 сутак трымалі на адкрытай мясцовасці пад сонцам пры тэмпературы каля 30 градусаў, без вады і прадуктаў. Пры спробах людзей прабіцца да рэчкі па іх адкрываўся агонь з аўтаматаў. За 10–12 дзён у лагеры загінула да 5 тысяч чалавек. На паўночны захад ад лагера мелася траншэя-канава, якую немцы выкарыстоўвалі для

расстрэлу савецкіх людзей. Пры правядзенні раскопак падчас следства выяўлена аб пахаванні тут да 10 000 чалавек [1, л. 81–82].

Зверскія адносіны акупантаў да савецкіх людзей былі раскрыты ў г. Мінску, калі з Універсітэцкага гарадка вывозілі на Кальварыйскія могілкі трупы, аблітыя кіслатой. Толькі за два дні немцы вывезлі больш за 1000 трупаў. У перыяд акупацыі Мінска нацысты амаль кожны дзень з турмаў горада і 3-й бальніцы вывозілі трупы зверскі замучаных людзей і закопвалі іх у спецыяльна падрыхтаваныя ямы на Кальварыйскіх могілках. Прычым трупы прывозіліся як на вазах, так і ў «душагубках». Выяўлена, што ў перыяд 1941–1944 гг. Гітлераўцы закапалі ў 615 ямах каля 14 000 чалавек [1, л. 84].

Генацыд беларускага народа таксама праяўляўся ў гвалтоўным вывазе пад пагрозай расстрэлу савецкіх людзей на катаржныя работы ў Германію. З гэтай мэтай немцы праводзілі аблавы цэлых кварталаў горада і ў вёсках. Ахвярамі захопу станавілася насельнітва ва ўзросце ад 16 да 50 гадоў. Іх зганялі на перасыльны пункт на вуліцы Правіянскай, а затым канваіравалі на станцыю, на месца пасадкі ў вагоны, і такім чынам адпраўлялі ў Германію. На катаргу ў Германію вывозіліся нават цэлыя сем'і. Па матэрыялах следства ўстаноўлена, што за перыяд акупацыі з Мінска і Мінскай вобласці гвалтоўна на катаржныя работы было вывезена 70 тысяч мірных савецкіх грамадзян [1, л. 120–121].

Адразу пасля акупацыі Мінска немцы разгарнулі пераслед і забойства яўрэйскага насельніцтва. Яўрэям загадалі нашываць жоўтыя латы. У жніўні 1941 г. усё яўрэйскае насельніцтва пад страхам расстрэлу было пераселена ў гета. Масавыя знішчэнне яўрэйскага насельніцтва праводзілася падчас пагромаў. Першы пагром немцы ўчынілі 7 лістапада 1941 г. Паводле дакумента, схопленых людзей трымалі некалькі дзён без ежы, а затым расстралялі на Кальварыйскіх могілках, г.зв. Тучынцы. Загінула па розных звестках ад 12 да 17 тысяч чалавек. Падчас пагрому 20 лістапада 1941 г. было забіта да 10 тысяч чалавек. Падчас пагрому 2 сакавіка 1942 г. на яўрэяў правялі аблаву і захопленых людзей вывозілі за горад і расстрэльвалі. Частка загінула ў гета, частка была вывезена ў бок вёскі Дразды і там была расстраляна, частка была адпраўлена эшалонам у Койданова. Самы масавы пагром адбыўся 28 ліпеня 1942 г., калі было расстраляна каля 30 тысяч чалавек. Чацвёрты пагром працягваўся 4 дні. Людзей забівалі на тэрыторыі гета, а таксама вывозілі ў «душагубках» і крытых машынах у Трасцянец. Прыкладна 30 гузавікоў і 4 «душагубкі» рабілі ў дзень па 5–6 рэйсаў на працягу 4 дзён. У прамежках паміж вялікімі пагромамі праводзіліся лакальныя пагромы і забойствы. Практыкаваліся начныя пагромы, калі блакіраваліся асобныя дамы. Напрыклад, пагром па вуліцы Абуткавая, дом 48 [1, л. 140–141].

Шматлікія звесткі аб масавых забойствах жыхароў Мінска і навакольных вёсак змешчаны ў фондзе 1569, вопіс 1, справа 113. Сярод дакументаў ёсць Акт Мінскай абласной камісіі па расследаванні і ўста-

наўленні злачынстваў нямецка-фашысцкіх акупантаў ад 13 жніўня 1944 г. [2, л. 38–42].

Такім чынам дакументы сведчаць аб тым, што нямецка-фашысцкія акупанты ў перыяд 1941–1944 г. праводзілі масавыя зараней спланаваны генацыд беларускага народа

Спіс крыніц, якія былі выкарыстаны

1. Нацыянальна архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1569. Воп. 1. Спр. 115.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 1569. Воп. 1. Спр. 113.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Кулеш А. В.

Республика Беларусь, г. Минск
Международный университет «МИТСО»,
доцент кафедры международного права,
кандидат исторических наук, доцент

История цивилизации свидетельствует об большом количестве войн и вооруженных конфликтов международного характера, сопровождавшихся многочисленными случаями нарушения обычаев и правил войны и имевших характер преступлений, совершенных участниками военно-боевых действий, которые являлись объектом юридической ответственности.

Впервые попытка создания международной системы ответственности индивидов за нарушение правил войны была предпринята после окончания первой мировой войны, когда была сформирована Союзническая комиссия для установления ответственности военных преступников – данный термин тогда был использован впервые.

В Версальском мирном договоре 1919 г. предлагалось привлечь к ответственности кайзера Вильгельма II и других обвиняемых в военных преступлениях германских граждан, а также создать международный суд и национальные суды для процессов над военными преступлениями всех видов. Данные предложения, как показывает история не были реализованы, так как кайзер эмигрировал в Голландию, которая отказалась его выдавать, а немногочисленные из предполагаемых военных преступников, которые подверглись судебному преследованию, были в рамках так называемых Лейпцигских процессов или оправданы, или получили чисто символическое наказание.

Реальное оформление норм международного права об уголовной ответственности отдельных лиц за нарушение правил войны произошло в ходе и после второй мировой войны. Положения об уголовной ответственности отдельных лиц были сформулированы и закреплены в решениях Московской (1943 г.), Ялтинской (1945 г.) и Потсдамской (1945 г.) международных конференций. В частности, в решениях Потсдамской конференции закреплялось обязательство государств арестовать и предать суду военных преступников и тех, кто участвовал в планировании или осуществлены нацистских мероприятий, повлекших за собой или имевших своим результатом зверства или военные преступления.

Правовые нормы об уголовной ответственности отдельных физических лиц нацистской Германии были сформулированы в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала над главными немецкими военными преступниками. Так, ст. 6 Устава Международного трибунала, прилагаемого к Соглашению между правительствами СССР, США и Великобритании и Временным правительством Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников определенных европейских стран от 8 августа 1945 г. установила: «Следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущие за собой индивидуальную ответственность:

а) преступления против мира, а именно планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

в) военные преступления, а именно нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязание военнопленных или лиц, находящихся в море, убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение не оправданное военной необходимостью и другие преступления;

с) преступления против человечности, а именно убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет» [1, с. 122].

В приговоре Нюрнбергского военного трибунала над главными немецкими военными преступниками был подтвержден принцип индивидуальной уголовной ответственности за совершение агрессии, за нарушение законов и обычаев войны, а также были отвергнуты попытки защиты немецких военных преступников прикрыться доктриной государственного акта и свести дело к ответственности лишь государства как такового.

Приговор Нюрнбергского трибунала по вопросу личной ответственности виновных лиц также постановил: «Давно было уже признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства..., самая сущность Устава заключается в том, что отдельные лица имеют международные обязательства, которые превышают национальный долг повиновения, наложенный отдельным государством. Тот, кто нарушает закон ведения войны, не может оставаться безнаказанным на основании того, что он действует в соответствии с распоряжением государства, если государство давая свою санкцию на подобные действия, выходит за пределы своей компетенции, предоставляемой ему согласно международному праву [1, с. 366].

Нюрнбергский процесс имел существенное значение для дальнейшего развития международного права. Принципы, изложенные в Уставе и приговоре Трибунала, были подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3 (1) от 13 февраля 1946 г. и 95 (1) от 11 декабря 1946 г. и стали общепризнанными принципами международного права.

Свое дальнейшее развитие и закрепление данные принципы нашли в Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. [2, с. 460–463], Женевских конвенциях о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и дополнительных протоколах к ним от 8 июня 1977 г. [3] и других международных договорах.

Из международных договоров, направленных на защиту жертв вооруженных конфликтов и ограничение методов и средств войны, однозначно вытекает, что серьезные нарушения подлежат наказанию. Однако сами по себе эти международно-правовые акты не определяют конкретных мер наказания. Данное обстоятельство предопределило возникновение в конце двадцатого века идеи о создании постоянно действующего международного уголовного суда. Как показывает история последнее десятилетие двадцатого века явилось поистине революционным в области преследования за международные преступления. В первой половине этого периода в рамках ООН было создано два специальных международных трибунала в отношении бывшей Югославии и Руанды, а в июле 1998 года по итогам деятельности Дипломатической конференции полномочных представителей государств-членов ООН был принят Римский Статут Международного Уголовного Суда, который дает современную классификацию преступлений геноцида, преступлений против

человечества, военные преступления и преступления агрессии. Данный Статут содержит также правовые нормы, регулирующие порядок формирования и регламент деятельности данного международного судебного органа [4].

В заключении есть смысл сделать следующие выводы и предложения:

Все цивилизованные суверенные страны-члены ООН обязаны, как это сделала Республика Беларусь в 1999 году, приняв новый Уголовный кодекс [5], ввести в национальное уголовное законодательство правовые нормы Устава Международного Суда, регламентирующие международную уголовную ответственность физических лиц за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, а также активно использовать в образовательном процессе учебных заведений страны историко-правовой материал, касающийся Нюрнбергского процесса.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов : в 7 т. / под общ. ред. Р. А. Руденко. – М. : Госюриздат, 1957–1961. – Т. 7. – 688 с.

2. Права человека : сб. междунар.-прав. док. / сост. В. В. Щербаков. – Минск : Белфранс, 1999. – 1196 с.

3. Женевские конвенции от 12 авг. 1949 г. и доп. протоколы к ним. – М. : Междунар. Комитет Красного Креста, 2003. – 344 с.

4. Римский статут Международного Уголовного Суда : принят 17 июля 1998 г. Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН. – Франкфурт на Майне, Германия : Междунар. общество прав человека, 2000. – 86 с.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 9 марта 2023 г. № 256-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

НЮРНБЕРГСКИЙ ТРИБУНАЛ. БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

Кухарчук Е. И.

Республика Беларусь, г. Минск
Институт пограничной службы
Республики Беларусь,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин

Обвинение выполнило свой долг перед Великим Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед собственной совестью. Да свершится же над фашистскими палачами Суд народов – Суд справедливый и суровый!

А. Руденко

Феномен Нюрнбергского трибунала, несмотря на свою временную отдаленность для нашего современного общества, тем не менее, нисколько не теряет своей социально-политической и исторической значимости. В чем заключается актуальность и значимость этого феномена? В том, что суд над нацистскими преступниками – это не просто одна их вех в мировой цивилизации, а адекватный ответ на беспрецедентные в истории военные преступления против всего человечества.

Символично, что осуждение преступлений государственного масштаба – правящего режима, его карательных институтов, высших политических, военных деятелей состоялся в Нюрнберге, так как потомки-победителей считали это своего рода определенным возмездием, ведь гитлеровским преступникам пришлось познать крах надежд на мировое господство и предстать перед судом в городе, который был для них своеобразной столицей фашистской империи, и в котором нацисты утверждали, что нет иных законов, кроме тех, что установили они сами.

Сегодня, как никогда, наш белорусский народ подвергается идеологическому удару, направленному на разрушение ментальных основ исторического сознания. Цель этих плюралистов – доказать, что никакой Великой Отечественной войны не было, лишить отечественную историю времени ореола великого героического подвига, невиданной доблести, не имевших гуманистического, сакрального смысла его победы над фашизмом, принесший свободу не только советскому народу, но и всей мировой цивилизации.

Но как можно вычеркнуть из нашей истории эти страшные цифры, за которыми стоят миллионы судеб советских граждан?

Напомню, что в годы нацистской оккупации на территории Беларуси истреблено более 3 млн мирных граждан и военнопленных, угнано в немецкое рабство под угрозой смерти более 377 тысяч человек, из кото-

рых многие погибли в результате невыносимых условий труда, лишения и истязаний. Разрушено и сожжено 209 городов, в том числе города Минск, Гомель, Витебск, Полоцк, Орша, Борисов, Слуцк, более 9200 сел и деревень, в том числе 5295 населенных пунктов, в которых нацисты уничтожили вместе со всеми или частью населения [1].

И таких трагических примеров сотни тысяч, но, несмотря на политику «геноцида» в отношении нашего народа, руководство СССР с самого начала Великой Отечественной войны последовательно и настойчиво отстаивало идею проведения именно международного суда над руководителями нацистской Германии средствами юридической процедуры, а не так, как предлагали западные горячие головы – внесудебные расправы. Когда У. Черчилль пытался навязать И. В. Сталину свое мнение как должен проходить судебный процесс, советский руководитель твердо возразил: «Что бы не произошло, на это должно быть соответствующее судебное решение. Иначе люди скажут, что Черчилль, Рузвельт и Сталин просто отомстили своим политическим врагам!» [2].

Подготовка к судебному процессу проходила не один день, сложность которому придавал тот факт, что это был первый случай, когда перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и сделавшие само государство орудием своих чудовищных преступлений.

Конечно, миллионы людей по всему миру тогда хотели видеть на скамье подсудимых виновника трагедии XX века – фюрера Германии А. Гитлера, но он избежал Суда народов, закончив жизнь самоубийством во время штурма Берлина Красной армией. В итоге суду были преданы 24 главных нацистских преступника.

Нюрнбергский процесс был процессом гласным в самом широком смысле этого слова. Из 403 судебных заседаний не было ни одного закрытого. В зал суда было выдано более 60 тыс. пропусков, часть из них получили немцы. Все, что говорилось на суде, тщательно стенографировалось. Стенограммы процесса составили почти 40 томов, содержащих более 20 тыс. страниц. Процесс велся одновременно на четырех языках, в том числе и немецком. Прессу и радио представляли около 250 корреспондентов, которые передавали сообщения о ходе процесса во все уголки земного шара.

30 сентября 1946 г. состоялся судный день – объявление приговора, который звучал однозначно: «Непрекращающееся планирование, имевшее своей целью агрессивную войну, доказано, вне всякого сомнения» [2].

Трибунал приговорил Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Кальтенбруннера, Розенберга, а также семь других преступников к смертной казни через повешение, Гесса, Функа и Редера – к пожизненному заключению, Шираха и Шпеера – к 20, Нейрата – к 15 и Деница – к 10 годам тюремного заключения. Фриче, Папен и Шахт были оправданы. Трибу-

нал объявил руководящий состав национал-социалистской партии, СС, СД и гестапо преступными организациями.

В ночь на 16 октября 1946 г. приговор был приведен в исполнение.

Один из свидетелей казни, писатель Борис Полевой, опубликовал свои воспоминания: «Идя на виселицу, большая часть из них сохраняли присутствие духа. Некоторые вели себя вызывающе, другие смирились со своей судьбой, но были и такие, которые взывали к Божьей милости» [2].

Приговор Трибунала как акт международного правосудия является постоянным предостережением всем тем, кто в различных уголках планеты пытается проводить человеконенавистническую политику, империалистических захватов и агрессии, создавая миру и безопасности народов.

Вчера, сегодня, завтра мы просто обязаны хранить в наших сердцах память о Великой Победе нашего народа над фашизмом!

Прискорбно и тревожно, что нашу историю пытаются переписать!

Сейчас все чаще и чаще приходится видеть, как в некоторых государствах, порой при нескрываемом попустительстве их руководителей, поднимают голову нацизм и фашизм, предаются забвению и очень часто заведомо искажаются итоги Великой Отечественной войны.

Говоря о возрождении чуждой нацизма, к сожалению, мы не можем не говорить о нашей братской стране – Украине, где Главной иконой сторонников экстремистской идеологии является Степан Бандера, организация которого во время Второй мировой войны сотрудничала с немецкими нацистами, поддерживая и участвуя в массовом истреблении поляков и евреев.

Стоит констатировать тот факт, что радикалы являются важной составляющей украинской армии. Один из последних примеров – присвоение президентом Украины отдельной горно-штурмовой бригаде ВСУ наименования «Эдельвейс», аналогичное названию 1-й горнопехотной СС дивизии нацистской Германии.

Отрадно, что белорусское общество считает Великую Отечественную войну важнейшей страницей в истории нашего государства. Память о ней вызывает как горечь об утрате для каждой белорусской семьи, так и гордость за дедов и прадедов, которые героически сражались за свою Родину.

Поэтому, если мы не хотим нового ада на Земле, очередного международного судебного процесса в отношении лиц, которые пытаются возродить нацистскую идеологию, теорию «классового превосходства», необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы правда об этой войне была доведена до несведущих и победила как откровенную ложь, так и умышленное замалчивание.

В противном случае – жуткая машина зла может заработать снова, пожирая нас, наших детей и наше светлое будущее.

Народ, лишенный своей истории, перестает быть народом, нацией, превращается в этнографический материал. Так давайте вместе не допустим этого!

Список цитированных источников

1. Криштапович, Л. Е. Священная война / Л. Е. Криштапович, А. Е. Геращенко. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – 255 с.
2. Звягинцев, А. Г. Нюрнбергский процесс / А. Г. Звягинцев. – М. : РИПОЛ классик, 2022. – 160 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В ГЛАЗАХ ХУДОЖНИКА

Ляцкая К. А.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь

Городниченко А. Н.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
начальник цикла кафедры идеологической работы
и социальных наук

Фотография и картина имеют много общего и в то же время совершенно отличаются друг от друга, оставаясь востребованными и необходимыми инструментами передачи реальности.

Вся история человечества связана с войнами. Долгое время люди полагали, что разрешение межгосударственных конфликтов при помощи силы есть явление столь же обыденное и естественное как явления природы. Участие в войне у всех народов считалось наиболее почетной и публичной деятельностью.

Вторая мировая война – трагический период в истории человечества. Она стала самой масштабной в истории и изменила уклад жизни на всех континентах. Из-за недостаточно жесткой реакции стран на немецкую агрессию мир на шесть лет погрузился в кровопролитные сражения. Война в корне изменила существующий на тот момент мировой порядок. Отголоски ее последствий, ощущаются даже сейчас, спустя почти 100 лет.

Нюрнбергский процесс важный исторический процесс, являющийся итогом борьбы человечества с ненавистным фашизмом.

Его цель – осудить нацизм и поставить его вне закона значило покончить с одной из угроз, которая потенциально могла бы в будущем привести к новой мировой войне.

20 ноября 1945 г. в 10.00 в небольшом германском городке Нюрнберг открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников европейских стран оси Рим – Берлин – Токио. Этот город был выбран неслучайно. Именно там состоялся первый съезд НСДПА, Нюрнберг считался цитаделью фашизма, где проходили важнейшие съезды и парады.

Итоговый приговор процесса, который длился почти год, озвучили 1 октября 1946 г. На скамье подсудимых оказалась почти вся правящая верхушка Третьего рейха – высшие военные и государственные деятели, дипломаты, крупные банкиры и промышленники, 12 из которых назначили смертную казнь через повешение. Г. Геринг (не дожидаясь петли, покончил жизнь самоубийством с помощью цианистого калия), Р. Лей (повесился в камере до начала процесса), Г. Крупп (был признан неизлечимо больным, его дело было приостановлено), М. Борман (судился заочно, т. к. скрылся и не был найден). Однако не было в зале суда, самых главных военных преступников, высокопоставленных главарей нацизма – Гитлера, Геббельса и Гиммлера, которые покончили жизнь самоубийством еще во время штурма Берлина Красной Армией.

У Нюрнбергского процесса было и еще одно название, неофициальное: «процесс шести миллионов слов». Именно столько их прозвучало, перевели синхронисты, услышал и прочел мир. На международном трибунале над фашистскими преступниками работало 315 журналистов, и писателей из тридцати одной страны. За время процесса, созданы тысячи газетных статей и очерков, сделано 25 тысяч фотографий, снято несколько десятков фильмов.

В зал суда были также приглашены различные художники и портретисты, для запечатления моментов того времени, например: советский график Н. Н. Жуков, художники-карикатуристы, рисовавшие Кукрыниксы: Н. А. Соколов, Б. Е. Ефимов, М. В. Куприянов, П. Н. Крылов.

Это было сделано не спроста, потому что художник – это образ жизни и образ мыслей. От картин человек получает душевный отклик больше, чем от простой фотографии. Ведь художник заряжает свою работу эмоциями, чувствами, мыслями, переживаниями.

Портрет – самый антропоцентричный живописный жанр. Внимание художника полностью сосредотачивается на человеке. Смыслом работы живописца становится как минимум отображение на холсте внешности модели, а как максимум – раскрытие души, характера.

Графические портреты, выполненные военными художниками – это не только творческое наследие этих мастеров и произведения искусства, но еще и уникальные исторические документы, которые запечат-

лели сотни, тысячи участников Великой Отечественной войны. Это не парадные портреты на холсте, а часто рисунки карандашом, графические наброски, но от этого они еще более трогательны и пронзительны. Ведь художники «набрасывали» портреты солдат передовых частей и участников партизанских отрядов, куда приезжали в командировки или в составе которых шли дорогами войны. Нарисовали они для истории медперсонал и раненных в госпиталях, тружеников тыла. И все эти люди – чьи-то сыновья и дочери, братья и сестры, земляки и соседи. Это реальные люди, а не «выдуманные обобщенные» образы.

Можно привести стихотворение А. Кешокова [1], который во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии кадровым офицером.

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях его привал.
Наш товарищ на войне когда-то
Нас в часы досуга рисовал.
Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил.
«Нарисуй меня, но честь по чести,
Безбородым, как до фронта был...»
И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.
Ранят иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет,
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.
День настал, погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных.
Нет бойца, а вот рисунок цел.
Он хранится в небольшой тетради –
Эта память друга моего,
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

Живопись может оказывать воздействие на зрителя не только своим непосредственным образным рядом, который может вызвать прямые или косвенные ассоциации. Картина, так или иначе, сохраняя отпечаток души художника, способна вызвать особое психологическое состояние у зрителя, вступить в «резонанс» с его собственными переживаниями, вызывая эстетическую и эмоциональную реакции. Причем, в большинстве случаев, человек не в состоянии объяснить словами,

что же именно тронуло струны его души и вызвало необъяснимую тягу к тому или иному художественному произведению, или же наоборот отвергло.

Цвета, композиция, техника исполнения и сюжет картины – все это влияет на эмоциональный отклик зрителя. Яркие, насыщенные цвета могут вызывать чувство радости и энергии, тогда как темные и пастельные оттенки могут вызывать грусть или меланхолию. Композиция и расположение объектов на картинах также имеют значение. Они могут быть симметричными и упорядоченными, что вызывает ощущение гармонии и стабильности, или же хаотичными и неуравновешенными, что вызывает ощущение неопределенности и растерянности.

«Картины способны вызывать эмоциональную реакцию потому, что могут передавать индивидуальный опыт и чувства художника. Художник, создающий произведение искусства, может использовать свои эмоции и впечатления для передачи определенного состояния или настроения. Зритель в свою очередь может сопереживать и воспринимать эти эмоции, создавая связь с произведением» [2].

Подтверждают это и рисунки Н. Н. Жукова – меткие наблюдения за жизнью. На рисунках проявляются предельно меткие и точные характеристики некоторых участников Нюрнбергского процесса.

Геринг напоминает жабу, раздувшуюся до нелепых размеров.

Папен с метлами бровей и вытянутой челюстью, – напоминает «павиана».

Функ с опущенной головой, которая напоминает перезрелую тыкву с засохшим, одинаково всегда кислым выражением.

Шахт, рот которого напоминает отвисшую пасть старого пса.

Наблюдая защиту, чувствуешь явных сторонников спасения фашизма, активных слуг, выгораживающих подсудимых разными увертками и хитроумными сплетениями адвокатской казуистики.

Зайдель, защитник Гесса и Франка, напоминает мышь.

За 40 дней, которые провел Н. Н. Жуков в Нюрнберге, он сделал 400 рисунков, куда вошли все подсудимые, защитники, судьи, журналисты. Эти рисунки делала не рука художника, а сердце солдата, солдата-художника.

Подводя итог, отметим что Нюрнбергский процесс фактически подтвердил главный вывод о сущности фашизма, как открытой террористической диктатуры. Опыт Второй мировой войны властно диктует: необходимо вновь соединить усилия, чтобы ликвидировать смертельную опасность ядерного самоуничтожения человечества. Для тех же, кто забывает уроки истории, кто преднамеренно предает их забвению, грозным предостережением звучит Приговор Нюрнбергского трибунала. Он и сегодня служит делу мира, зовет к бдительности.

Список цитированных источников

1. Кешоков Алим Пшемахович [Электронный ресурс] // Герои страны. – Режим доступа: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=9581. – Дата доступа: 20.10.2023.

2. Что для человека значат картины [Электронный ресурс] // Сленги. – Режим доступа: <https://alternativa-profi.ru/znacheniya/cto-dlyacelovekaznacat-kartiny>. – Дата доступа: 20.10.2023.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В КОНТЕКСТЕ НЕОФАШИСТСКОГО ТРЕНДА ЗАПАДА

Макаров В. М.

Республика Беларусь, г. Минск
Военная академия Республики Беларусь,
профессор кафедры идеологической работы
и социальных наук,
кандидат педагогических наук

Нюрнбергский процесс стал важнейшим историческим событием XX века как торжество Права, разоблачив человеконенавистническую сущность германского нацизма, его планы уничтожения целых народов и показав крайнюю опасность фашизма (нацизма) для всего человечества.

Но сегодня на Западе осуществляется радикальный пересмотр главных итогов и уроков Второй мировой войны, что полностью вписывается в стратегию фашизации европейских политических режимов.

Сущность фашизма, нацизма, как и их современных форм, неизменна. Фашизм – наиболее реакционная, террористическая форма диктатуры крупного капитала с агрессивной захватнической внешней политикой. Их объединяет общая идеология – расизм, шовинизм, утверждение права своей нации господствовать над другими народами путем военного насилия и применения геноцида. Есть определение фашизма, сформулированное одним из основоположников психоанализа Вильгельмом Райхом: «Фашизм возникает на основе расовой ненависти и служит ее политически организованным выражением. Отсюда следует, что существует немецкий, итальянский, испанский, англосаксонский, еврейский и арабский фашизм» [1].

Заслуживает внимания определение, данное нацизму Георгием Димитровым: «Самая реакционная форма – это фашизм германского типа, он нагло именуется себя национал-социализмом... Германский фашизм – это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм...» [2].

В ходе Нюрнбергского процесса выступавший главным обвинителем со стороны СССР Роман Руденко в своей вступительной речи дал четкую характеристику сущности германского фашизма: «Германско-фашистская идеология разнуздала самые дикие и низменные инстинкты. Фашисты возвели в принцип произвол, насилие, надругательство над людьми, они объявили опасными для расы господ идеи свободы, идеи просвещения и требования гуманности» [3, с. 248–249].

Ряд специалистов, рассматривая сущность современного фашизма, применяют термин «либеральный фашизм» и делают вывод о развитии фашизма в современных США. В книге Дж. Голдберга «Либеральный фашизм» сущность фашизма дается кратко и точно: «По сути фашизм – это когда корпорации начинают управлять государством» [4, с. 8–9]. Подобного мнения придерживаются многие исследователи, в частности, Л. И. Ольштынский: «Особенность американского фашизма XXI века в том, что он утверждает свое господство в других странах насаждением фашистских режимов, которые становятся наместниками американских хозяев» [5, с. 10–11].

Исследуя причины распространения неофашизма, уместно обращение к следующим важнейшим положениям, характеризующим его сущность.

Во-первых, для того, чтобы эффективно бороться с фашизмом необходимо прекратить легковестное отношение к данному феномену, в частности гитлеризму. Сводить потенциал фашистской Германии к элементарному немецкому националистическому подъему, помноженному на страх перед гитлеровской карательной машиной, – значит совершить грубейшую ошибку. Штампы о «бесноватом фюрере» и его тупых соратниках не позволяют увидеть масштаб и трагизм ситуации, понять ее беспрецедентность. Подтверждая, что фашизм (нацизм) есть некрофилия, величайшая патология глобального масштаба, следует прислушаться к мнению ученых, показавших истоки нацизма, взявшего на вооружение лучшие научные и научно-технические достижения своего времени. Фашисты не только создали немецкую армию, опираясь на наиболее жестокие немецкие военные традиции и проявили неслыханный военно-промышленный талант. Но и создали на немецкой свирепой воинской основе особый фашистский воинский дух, воскресив так называемое темное рыцарство, духовные практики которого были восприняты СС и переведены в новое качество, отвечающее возможностям XX века [6].

Без признания этих фактов нет понимания величия и всемирно-исторического значения Великой Победы.

Но происходящее в рамках современной фашизации стран по изощренности несопоставимо с прошлым веком. Например, современные неоевгенические эксперименты по улучшению человека

и «соблюдению его прав» прямым путем ведут к биотехнологическому неофашизму посредством создания «сверхлюдей» нового типа [7].

Во-вторых, направления, формы и технологии реанимации фашизма (нацизма) фактически идентичны, что четко проявилось на Западе, территории СССР и постсоветском пространстве на протяжении более трех десятилетий, начиная с пресловутой горбачевской перестройки.

В России до недавнего времени активно функционировали профашистские сайты, сделавшие своими героями нацистов, власовцев и красновцев. Достаточно было прочитать материалы одного из адептов неофашизма Е. Просвирнина [8]. В 1996 году Главной военной прокуратурой был реабилитирован как «жертва политических репрессий» Гельмут фон Паннвиц, основатель казачьей дивизии СС. Планировалась реабилитация Ханса Раттенхубера, начальника личной охраны Гитлера, но не успели. В Кремле начали меняться люди, а вместе с ними и соответствующая политика [9].

В Беларуси в начале 90-х гг. принимались беспрецедентные меры по захвату власти националистами, которые сделали своими героями предателей, сотрудничавших с фашистами. В XXI веке их последователи продолжали свою деструктивную деятельность. Пример тому их книги, и многочисленные публикации, в том числе в глобальной сети [10–13]. Апогеем попыток реализации неонацистского проекта в Беларуси стали события 2020 года.

В авангарде неофашистского тренда идет Украина, ставшая моноидеологическим государством, выполнив все «технологические карты» для тотального внедрения бандеровской идеологии [14].

В-третьих, для эффективной борьбы с неофашизмом (неонацизмом) особо важен следующий методологический подход. 30 мая 1943 г. в газете «Правда» был опубликован ответ Председателя СНК СССР И. В. Сталина на вопрос главного корреспондента английского агентства «Рейтер», касающийся роспуска Коммунистического Интернационала [15, с. 149]. Подчеркивалось, что роспуск Коммунистического Интернационала является правильным и своевременным, так как он «облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага – гитлеризма». Фашизм есть явление глобальное и интернациональное, а значит победить его можно только путем объединения всех свободолюбивых народов. Этот вывод особо актуален сегодня, так как история Второй мировой войны уже переписана и утверждена нормативными актами западных стран возлагающих ответственность за развязывание войны на СССР.

Основные выводы.

1. Необходимо формирование у граждан страны и международной общественности понимание сущности происходящих в мире процессов,

обусловленных попыткой ответить на объективные глобальные противоречия современности архаизационными фундаментализмами вплоть до уничтожения «лишнего» человечества, где ключевая роль отводится неофашизму.

2. Принципиально важно, что преградой на пути возрождения фашизма (нацизма) как государственной политики является Нюрнбергский процесс. Его итоги и исторические уроки должны служить предостережением всем, кто видит себя избранными «вершителями судеб» государств и народов. Для этого нужны воля к объединению усилий всех свобододлюбивых, действительно демократических сил мира, такой их союз, какой удалось создать государствам Антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

3. Для эффективного противостояния неофашизму необходимо решительное освобождение от антисциентизма (презрения к научному знанию), беспощадное разоблачение тотального мифотворчества, формирование адекватного исторического самосознания граждан как краеугольного фактора идентичности. При этом особо важны научные исследования в области философии, учитывая, что в рамках так называемой декоммунизации начала 90-х гг. XX века господствующее положение в науках, формирующее мировоззрение, занял позитивизм и соответственно современное обществоведение не направлено на познание глубинных причинно-следственных связей, соотношения сущности и явлений, возможности и действительности, что создает реальную почву для антинауки и всего, что с ней связано [16].

4. Важнейшая задача – содействие переводу статуса Великой Победы из только исторических событий в статус геополитический. В частности, это значит, что необходимо формирование понимания у общественности значения принципиальной позиции Беларуси в вопросах обеспечения международной безопасности, укрепления Союзного государства в формате, инициированном Беларусью. Вновь следует обратиться к осмыслению глубинных причин Второй мировой войны, сущности фашизма (нацизма), современных форм неофашизма, начиная от оккультно-мистического содержания их доктрин. С неуклонной твердостью следует бороться с соответствующими доктринами, помня, что воинствующий сатанизм в 30–40-е гг. уже предпринял попытку завладеть умами людей, что стоило человечеству более 50 млн жизней.

Список цитированных источников

1. Райх, В. Психология масс и фашизм [Электронный ресурс] / В. Райх // Электр. б-ка Book-online.com.ua. – Режим доступа: <https://book-online.com.ua/read.php?book=3909&page=2&ysclid=lkxyhrk924809188857>. – Дата доступа 12.03.2022.

2. Димитров, Г. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 авг. 1935 г. [Электронный ресурс] / Г. Димитров // Электр. б-ка Coollib.com. – Режим доступа: <https://coollib.com/b/428930/read>. – Дата доступа: 16.10.2019.

3. Нюрнбергский процесс : сб. материалов. – М. : Гос. изд. юрид. лит-ры, 1952. – Т. 1. – 831 с.
4. Голдберг, Дж. Либеральный фашизм / Дж. Голдберг – М. : Рид Групп, 2012. – 204 с.
5. Олыштынский, Л. И. Угроза фашистского мирового господства. История и современность (взгляд их XXI века) / Л. И. Олыштынский. – М. : ИТРК, 2018. – 240 с.
6. Бардахчиев, Ю. Доктрина Великой войны [Электронный ресурс] / Ю. Бардахчиев // Красная Весна. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/article/doktrina-velikou-voynu-pervoe-strategicheskoe-kontrnastuplenie>. – Дата доступа: 03.04.2013.
7. Овчинский, В. С. Неоэвгенический фашизм в XXI веке [Электронный ресурс] / В. С. Овчинский // Изборский клуб. – Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/24608>. – Дата доступа: 04.07.2023.
8. Просвирнин, Е. Тот бесконечный летний день [Электронный ресурс] / Е. Просвирнин // Rpczmoskva.org.ru. – Режим доступа: <http://rpczmoskva.org.ru/russko-sovetskaya-vojna/egor-prosvirnin-tot-beskonechnyj-letnij-den.html>. – Дата доступа: 14.09.2015.
9. Владимиров, А. Дело генерала-карателя. Как российская Главная военная прокуратура нацистского генерала реабилитировала [Электронный ресурс] / А. Владимиров // Stoletie.ru. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/ww2/delo_generala-karatela_291.htm?ysclid=lky07jvana52831071. – Дата доступа: 18.09.2015.
10. Туронак, Ю. Людзі СБМ; Беларусь над нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Смаленск, 2008. – 588 с.
11. Лыч, Л. М. Нацыянальна-культурнае жыццё на Беларусі у часы вайны 1941–1944 / Л. М. Лыч. – Вільня : Наша будучыня, 2011. – 332 с.
12. Захаревич, С. Партизаны СССР: от мифов к реальности / С. Захаревич. – Вільня : Наша будучыня, 2012. – 360 с.
13. Пинчук, М. Н. Советские партизаны. Мифы и реальность / М. Н. Пинчук. – Вільня : Наша будучыня, 2014. – 392 с.
14. Кургинян, С. Э. Война идей. Военная спецоперация России в Донбассе. Почему отсутствие идеологии подведет Россию на Украине [Электронный ресурс] / С. Э. Кургинян // Красная Весна. – Режим доступа: <https://rossapri-mavera.ru/news/d28ef1aa>. – Дата доступа: 28.03.2022.
15. Великая Отечественная война, 1941–1945. События. Люди. Документы / ред. О. А. Ржешевского. – М. : Политиздат, 1990. – 464 с.
16. Берков, В. Ф. Замалчыванне як спосаб декоммунізацыі сучаснага адрачэннага грамадства / В. Ф. Берков // Журнал Беларускага гос. ун-та. Соцыялогія. – 2022. – № 1. – С. 64–70.

СУД В ТОКИО КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА: РОЛЬ США В РАЗВЯЗЫВАНИИ WW-II И ПРОБЛЕМА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Мушинский Н. И.

Республика Беларусь, г. Минск
Белорусский национальный
технический университет,
доцент кафедры философских учений,
кандидат философских наук, доцент

В современных условиях обострившегося военно-политического противостояния враждебная пропаганда часто обвиняет Россию (как правопреемницу СССР) и ее союзницу Беларусь в развязывании Второй мировой войны (сокращенная аббревиатура WW-II – World War II). Пытаясь перекодировать историческую память народов, воздействовать на неокрепшие умы молодого поколения, дискредитировать современную миролюбивую российскую политику, направленную на защиту своих жизненных интересов как необходимое условие сохранения геополитического равновесия (что приходится делать, напрягая все силы, в значительно худших исходных условиях, чем те, которые существовали в эпоху «холодной войны» до распада СССР и Варшавского блока), апеллируют к пресловутому «пакту Молотова – Риббентропа», разграничившему советско-германские сферы влияния на европейском континенте и позволившему взять под защиту население Западной Беларуси, другие восточнославянские народы после нападения нацистов на Польшу. Современные агрессоры утверждают, что именно договор о взаимном ненападении «развязал руки» гитлеровцам и подтолкнул их к активным антипольским действиям, связанным с требованием «Данцигского коридора» и т. п., что якобы «помимо воли» вовлекло в конфликт, вскоре принявший мировой характер, «демократические» западные страны, связанные с поляками союзническими обязательствами.

Абсурдность и *несправедливость* подобных обвинений становится очевидна при внимательном прочтении материалов *Нюрнбергского процесса*, и его логического продолжения – *суда в Токио*, направленного против милитаристической клики в Японии. Помимо прямых и очевидных обвинений представителей проигравшей стороны в многочисленных воинских преступлениях, связанных с Холокостом, расистской идеологией, массовым уничтожением мирных жителей и советских военнопленных и т. п., судебная процедура косвенно вскрыла значительно более глубокие (чем заключение каких-либо сомнительных «пактов» и «договоров») устремления США, направленные на разжигание «мирового пожара», уходящие корнями еще в эпоху Первой мировой войны

(WW-I) и в межвоенный период, о чем, в силу союзнических отношений антигитлеровской коалиции, в отечественной публицистике долгое время говорить было не принято.

Справедливость требует отметить, что по итогам обеих мировых войн наибольшие экономические преференции получили именно США, стремительно выдвинувшись с периферии на роль «мирового лидера» сначала в условиях крушения европейских монархий, а потом – укрывшись за океаном и снабжая союзников материальными ресурсами по «ленд-лизу». (Что делалось далеко не бесплатно, даже англичанам пришлось в ходе «битвы за Атлантику» в 1940 г. расплатиться за поставку американских устаревших эскортных эсминцев долгосрочной арендой на 99 лет военных баз на Тринидаде, Ямайке, Багамах, Антигуа и других удаленных территориях – «Destroyer-Bases Deal», не говоря уже о последующей утрате обширных колониальных владений). Так сложилось, что в силу изолированности на Американском континенте, любая нестабильность в окружающем мире «играет на руку» США, укрепляя их промышленность и курс доллара, на фоне всеобщей разрухи в остальных воюющих между собой странах. Поэтому стремление под фальшивыми лозунгами «свободы» и «демократии» провоцировать национальные, религиозные, политические и др. вооруженные конфликты сохранилось в американской финансово-олигархической «элите» до настоящего времени, вопреки каким-либо представлениям о *справедливости*.

Следует отметить, что вступив в WW-I в последний момент, под предлогом гибели трансатлантического лайнера «Лузитания», на завершающей стадии войны США с минимальными затратами приобрели весомый авторитет в европейских делах. Не вызывает сомнения, что дипломатическими средствами они были вполне способны урегулировать отношения между «победителями» и «побежденными» согласно общечеловеческим критериям *справедливости*, чтобы окончательно искоренить какой-либо повод будущих вооруженных конфликтов. Вместо этого они направили все усилия на то, чтобы поставить Германию в невыносимые условия, используя для этого агрессивные устремления французов и англичан. Немцам навязали марионеточный «продемократический» режим в виде Веймарской республики; обложили огромными репарациями, обрушив экономику, создав бешеную инфляцию и всеобщую безработицу; отняли экономически развитые территории (Эльзас, Лотарингию, Судеты и т. д.), присоединив их к сопредельным странам, где германоязычное население подверглось притеснениям; лишили армии (оставив ничтожный Ландвер), флота (радикально ограничив тоннаж военных кораблей, в результате чего впоследствии появились «карманные линкоры», втрое меньшие по размеру кораблей аналогичного класса в других странах), поставили вообще под запрет некоторые типы вооружений (танки и самолеты). В результате появление реваншистских настроений в обществе и приход к власти авторитарного милитаризированного нацистского режима стали только делом

времени. Как только через 20 лет выросло молодое поколение немцев, разгорелся новый мировой конфликт, на котором США в очередной раз «хорошо погрели руки».

Показательно, как провокационная *несправедливая* политика США оттолкнула от них собственных союзников; как известно, Италия и Япония участвовали в WW-I на стороне Антанты, хотя и без особых успехов, но все же внесли посильный вклад в победу над Тройственным союзом; однако «в награду» не получили ничего! Япония действовала на удаленном театре военных действий, при этом, став союзницей царской России, вернула ей военные корабли, захваченные во время Русско-японской войны, в том числе «легендарный» крейсер «Варяг», который большую часть своей боевой службы прошел под японским флагом под именем «Соя» (1899–1904 – Россия, 1905–1916 – Япония). Итальянские берсальеры, застряв в Альпах, фактически так и не смогли выйти на оперативный простор на территории Австро-Венгрии. Тем не менее, хотя бы некоторого уважения японско-итальянская политическая позиция все же заслуживала... Только полное пренебрежение со стороны европейских и американских «англо-саксов», привело к тому, что буквально через несколько лет после окончания WW-I, обе страны решительно изменили политический вектор, попытавшись «силой взять свое», а в годы WW-II оказались в противоположном лагере. В Италии уже в 1922 г. к власти пришел военизированный фашистский режим Муссолини, который призвал итальянцев объединиться по образцу древнеримской империи, как связка прутьев в «фашине», и направить военные усилия в сторону Ливии и Эфиопии (Эритреи). В Японии тоже к власти пришли милитаристы, которые резко повернули экономику в русло военной модернизации, построили крупнейшие в мире линкоры «Ямато» и «Мусаси», и, ощущая избыток народонаселения на японских островах, развернули континентальную агрессию в направлении Китая, Маньчжурии, Кореи, Монголии.

При этом произошел радикальный поворот в идеологии. Если в годы Русско-японской войны японцы всеми силами старались показать свою приверженность гуманистическим идеалам цивилизованного общества, спасали из воды тонущих русских моряков, отпускали «под честное слово» пленных офицеров, награждая их своими орденами «за храбрость в бою», допускали свободный выход военнопленных из лагерей в город (вплоть до того, что когда начались внутренние волнения в лагерях в ответ на российскую революцию 1905 г. многие «революционные» матросы в этих самых лагерях оказались вооружены самурайскими мечами, которые они купили как сувениры на рынке во время своего вольного времяпрепровождения), то в годы WW-II ситуация радикально переменилась. В моде стала «азиатская» жестокость, со всей наглядностью вскрывшаяся на Токийском процессе: пленных не кормили, изнуряли непосильным трудом (например, при строительстве «вымощенной костью» железной дороги Бирма – Таиланд [1, с. 526]),

и «маршами смерти» через джунгли (упавших расстреливали и закалывали штыками [1, с. 524]), пытали и убивали самым бесчеловечным способом, гнали на минные поля (методическое пособие по разминированию 1943 г. инженерного училища японской армии [1, с. 529]), мирных жителей массово рубили самурайскими мечами (резня в Нанкине 13 января 1937 г. и т. п.). В ходе послевоенного судебного разбирательства в Токио особо отмечалось: «Военные преступления совершались в самых безжалостных формах: людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми... вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось свидетельством проявления особого самурайского духа» [1, с. 547]. Причем это не были случайные эксцессы, которые иногда случаются на войне, особенно партизанской, как это происходило в Беларуси: «Тот самый козырь, который часто пускали в ход... коллеги в Нюрнберге: если и были зверства, то только в ответ на незаконные действия партизан» [1, с. 533]. Процесс в Токио наглядно показал вполне устоявшуюся идеологическую позицию, официально одобренную японским командованием: «Иногда людоедство обставлялось для офицеров торжественными церемониями. В них принимали участие даже высшие офицеры в звании генералов и контр-адмиралов» [1, с. 537–538]. Ничего удивительного, что и низшим звеном охраны лагерей к пленным применялись «пытки водой... электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка» [1, с. 535]. Аналогично относились к мирным жителям; так на нефтяных промыслах в Голландской Ост-Индии в одном из поселков до 100 чел. белого населения 24 февраля 1942 г. «загнали в море и после этого расстреляли. Некоторых убили путем отсечения рук и ног мечом» [1, с. 530]. Представители «азиатской» расы тоже не являлись исключением; так на Филиппинах в одной из деревень простых земледельцев «подвешивали к стропилам и обливали воспламеняющейся жидкостью, других били, ломали руки, лишали зрения. Убиты были все» [1, с. 531]. Отдельным пунктом стоят испытания на военнопленных бактериологического оружия для выработки избирательного действия на представителей «белой» и «желтой» расы (пресловутый «Отряд 737»). Показательно, что и сами простые японцы часто становились жертвой милитаризованного режима; так в летных училищах младший командный состав систематически избивал курсантов бамбуковыми палками, которые входили в униформу (чтобы выработать «презрение к жизни»); некоторые из учащихся, не вынеся издевательств, покончили с собой, так и не успев стать пилотами-камикадзе.

Радикальный поворот идеологии в сторону «самурайского духа» проявился в ходе Токийского процесса даже в аргументации стороны защиты, когда туда были допущены местные кадры. Например, адвокат Такаянаги, профессор международного права, утверждал: «Такой вид действий может являться лишь отражением национальных или расовых особенностей. Преступления не меньше, чем величайшие произведения искусства, могут выражать характерные черты, отражающие нравы

расы» [1, с. 541]. Разумеется, подобные аргументы не могли служить оправданием, 23 декабря 1948 г. в токийской тюрьме Сугамо по приговору трибунала были повешены семь высокопоставленных японских военных преступников, другие, меньшего калибра, тоже были осуждены, в чем можно видеть проявление исторической *справедливости*.

Тем не менее, провокационная роль США осталась «за кадром». Впрочем, в своей неизмеримой жадности, стремлении получить выгоду «здесь и сейчас», их финансовая олигархия часто «перегибает палку», неожиданно для себя «получает по заслугам». Так, разбалансировав промышленность военными поставками в период WW-I, в 20-е гг. они получили Великую депрессию, из которой с большим трудом вышли только с началом нового мирового конфликта. Надеясь направить японскую военщину на советские дальневосточные рубежи, после того, как красноармейцы дали ей отпор на Халхин-Голе и озере Хасан («инцидент у высоты Чжангуфэн»), американцы с удивлением обнаружили для себя Перл-Харбор, Бирму и Индокитай. Не исключено, что нечто подобное ожидает их и в современных условиях, в чем тоже можно усмотреть объективное проявление исторической *справедливости*.

Список цитированных источников

1. Смирнов, Л. И. Суд в Токио / Л. И. Смирнов, Е. Б. Зайцев. – М. : Воениздат, 1984. – 575 с.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

Назаров Р. Р.

Республика Узбекистан, г. Ташкент
Институт государства и права
Академии наук Республики Узбекистан,
старший научный сотрудник

Алиева В. Р.

Республика Узбекистан, г. Ташкент
Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова,
старший преподаватель кафедры
«Правовые и гуманитарные дисциплины»

Dura lex, sed lex!

Созданию Международного военного трибунала способствовала последовательная дипломатическая борьба за осуществление идеи о «Суде народов» над главными военными преступниками. 22 июня 1941 г. в радиовыступлении заместителя Председателя СНК, наркома ино-

странных дел В.М. Молотова вся ответственность возлагалась на руководство Германии: «Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено, несмотря на то что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей»¹.

Во время войны СССР отдельно и с союзниками выступил с рядом нот и заявлений, содержащих факты насилия и разрушений, совершенных гитлеровцами на оккупированных территориях и предупреждения об ответственности за эти преступления.

Советским Правительством были заявлены ноты от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных» (25.11.1941 г.)²; «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» (06.01.1942 г.); от 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» (27.04.1942 г.); «О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан в Германию» (11.05.1942 г.).

В июне 1941 года Лондон был убежищем для 9 правительств в изгнании. 12 июня 1941 года представители Австралии, Великобритании, Канады, Новой Зеландии и ЮАС, а также представители правительств в изгнании: Бельгии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Франции (де Голль), Чехословакии, Югославии – собрались во дворце Сент-Джеймс и подписали Резолюцию, в которой отметили «что они будут продолжать борьбу против немецкого или итальянского угнетения до тех пор, пока не будет одержана победа. Что не может быть прочного мира и процветания, пока свободные народы с помощью насилия подчиняются господству со стороны Германии или ее сообщников или живут под угрозой такого принуждения. И что единственной истинной основой прочного мира является добровольное сотрудничество свободных народов в мире, в котором, избавившись от угрозы агрессии, все могут пользоваться экономической и социальной

¹ Выступление по радио заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. 22 июня 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 гг. – М. : МО, 2000. – Т. XXIV. – С. 8–9.

² Нота народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова посольствам и миссиям, аккредитованным в Москве. 25 ноября 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 гг. – М. : МО, 2000. – Т. XXIV. – С. 449–452.

безопасностью; и что они намерены работать вместе с другими свободными народами как в войне, так и в мире с этой целью»¹.

14 августа 1941 г. президентом США Ф.Д. Рузвельтом и британским премьером Великобритании У. Черчиллем на Атлантической конференции была принята Атлантическая хартия – программный документ антигитлеровской коалиции, который подтверждал «некоторые общие принципы национальной политики названных стран (США и Великобритании), принципы, на которых они базировали свои надежды на лучшее будущее мира», определить устройство мира после победы союзников во Второй мировой войне, несмотря на то, что США в войну еще не вступили. Тем не менее хартия послужила основой создания ООН, будущего политического и экономического международного порядка².

Документ включал следующие пункты.

1. Отказ от территориальных претензий со стороны США и Великобритании.

2. Отказ двух держав поддержать территориальные изменения, которые не находятся в «согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов».

3. Право наций на выбор своей формы правления, восстановление «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем».

4. Свободный доступ всех стран к мировой торговле и сырьевым ресурсам, необходимым для экономического процветания государств.

5. Глобальное экономическое сотрудничество и повышение благосостояния. Декларировалось желание осуществлять сотрудничество между всеми странами в экономической области в целях обеспечения для всех более высокого уровня жизни, экономического развития и социального обеспечения (цель ООН).

6. Свобода от нужды и страха. «После окончательного уничтожения нацистской тирании», гласил пункт 6-й, президент США и премьер-министр Великобритании «надеются на установление мира, который даст всем странам возможность жить в безопасности на своей территории, а также обеспечить такое положение, при котором все люди во всех странах смогут жить, не зная ни страха, ни нужды».

7. Свобода морей. Такой мир может предоставить всем народам возможность свободно, без всяких препятствий плавать по морям и океанам.

8. Разоружение государств-агрессоров, общее разоружение после войны. «Они (президент США и премьер-министр Соединенного Королевства) считают, что все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если госу-

¹ Resolution. Held in London at St. James's Palace on June 12, 1941 // United Nations Documents 1941–1945. – London. – New-York : Royal Institute of International Affairs. – P. 9.

² Вельяминов Г. М. Международное экономическое право и процесс. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – 477 с.

дарства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями¹.

На встрече в Лондоне 24 сентября 1941 г. согласие с принципами Хартии выразили представители эмигрантских правительств Бельгии, Греции, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии, а также правительство СССР и «Свободная Франция» генерала де Голля². СССР выступил с Декларацией, оглашенной на этой межсоюзнической конференции³.

1 января 1942 г. во время проведения 1-й Вашингтонской конференции Ф. Рузвельт – от США, У. Черчилль – от Великобритании, М. Литвинов – от СССР, Цзы-вень (Soong Tseven) – от имени Китая, подписали документ, который впоследствии стал известен как «Декларация Объединенных Наций» (Declaration by United Nations). На следующий день эта Декларация была подписана также представителями 22 других государств⁴. Этим документом подписавшие государства приняли обязательство приложить максимум усилий для достижения «полной победы» и не заключать сепаратного мира. Первый пункт Декларации Объединенных Наций гласил, что государства, подписавшие ее, «присоединились к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей Декларации президента Соединенных Штатов Америки и премьер-министра Великобритании от 14 августа 1941 г., известной под названием Атлантической хартии»⁵.

В заявлении советского Правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы» от 14 октября 1942 г. подводился итог проведенной работы и говорилось, что «вся ответственность за бесчеловечные и разбойничьи действия немецких войск возлагается на преступное гитлеровское правительство Германии». Правительство СССР сообщило также, что его органы «ведут подробный учет всех этих

¹ Joint Declaration by the President of the United States of America and mr. Winston Churchill, Representing his Majesty's Government in the United Kingdom Known as the Atlantic Charter. August 14, 1941 // United Nations Documents 1941–1945. – London – New York : Royal Institute of International Affairs. – P. 9–10; The Atlantic Conference: Joint Statement by President Roosevelt and Prime Minister Churchill, August 14, 1941.

² United Nations Documents 1941–1945. – London – New York : Royal Institute of International Affairs. – P. 10–11.

³ Декларация Правительства СССР на Межсоюзнической конференции в Лондоне : 24 сент. 1941 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 гг. – М. : МО, 2000. – Т. XXIV. – С. 321–323.

⁴ США, Великобритания, СССР, Китай, Австралия, Бельгия, Гватемала, Гондурас, Греция, Доминиканская Республика, Индия, Канада, Коста-Рика, Куба, Люксембург, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Польша, Сальвадор, Чехословакия, Югославия, ЮАС. Впоследствии к Декларации присоединились Боливия, Бразилия, Венесуэла, Египет, Ирак, Иран, Колумбия, Либерия, Ливан, Мексика, Перу, Парагвай, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Уругвай, Филиппины, Франция, Чили, Эквадор, Эфиопия.

⁵ Декларация Объединенных Наций : 1 янв. 1942 г. // Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942 гг. – М. : МО, 2000. – Т. XXIV. – С. 569–570.

злодейских преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия». Было заявлено «во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками. Советское Правительство одобряет и разделяет выраженное в полученной им коллективной ноте законное стремление обеспечить передачу в руки правосудия и привлечение к ответственности виновных в указанных преступлениях и приведение в исполнение вынесенных приговоров. Советское Правительство готово поддерживать направленные к этой цели практические мероприятия союзных и дружественных правительств и рассчитывает, что все заинтересованные государства будут оказывать друг другу взаимное содействие в розыске, выдаче, предании суду и суровом наказании гитлеровцев и их сообщников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированной территории. Советское Правительство согласно с заявлением Президента Соединенных Штатов Америки Рузвельта, сделанным им в его речи 12 октября, по вопросу о наказании «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», а именно, что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом»¹.

8 сентября 1942 года премьер-министр Черчилль заявил в Палате общин: «Никто во время последней войны не предполагал, чтобы Россия выстояла так, как она это сделала против всей массы тевтонских армий. Хотя на Западе нам противостоят от 40 до 45 немецких дивизий, которые сдерживают покоренные страны, эти цифры более чем компенсированы против России финскими, венгерскими, румынскими и итальянскими войсками, которых тащил Гитлер в эту ужасную авантюру. Доказательством возросшей силы России является то, что этот героический подвиг сопротивления одной России эквиваленту всей тевтонской армии совершается так долго и с таким большим успехом. Я особенно хочу высказать солидарность Правительства Его Величества и Палаты общин с торжественными словами, которые недавно произнес президент Соединенных Штатов, а именно: те, кто виновен в нацистских преступлениях, должны будут предстать перед трибуналами в каждой стране, где были совершены их злодеяния, чтобы дать неизгладимое предупреждение будущим векам и чтобы поколения

¹ Заявление советского Правительства «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершенные ими в оккупированных странах Европы» от 14 окт. 1942 г. // Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. – 2-е изд. – М. : Госюрлитиздат, 1954. – Т. I. – С. 3–6.

людей могли сказать: «так погибнут все те, кто снова совершит подобные преступления»¹.

18 декабря 1942 г. была подписана Совместная декларация правительств Бельгии, Великобритании, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, США, СССР, Чехословакии, Югославии и Французского Национального Комитета «Опроводимогитлеровскими властями истребления еврейского населения Европы». 19 декабря 1942 г. Бюро информации НКВД выпустило заявление, в котором говорилось главным образом о преступлениях, совершенных германской армией и гестапо против евреев. Оба заявления обещали суровое наказание за эти жестокости. 11 мая 1943 г. НКВД опубликовал заметку в серии о зверствах нацистов в СССР.

В циркуляре НКВД впервые была установлена уголовная ответственность лиц, эксплуатировавших или жестоко обращавшихся с депортированными советскими гражданами и немецкими промышленников, участвовавших в экономическом разграблении оккупированных территорий и использовавших рабский труд на своих предприятиях. В заключении документа правительство СССР выразило уверенность в том, что «все заинтересованные правительства единодушно придерживаются мнения о том, что гитлеровское правительство и его агенты должны нести полную ответственность и понести самое суровое наказание за свои чудовищные преступления, за лишения и страдания миллионов мирных граждан, насильственно обращенных в немецко-фашистское рабство».

Поскольку СССР был единственным участником «Большой тройки», захваченным войсками стран Оси и имевшим личный опыт разрушительных действий нацистов, стремление свести счеты с теми, кто несет ответственность за такую жестокость, было значительно сильнее среди жертв нацистского зверства, чем в странах, которые были избавлены от подобной участи тем, что его страдания не напрасны и что справедливость восторжествует.

Когда зимой 1942–1943 годов ход войны переломился, наступило освобождение стран и районов от оккупационного режима, появились материальные свидетельства нацистских зверств против жителей завоеванных территорий в огромных масштабах.

В СССР не ограничивались призывами к привлечению нацистских преступников к суду, а активно формировали правовую базу для сбора и закрепления доказательств преступлений фашизма, совершенствовали судебную процедуру рассмотрения таких уголовных дел. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их

¹ Prime Minister Winston Churchill addressed the House of Commons in a review of the War. September 8, 1942. Parliamentary Debates, House of Commons Official Report. War situation. Winston Churchill. URL: <https://www.gov.uk/government/history/past-prime-ministers/win-ston-churchill> (date of application: 03.10.2023).

сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, материалы которой были впоследствии учтены в ходе Нюрнбергского процесса в качестве доказательств совершенных гитлеровцами злодеяний на территории Советского Союза. В ее состав вошли секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник, секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, писатель А. Н. Толстой, академики Н. Н. Бурденко, Б. Е. Веденеев, Т. Д. Лысенко, Е. В. Тарле, И. П. Трайнин – директор Института права АН СССР (ныне ИГП РАН), летчица В. С. Гризодубова, митрополит Киевский и Галицкий Николай. Постановлением СНК от 16 марта 1943 г. № 299 на освобожденных от оккупантов территориях стали создаваться республиканские (25), краевые (4), областные (76) комиссии. В работе по составлению актов приняли участие свыше 7 млн рабочих и колхозников, инженеров и техников, ученых и общественных деятелей.

Наиболее важным результатом деятельности Комиссии стало составление списков военных преступников стран Оси. К октябрю 1945 г. эти списки включали 7 тыс. лиц, в том числе около 1 тыс. гитлеровцев. Была проделана гигантская работа, которая позволила собрать совершенно уникальный доказательный материал. Иностранная юстиция, ранее скептически относившаяся к советской юстиции, на Нюрнбергском процессе эти доказательства в подавляющем большинстве приняла.

К 1948 г., то есть к моменту окончания работы комиссии, было составлено 80 списков, включающих 40 тысяч имен немецких, итальянских, албанских, болгарских, венгерских, румынских военных преступников, и 26 списков, подготовленных подкомиссией по Дальнему Востоку и Тихому океану.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» регулировались вопросы уголовной ответственности.

Уже в 1943 году были проведены первые суды над захваченными военными преступниками в Краснодаре и Харькове.

14–17 июля 1943 г. военный трибунал Северо-Кавказского фронта рассмотрел с участием защиты в открытом судебном заседании дело о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодарского края. Суду были преданы 11 советских граждан, добровольно поступивших на службу в немецкую полицию и активно там работавших в период оккупации войсками 17-й германской армии территории края. Судебным следствием установлено, что захватчики и их пособники сожгли все промышленные предприятия, лучшие здания и дома мирных жителей Краснодарского края; разграбили и уничтожили имущество различных организаций; истребили путем отравления газами в специально

оборудованных автомашинах-«душегубках» около 7 тыс. советских людей, в том числе свыше 700 человек больных, находившихся в лечебных заведениях, из них 42 человека детей в возрасте 5–16 лет; угнали в рабство множество советских граждан. В обвинительном приговоре трибунала были названы ответственные за эти злодеяния лица как из числа немецкого военного командования, так и офицеры гестапо. 8 осужденных были приговорены к смертной казни через повешение, 3 – к ссылке в каторжные работы сроком на 20 лет.

Следует отметить несколько моментов, касающихся Краснодарского процесса. Во-первых, все защитники были советскими гражданами. Во-вторых, все подсудимые были судимы по советским законам за совершение преступлений, предусмотренных УК РСФСР. Видно, что по состоянию на июль 1943 г. советское руководство все еще не было готово судить и вынести приговор в одностороннем порядке любому члену регулярной немецкой армии. Фактически многие немцы, признанные виновными в военных преступлениях, к тому времени уже попали в советский плен, однако власти предпочли вместо этого провести судебный процесс, в ходе которого были осуждены только советские граждане. При таких обстоятельствах, суд, с точки зрения англо-американского правосудия, не мог служить судебным прецедентом для любого последующего разбирательства в отношении захваченных немецких военных преступников.

Еще более значимым стал проходивший в Харькове с 15 по 18 декабря 1943 г. судебный процесс военного трибунала 4-го Украинского фронта над 2 гитлеровскими офицерами, 1 служащим гестапо и предателем советского народа. Суд также был открытым и с участием защиты, он широко освещался советскими и зарубежными журналистами. Подсудимых впервые обвиняли в нарушении международных правил и норм ведения войны и жестоком обращении с военнопленными и гражданским населением, массовом уничтожении жителей города. Менее чем за два года до начала Нюрнбергского процесса на территории СССР нацистские преступники предстали перед судом и были вынуждены оправдываться за свои бесчинства и кровавые издевательства над невинными и беззащитными людьми. Именно в этом суде впервые было постановлено, что приказ начальника не освобождает от ответственности за совершение тяжких военных преступлений. Все четверо осужденных были приговорены к смертной казни через повешение¹.

В 1943 году был также принят такой важный документ, как Декларация правительств СССР, США и Великобритании «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства» (30 октября 1943 г.)².

¹ Военный Трибунал 4-го Украинского Фронта. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. – М. : Госполитиздат, 1943. – 96 с.

² Документы внешней политики СССР. 1943 : в 2 кн. / Мин-во иностранных дел Рос. Федерации. – Майкоп : Полиграф-ЮГ, 2016. – Т. XXVI, кн. 2. Сентябрь – декабрь. – С. 254–255.

Сближение западной и советской позиций способствовало тому, что основные принципы Декларации 1943 г. были расширены и закреплены в постановлениях Крымской конференции трех держав 11 февраля 1945 г, провозгласивших целью уничтожение германского милитаризма и нацизма. «Мы, – говорилось в Заявлении руководителей трех держав, – полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно также и другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира»¹.

Тогда же было подписано «Крымское соглашение трех Великих Держав по вопросам Дальнего Востока» от 11 февраля 1945 г.²

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»¹⁰⁷.

Там же, на Крымской конференции, был рассмотрен вопрос о том, чтобы Франции было разрешено создание послевоенной оккупационной зоны в Германии, а также о ее участии в числе пяти стран, которые пригласили других на конференцию для создания Организация Объединенных Наций.

На Берлинской конференции 2 августа 1945 г. Сталиным, Трумэнном (Новый президент США) и Эттли (новый премьер Великобритании) была подтверждена цель, «чтобы суд над крупными преступниками начался как можно раньше»³.

Следующим шагом союзников стало совместное заявление от 23 апреля 1945 г.: «От имени всех Объединенных Наций, находящихся в войне с Германией, Правительства Советского Союза, Соединенного

¹ Конференция руководителей трех союзных держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании в Крыму. II. Оккупация Германии и контроль над ней // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. – М. : Госполитиздат, 1947. – Т. III. – С. 100–103.

² Крымское соглашение трех Великих Держав по вопросам Дальнего Востока от 11 фев. 1945 г. // Портал garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/2566457> (дата обращения: 12.10.2013).

³ The Axis in Defeat, a Collection of Documents on American Policy toward Germany and Japan / Department of State Publication 2423. – Washington : United States Government Printing Office, 1946. – P. 7, 9, 12, 17; see also P. 3, 46.

Королевства и Соединенных Штатов Америки настоящим обращаются с торжественным предупреждением ко всем комендантам и охране, в ведении которых находятся союзные военнопленные в Германии и на территориях, оккупированных Германией, а также к служащим гестапо и ко всем лицам, независимо от характера их службы и ранга, в ведение которых переданы союзные военнопленные, будь то в зоне боев, на линиях коммуникаций или в тыловых районах. Они заявляют, что всех этих лиц они будут считать ответственными в индивидуальном порядке не в меньшей степени, чем германское верховное командование и компетентные германские военные, военно-морские и авиационные власти, за безопасность и благополучие всех союзных военнопленных, находящихся в их ведении. Любое лицо, виновное в дурном обращении или допустившее дурное обращение с любым союзным военнопленным, будь то в ходе боев, на линии коммуникаций, в лагере, в госпитале, в тюрьме или в другом месте, будет подвергнуто беспощадному преследованию и наказанию. Правительства Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании предупреждают, что они будут считать эту ответственность безусловной при всех обстоятельствах и такой, от которой нельзя будет освободиться, переложив ее на какие-либо другие власти или лица».

3 мая 1945 г. во время пребывания наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова в США на учредительной Конференции в Сан-Франциско по созданию ООН состоялось совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, на котором американский представитель, член Верховного суда США С. Розенман вручил советской и английской делегациям проект соглашения о создании Международного военного трибунала. Этот американский проект был снова отредактирован и 14 июня был повторно представлен другим правительствам.

Таким образом завершился подготовительный период к созданию Международного военного трибунала для суда над главными нацистскими преступниками.

ЛИЧНОСТЬ АЛЬБЕРТА ШПЕЕРА ЧЕРЕЗ ДИСКУРС-АНАЛИЗ ЕГО КНИГ

Пономарёв Д. А.

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ассистент кафедры зарубежной истории
и международных отношений

Личность Альберта Шпеера очень двояка. Мнение о этой личности разные у разных исследователей. Но можно выделить две основные позиции. Те, кто говорит, что 20 лет в тюрьме были достаточными и те,

кто считает, что этого мало и на Нюрнбергском процессе приговором должна стать виселица. Но все позиции сходятся в том, что он виновен в деяниях против человечности. Я бы хотел рассмотреть его личность через призму дискурс-анализа цитат из его книг, которые вышли после того, как он вышел из тюрьмы в 1966 году.

Говоря о времени, когда Шпеер только приходил к своему статусу – главного архитектора. Речь Гитлера, которую он произнес 4 декабря 1930 г., очень сильно повлияла на Шпеера, а в последствии в своей книге «воспоминания» он указывает на то, что этот случай и повлиял на него в плане жизненных целей и политической направленности. Путь в национал-социалистическую партию начался с руководства национал-социалистического автомобильного корпуса, который располагался в районе Ванзе, в Берлине. В 1931 году вступил в ряды НСДАП (национал-социалистическая немецкая рабочая партия), ну а уже через полтора года в 1932 году вступил в ряды СС. Познакомимся с Гитлером он во время выполнения заказа при постройке здания для министерства пропаганды. Гитлеру понравился Шпеер за его умение организовывать работу, за что он и впустил его в свой узкий круг ближайших сподвижников, сделав его ассистентом Пауля Людвиг Трооста. Зарекомендовал себя, участвуя в проектах и уже после смерти Трооста в 1934 году стал личным архитектором Гитлера.

В 1937 году должна была состояться международная выставка в Париже. На ней СССР показала знаменитую на нынешние годы статую «рабочий и колхозница». Гитлер, пораженный этим произведением, хотел отказаться от участия в выставке, понимая, что соперничать с ней будет невозможно, но Шпеер предложил проект, который понравился Гитлеру. «На выставке павильоны Советской России и Нацистской Германии должны были стоять точно напротив друг друга. Французская дирекция выставки преднамеренно устроила эту конфронтацию. Слоняясь по парижской площадке, я случайно зашел в помещение, где находился секретный чертеж советского павильона. Две десятиметровые фигуры на высоком пьедестале широким победным шагом надвигались прямо на немецкий павильон. И тогда я спроектировал массивный куб, также поднятый на крепкие колонны и словно останавливающий это наступление, а с карниза моей башни сверху вниз смотрел на русские скульптуры орел со свастикой в когтях. За свой проект я получил золотую медаль, впрочем, как и мои советские коллеги». Так в последствии в своей книге Шпеер вспоминал про эту выставку. Здесь мы можем увидеть игнорирование факта добычи информации через шпионов или другие источники. Все же, слоняясь, как говорит сам Шпеер было тяжело получить данные о только планируемом возведении. Также в конце цитаты он приравнивает свои архитектурные заслуги с заслугами советских рабочих и архитекторов. Ставя себя вровень с ними, нарочно забывая свою приверженность к государству, но не забывая о символике.

В том же 1937 году ему была поручена задача по проектированию и реализации перестройки Берлина. На этот проект он потратил три

года. В 1939 году он показал проект города, который по слова Гитлера должен быть стать столицей мира, схожим лишь на древний Рим или Вавилон и называться Германия. Самым главным архитектурным элементом должны были стать два перпендикулярные улицы: север-юг и запад-восток. В пересечении должен был находится Зал народа. Вдоль же этих улиц должны были располагаться идеологические и социально-значимые здания. В 1939 году, с одобрения этого плана Гитлером план начали реализовывать. Для постройки необходимо было снести исторический центр. Идея об выселении евреев из квартир для распределения не еврейских жителей в освобожденные еврейские квартиры пришла Шпееру сама. Об этом мы можем узнать из письма его друга и помощника Рудольфа Волтерса. Из них же мы узнаем, что на момент начала Второй мировой войны переселение не еврейских национальностей было остановлено, но вот евреев продолжали насильно выселять из их квартир. В письмах Рудольф говорит о том, что в общей сложности от евреев было освобождено около 24 000 квартир.

Рассматривая В 1939 году с началом Второй Мировой Войны, Альбер Шпеер по заказу Геринга начал строительство новых и перестройку старых объектов военной авиационной промышленности. С сентября 1940 года в его обязанности начала входить и постройка ПВО, и устранение повреждений в ходе воздушных бомбардировок противника. Все эти проекты велись на территории Германии. Проектом, который выходил за территорию Германии, стало поручение рейхсминистра вооружений Фриц Тодта. Само поручение заключалось в том, что на оккупированных территориях Украины отремонтировать и укомплектовать разрушенные фабрики и восстановить железнодорожное сообщение фронта с территориями Германии.

В 1942 году, после смерти Фрица Тодта, Альберта Шпеера назначили на пост рейхсминистром вооружения и боеприпасов. Вместе с этим он был одним из людей, которые руководили расширением и строительством концлагерей. В своих книгах в последствии он писал так: «Как любимчик Гитлера и позже, как один из его самых влиятельных министров, я действительно находился в изоляции. Правда и то, что привычка думать в рамках собственного поля деятельности – архитектора и министра вооружений – давала мне возможность уклоняться от неприятного знания. Я не представлял истинного значения того, что началось 9 ноября 1938 г. и закончилось Освенцимом и Майданеком. Однако в ходе мучительного самоанализа я пришел к выводу, что степень своей изоляции, отговорок и неведения я определял сам. А потому сегодня я понимаю, что и я, и те, кто меня спрашивал, ставили вопрос неправильно. Вопрос, знал я или не знал или как мало или много я знал, совершенно теряет смысл, когда я думаю об ужасах, о которых должен был знать, и выводах, которые должен был сделать, исходя из того немногого, что действительно знал. Те, кто задает мне эти вопросы, ожидают моих оправданий, но у меня их нет. Ни оправдания, ни извинения не могут ничего изменить и ничего исправить». Рассматривая эту цитату через дискурс-анализ, мы можем выявить тенденцию к тому,

что Шпеер продолжает свою позицию виновности через невиновность. Он указывает, что на тот момент сам ограничил для себя понимание ситуации и игнорировал зверства, оставляя только работу как архитектор, но при этом пишет, что раскаялся по прошествии своего 20-летнего срока заключения и понял, что ничего изменить нельзя. Шпеер пробует ограничить себя от Гитлера в своей цитате, но принимает вину на себя.

Мы видим, что имея сопутствующие источники, такие как письма и свидетельства, можно говорить о двойственном дискурсе Альберта Шпеера. Первый заключается в том, как он себя показывает – жертвой обстоятельств и своим желанием быть архитектором. А во втором дискурсе мы видим поддержку им деятельности Гитлера и полное соответствие политической направленности Гитлеровской Германии того времени. Все эти позиции двойственности в его высказываниях, позволили запутать судей и ввиду отсутствия полновесных доказательств избежать смертной казни, хотя и был к ней близок: четыре судьи проголосовали за длительный тюремный срок, один – за пожизненный срок и три – за казнь.

Список цитированных источников

1. Шпеер, А. Воспоминания / А. Шпеер ; пер. с нем. – Смоленск : Русич, 1998. – 720 с.

2. Шпеер, А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности 1930–1945 / А. Шпеер ; пер. С. Лисогорского. – М. : Центрполиграф, 2005. – 656 с.

3. Шпеер, А. Шпандау: Тайный дневник / А. Шпеер ; пер. И. Кастальской. – М. : Захаров, 2014. – 528 с.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ПОЛЬШИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Пономарёва Ю. В.

Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ассистент кафедры зарубежной истории
и международных отношений

Одним из ключевых измерений публичной дипломатии современных государств является деятельность в сфере исторической политики, которая направлена как на национальное сообщество, так и на зару-

бежные аудитории. Польша также не является исключением: в рамках государственной структуры создан Instytut Pamięci Narodowej (Институт национальной памяти) [1]. В сферу активности Института входит как историческое просвещение путем публикации материалов, так и организация выставок [2], работа цифровых порталов, вопросы реабилитации отдельных личностей. Деятельность Института характеризуется наличием множества общественных конфликтов, связанных с неоднозначной интерпретацией событий Второй мировой войны. Оправдания нацистов-преступников вызывали резонанс как в польском, так и в белорусском и украинском обществе. Однако фиксировались и противоположные ситуации, когда Институт национальной памяти осуждал украинские институты за реабилитацию военных преступников-нацистов.

Тем самым, деятельность органа представляется противоречивой и требует изучения репрезентации таких тем, как Нюрнбергский процесс как завершающее событие и акт правосудия над нацистскими преступниками того времени. Болезненным вопросом для Польши также остается Холокост – периодические обвинения со стороны правительств и общественных организаций других государств стали причиной для польского ответа и оппозиционного диалога. В результате польский нарратив трансформируется и в отношении Холокоста выражает четкую позицию Польши как жертвы и одного из ключевых пострадавших населений.

В материале IPN, посвященном немецким преступлениям, отдельная часть, посвященная Нюрнбергскому процессу, акцентирует внимание на том факте, что суду были преданы лишь некоторые преступники [3]. В частности, материал исследует конкретные личности обвиняемых, чьи биографии тесно связаны с Польшей и преступлениями на ее территории: в частности, речь идет о Гансе Франке, осужденном на процессе. В контексте рассмотрения преступлений Франка польский Институт обращает внимание на деятельность юристов польской делегации, в частности, С. Пиотровского, которые в том числе осуществляли сбор доказательств [4]. Однако в дальнейшем в польский дискурс вносится дополнительный смысловой компонент – более поздний Верховный национальный трибунал, перед которым предстали в том числе пособники Франка. В целом материал характеризуется резким акцентом на преступлениях именно немецкой стороны; более того, одна из цитат с процесса является обвинением всей немецкой нации в целом, что говорит о внутреннем нацистском дискурсе в Польше в сторону немцев. Однако важно заметить, что данные акценты размещались в материале с конкретным авторством – некой «колонки», тем не менее, существующей как на сайте IPN, так и его проекта – мультимедийного портала Przystanek Historia [5].

В рамках деятельности Института был создан отдельный веб-проект «Катынь 1940», на котором отдельная страница посвящена Нюр-

нбергскому процессу. Здесь примечателен специфический тематический компонент, важный для Польши в контексте рассмотрения процесса – события в Катыни. Данный вопрос является одним из ключевых в конфронтации Польши и России в сфере исторической политики по настоящее время. В материале дается оценка ходу судебного заседания, в которой Институт выделяет наличие злоупотреблений в правовом поле: отсутствие поляков в группе свидетелей и приращение «вынужденных» показаний доктора Марка Маркова, члена немецкой Катынской комиссии. Тем не менее, в том же материале сообщается о добровольных показаниях полковника Фридриха Арнеса, которые стали одним из прямых доказательств в деле (а также к процессу были приложены гильзы немецкого образца, выступавших косвенным доказательством) [6]. Также подчеркивается, что виновные по результатам процесса не были установлены, что на данный момент является катализатором активизации катынского вопроса в польском историческом дискурсе.

В литературе представлено множество исследований, интерпретирующих польскую деятельность в отношении Катыни и дискурсивного выражения данной проблемы. Главное, в чем сходятся исследователи – Катынский вопрос является центральным в вопросах исторической памяти и взаимодействия с Россией [7]. Более того, в результате авиакатастрофы президентского борта под Смоленском, трагический символизм Катыни как места траура усугубился и приобрел новый смысловой слой. Само влияние данного вопроса достаточно противоречиво и во многом зависит от иных обстоятельств польской и российской внешней политики.

Однако важно выделить, что Нюрнбергский процесс и Нюрнберг как географический символ существуют во взаимозависимости, но не тождественны в дискурсе. В ходе активности Института в 2023 г. была проведена выставка архивной документации «Не только суд... Нюрнберг и военнопленные 1939–1945». Это демонстрирует стремление привлечь внимание общественности на вопросы функционирования концлагерей и проиллюстрировать нарратив о зверствах и жестокости на примере не только концлагерей, расположенных в Польше, но и непосредственно на территории Германии [8]. Тем самым, из дискурса частично выводится вопрос польской вины и акцент делается на ужасе того времени. В оборот вводятся новые символы – к примеру, описывается «...огромный архитектурный комплекс, созданный для нацистских съездов и преобразованный в 1939 году, [который] был местом изоляции сотен тысяч военнопленных...». Тем самым Польша продолжает традиционный нарратив о жертвах концлагерей, старательно избегая тему пособничества нацистам со стороны местного населения.

Таким образом, Нюрнбергский процесс занимает в настоящее время важную роль в историческом дискурсе Республики Польша,

однако акцент делается лишь на конкретном его элементе. В рамках деятельности Института национальной памяти он фигурирует в текстовых материалах и цифровых проектах, не затрагивая исторические моделирования либо иные формы обращения к истории. Однако трибунал в целом выступает скорее как элемент образовательной сферы деятельности Института национальной памяти. В то же время Катывь, являющаяся ядром польской исторической политики в отношении России, тесно связана с событиями Нюрнбергского процесса даже при отсутствии его регулярного упоминания. Тем самым, ключевая особенность польского отношения к Нюрнбергскому процессу – умолчание о непризнании легитимности и легальности решения одного из заседаний, посвященного Катывскому расстрелу.

Список цитированных источников

1. Официальный сайт Института национальной памяти (INP) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ipn.gov.pl/pl>. – Дата доступа: 23.10.2023.
2. Człowiek człowiekowi... Obozy na terenie Dolnego Śląska i Opolszczyzny w czasie II wojny światowej [Zasoby elektroniczne] // Офиц. сайт INP. – Tryb dostępu: <https://ipn.gov.pl/pl/edukacja-1/wystawy/13499,Czlowiek-czlowiekowi-Obozy-na-terenie-Dolnego-Slaska-i-Opolszczyzny-w-czasie-II-.html?search=78464>. – Дата доступа: 23.10.2023.
3. Norymberski proces niemieckich zbrodniarzy [Zasoby elektroniczne] // Офиц. сайт INP. – Tryb dostępu: <https://ipn.gov.pl/pl/historia-z-ipn/123554,Norymberski-proces-niemieckich-zbrodniarzy.html>. – Дата доступа: 23.10.2023.
4. Teoretycznie obrońcą mógł być każdy [Zasoby elektroniczne] // Офиц. сайт INP. – Tryb dostępu: <https://ipn.gov.pl/pl/publikacje/nie-tylko-o-ksiazkach/158507,Teoretycznie-obronca-mogl-byc-kazdy.html?search=36576019672>. – Дата доступа: 23.10.2023.
5. Łuczak, Agnieszka Wahadło pamięci. (Nie)wiedza o zbrodniach niemieckich [Zasoby elektroniczne] / Agnieszka Łuczak // Офиц. сайт INP. – Tryb dostępu: <https://ipn.gov.pl/pl/historia-z-ipn/137774,Agnieszka-Luczak-Wahadlo-pamieci-Niewiedza-o-zbrodniach-niemieckich.html?search=4506098398>. – Дата доступа: 23.10.2023.
6. Proces Norymberski [Zasoby elektroniczne] // Офиц. веб-портал INP «Katyn 1940». – Tryb dostępu: <https://katyn.ipn.gov.pl/kat/histori/walka-o-prawde/proces-norymberski/12099,Zbrodnia-katynska-na-wokandzie.html>. – Дата доступа: 23.10.2023.
7. Польша и 75-летие Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/28253>. – Дата доступа: 23.10.2023.
8. Wystawa «Nie tylko proces... Norymberga i jeńcy wojenni 1939–1945» – Warszawa, 17 marca – 30 kwietnia 2023 [Zasoby elektroniczne] // Офиц. сайт INP. – Tryb dostępu: <https://ipn.gov.pl/pl/aktualnosci/180990,Wystawa-Nie-tylko-proces-Norymberga-i-jency-wojenni-19391945-Warszawa-17-marca-3.html?search=36576019672>. – Дата доступа: 23.10.2023.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ, ОТРАЖАЮЩЕЙ ИТОГИ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

Сидоров А. В.

Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия,
преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
кандидат филологических наук

В условиях современной геополитической турбулентности вопросы незыблемости итогов Второй мировой войны, однозначной юридической оценки деяний нацистских преступников, осужденных на Нюрнбергском трибунале 1945–1946 гг., обретают особый смысл. Крупнейший судебный процесс XX века, беспрецедентный по своему масштабу и значимости, оказал сильнейшее влияние не только на развитие международного правосудия¹, но и на эволюцию так называемой политики памяти, представляющую собой реконструкцию прошлого в соответствии с настоящим ведением общества [6, с. 275].

Сегодня коллективные представления о подвиге народов-победителей, сформировавшиеся в том числе по итогам Нюрнбергского процесса, пытаются подменять, исказить и пересматривать, на что неоднократно указывают не только отечественные, но и зарубежные ученые [1–4], причем такие попытки приобретает подчас столь острый, беспощадный характер, что они могут перерасти в «войны памяти» [5], которые последнее десятилетие все чаще становятся предметом историко-правовых исследований, проводимых учеными по всему миру.

Особенно отчетливо эта опасная тенденция прослеживается в Европе. В качестве иллюстрации достаточно вспомнить резолюции Европейского парламента, в частности резолюцию о важности сохранения исторической памяти для будущего Европы², резолюцию о европей-

¹ Именно положения Устава Международного нюрнбергского военного трибунала от 8 августа 1945 г. послужили отправной точкой для принятия таких знаковых международно-правовых документов, как Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года, Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года и Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества 1973 года // Декларации, конвенции и другие нормативные документы ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv (дата обращения: 20.10.2023).

² European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (date of application: 20.10.2023).

ском сознании и тоталитаризме¹, которые весьма показательны в плане современного вектора общеевропейской официальной политики памяти. В них, в частности, на одну чашу весов ставится фашизм и сталинизм, что в корне противоречит тому, что было с таким трудом достигнуто на Нюрнбергском процессе. В ряде государств указанный «знак равенства» закреплен на самом высоком уровне. Так, ст. 13 Конституции Польши 1997 года гласит: «Political parties and other organizations whose programmes are based upon totalitarian methods and the modes of activity of nazism, fascism and communism... shall be prohibited» [Деятельность политических партий и иных организаций, чьи программы строятся на тоталитарных методах и практике нацизма, фашизма и коммунизма, запрещена]². Как уже было сказано, такое отождествление не только идет вразрез с итогами Нюрнбергского трибунала, но прямо нарушает положения ст. 61 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ, запрещающей «публично отождествлять цели, решения и действия руководства СССР, командования и военнослужащих СССР с целями, решениями и действиями руководства нацистской Германии»³. Кроме того, нельзя не отметить, что ст. 3541 «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрено наказание за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором»⁴.

В свете сказанного мемориальные законы [7] Франции, направленные на пресечение любых расистских, антисемитских или ксенофобских проявлений⁵, признание геноцида армян⁶, стоят несколько особняком, поскольку в них, наоборот, предпринимается попытка примерить общество, а не сильнее разобщить его на почве сформировавшихся после Нюрнбергского трибунала коллективных представлений о ключевых вооруженных конфликтах XX века.

¹ European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism // Eur-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009IP0213> (date of application: 20.10.2023).

² Конституция Республики Польша от 2 апр. 1997 г. // Офиц. сайт Сейма Польши. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/rosyjski/kon1.htm> (дата обращения 20.10.2023).

³ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов : Федеральный закон от 19.05.1995 № 80-ФЗ : в ред. от 13.06.2023 // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1928.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : в ред. от 04.08.2023 : с изм. и доп. от 12.10.2023 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ Loi n° 90-615 du 13 juillet 1990 tendant à réprimer tout acte raciste, antisémite ou xénophobe // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000532990> (date of application: 20.10.2023).

⁶ Loi n° 2001-70 du 29 janvier 2001 relative à la reconnaissance du génocide arménien de 1915 // Légifrance. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000403928> (date of application: 20.10.2023).

Однако на этом фоне нельзя не отметить и позитивные тенденции, которые являются своего рода продолжением Нюрнбергского трибунала и служат ярким примером того, как необходимо восстанавливать историческую справедливость и грамотно осуществлять политику памяти.

Речь в первую очередь идет об инициированных рядом некогда входивших в состав СССР государств судебных процессах, касающихся вопросов признания геноцидом массовые убийства нацистами мирных жителей на своей территории. Отправной точкой послужило соответствующее решение Солецкого районного суда Новгородской области о признании геноцидом массовые убийства нацистами мирных жителей деревни Жестяная Горка в 1942–1943 гг.¹ За ним последовали аналогичные решения судов Псковской², Ростовской³ и Ленинградской областей⁴, а также Верховного Суда Республики Крым⁵. Дело о геноциде населения во время Великой Отечественной войны возбуждено и в Республике Беларусь⁶.

Таким образом, несмотря на то, что политика памяти, сформировавшая по итогам Нюрнбергского трибунала, с течением времени начала претерпевать некоторые метаморфозы, причем далеко не всегда положительного свойства, большинство государств, особенно из числа республик бывшего СССР, продолжают свято чтить память героев и жертв Второй мировой войны, а в некоторых случаях, как было отмечено выше, отстаивать эту память в судебном порядке.

Список цитированных источников

1. Бугас, О. Д. «Целью ревизии истории второй мировой войны является пересмотр ее геополитических итогов». Фальсификация истории Великой Отечественной войны как научная и социальная проблема / О. Д. Бугас, Д. В. Чарыков // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 1. – С. 27–30.

2. Гребенников, П. В. О попытках пересмотра хода и итогов Второй мировой войны / П. В. Гребенников // Известия Уральского гос. ун-та: Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – Т. 86, № 1. – С. 7–12.

¹ Суд признал геноцидом расстрелы людей фашистами в Новгородской области // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/10/2020/5f9829d29a794750147fa076> (дата обращения: 20.10.2023).

² Суд признал геноцидом действия нацистов в Псковской области в годы войны // Офиц. сайт Правительства Псковской области. URL: <https://pskov.ru/press/27.08.21/133371/print> (дата обращения: 20.10.2023).

³ Суд признал геноцидом преступления, совершенные нацистами и их пособниками во время оккупации Ростовской области // Офиц. портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/news/17490> (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Областной суд признал геноцидом убийство нацистами мирного населения // Правительство Ленинградской области. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/53116> (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Суд Крыма признал геноцидом действия нацистов во время оккупации полуострова в годы войны // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15149045> (дата обращения: 20.10.2023).

⁶ Возбуждено уголовное дело о геноциде белорусского народа в годы ВОВ // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/760351> (дата обращения: 20.10.2023).

3. Македонская, В. А. Проблема пересмотра итогов и событий Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в мировом сообществе / В. А. Македонская, Е. А. Носова // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – 2015. – № 3 (7). – С. 126–132.

4. Bailer-Galanda, B. «Revisionism» in Germany and Austria: The Evolution of a Doctrine / B. Bailer-Galanda // Antisemitism and Xenophobia in Germany After Unification / Hermann Kurthen; Werner Bergmann; Rainer Erb. – Oxford : Oxford University Press, 1997. – 336 p.

5. Diamond, N. Memory Wars / N. Diamond // Science as Culture. – 2000. – Vol. 9, iss. 3. – P. 419–431.

6. Halbwachs, M. Les cadres sociaux de la mémoire / M. Halbwachs. – Paris : Albin Michel, 1994. – 367 p.

7. Ledoux, S. Memory laws in Europe. What common horizons are we journeying towards? / S. Ledoux // Observing Memories (Magazine of the European Observatory on Memories). – 2021. – No. 5. – P. 34–41.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧАСТИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Татьянин Д. В.

Российская Федерация, г. Ижевск
Удмуртский государственный университет,
доцент кафедры уголовного процесса
и правоохранительной деятельности,
кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский процесс случае нельзя считать просто судом. Несмотря на то, что он был создан для наказания военных преступников немецко-фашистской Германии, но это был не единственный результат его создания и работы. При всей значимости суда для возмездия над преступным руководством третьего рейха он выполнил еще две функции, которые реализуются и сейчас. Во-первых, он имел эффект превенции, предупреждая других мировых и военных лидеров от совершения военных преступлений и геноцида. Разумеется, что эта превенция не была абсолютной, но определенный эффект имела, а возможно имеет и до сих пор. Во-вторых, Нюрнбергский процесс фактически стал историческим с точки зрения мировой юриспруденции – он создал международное уголовное право. В дальнейшем на опыте Нюрнбергского процесса были созданы несколько международных трибуналов и судов, разной степени

известности и эффективности. Это Токийский трибунал, и трибуналы Нанкинский, по Руанде, Ливану, бывшей Югославии. Так же Нюрнбергский суд нес и определенное послание самим немцам – место трибунала было выбрано не случайно. Нюрнберг многие годы был цитаделью фашизма, в нем многие годы проходили национал-социалистической немецкой рабочей партии и парады ее штурмовых отрядов.

Нельзя сказать, что военных преступников на международном уровне не судили ранее. Но эти попытки не были, ни масштабными, ни значимыми. Так по итогам Первой мировой войны состоялся Лейпцигский трибунал, на котором за военные преступления судили 45 граждан Германии. Но в «Лейпцигском трибунале» рассматривались дела лишь исполнителей, поскольку имена германских генералов и адмиралов, отдававших приказы, за исполнение которых и отправились под суд их подчиненные, из списка вычеркнули [1].

Как гласит наука социология, когда человеческому обществу что-то нужно, то оно это создает, когда необходимость отпадает, общество избавляется от того, что стало не нужным. Так произошло и с международным уголовным правом, которое породил Нюрнбергский процесс.

Сталин, Черчилль и Рузвельт еще в 1943 году подписали Московскую декларацию об ответственности гитлеровской Германии за совершенные зверства. Через два года в Лондоне страны-победительницы договорились о создании Международного военного трибунала. Трибунал был учрежден в интересах всех стран созданной в этом же году в Сан-Франциско Организации объединенных наций [2]. В преамбуле Устава ООН прямо сказано: «Мы народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права, и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе» [3]. Таким образом, потребовались две мировые войны, чтобы человечество, в мировом масштабе, осознало необходимость их обуздания.

Разумеется, нельзя не рассматривать влияние Нюрнбергского процесса на современность. На его основе внесен ряд статей в национальное законодательство отдельных стран. Если брать современный российский уголовный кодекс, то в отдельный XII разделе содержатся преступления против мира и безопасности человечества.

Все преступления, совершенные нацистами во время войны, были подразделены в соответствии с Уставом Международного военного трибунала на преступления:

– против мира (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров);

– военные преступления (нарушения законов или обычаев войны: убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения; убийства или истязания военнопленных; ограбление государственной, общественной или частной собственности; разрушение или разграбление культурных ценностей; бессмысленное разрушение городов или деревень);

– преступления против человечности (уничтожение славянских и других народов; создание тайных пунктов для уничтожения мирных людей; умерщвление психически больных) [4].

Преступления против мира отражены в ст. 353 УК РФ, которая называется «Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны».

Военным преступлениями регламентированы в ст. 356 УК РФ «Применение запрещенных средств и методов ведения войны». Она также отражает Нюрнбергские положения, но в большинстве своем идентична им. Так, убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения; убийства или истязания военнопленных соответствуют части первой ст. 356, которая предусматривает ответственность за «жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортация гражданского населения» [5], но здесь уже наблюдается отличие. В УК Российской Федерации не предусмотрена как часть состава военного преступления убийство гражданского населения, и военнопленных, что, на мой взгляд, является упущением законодателя. Да можно привлечь к ответственности по ст. 105 УК РФ за убийство, но это не будет считаться военным преступлением, и фактически при отсутствии прямого приказа на убийство конкретных гражданских лиц или военнопленных позволит избежать ответственности руководителям, возложив ответственность на исполнителей.

К преступлениям, за которые привлекали к уголовной ответственности на Нюрнбергском процессе, являются: «ограбление государственной, общественной или частной собственности; разрушение или разграбление культурных ценностей». Это соответствует части первой ст. 356 УК РФ которая предусматривает ответственность за: «разграбление национального имущества на оккупированной территории». Хотя, как видно, российский законодатель сильно упростил формулировки, убрав общественную и частную собственность, а государственную заменил национальной. Также в УК Российской Федерации не предусмотрена ответственность за разрушение и разграбление культурных ценностей. Да, в УК Российской Федерации есть ст. 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность», но она находится в разделе VIII

«Преступления в сфере экономики», главе 21 «Преступления против собственности» и потому не может классифицироваться как преступление против мира и безопасности человечества, так как изначально направлена против общеуголовной преступности. Аналогов же бессмысленного разрушения городов или деревень в российском уголовном законодательстве нет вообще.

Относительно преступлений против человечности, то нельзя не обратить внимание, что упор в обвинении делался на уничтожение славянских народов. Это свидетельствует о том, что самые большие потери во Второй мировой войне понес прежде всего именно СССР. Это, несмотря на то, что третий рейх в первую очередь проводил геноцид в том числе, в отношении лиц еврейской и цыганской национальностей. Уничтожение славянских и других народов; создание тайных пунктов для уничтожения мирных людей – этим пунктам соответствует ст. 357 УК РФ «Геноцид». В данном случае российские законодатели более подробно проработали формулировки, и, хотя в статье не упоминается создание тайных пунктов для уничтожения мирных людей, однако в ней расписаны все возможные методы геноцида.

Исходя из перечисленного можно сделать выводы, что Нюрнбергский процесс послужил основой для создания международного уголовного права, также на его основе были созданы несколько статей в Уголовном кодексе Российской Федерации, содержащиеся в специальном разделе, но при этом в некоторых моментах российские статьи недостаточно проработаны, в то время как в других превосходят формулировки Нюрнбергского суда.

Список цитированных источников

1. Нюрнбергский процесс. Главный суд XX века в фактах и цифрах [Электронный ресурс] // История.рф. – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/niurnberghskii-protsiess-glavnyi-sud-khkh-vieka-v-faktakh-i-tsifrakh-1>. – Дата доступа: 23.10.2023.

2. Нюрнбергский процесс: кого и чему учит история [Электронный ресурс] // Новые известия. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/2020-11-21/nyurnbergskiy-protsess-kogo-i-chemu-uchit-istoriya-311934>. – Дата доступа: 23.10.2023.

3. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : 26 июня 1945 г. : подписан в Сан-Франциско (с изм., внесенными: резолюцией Генер. Ассамблеи ООН от 16 сент. 2005 г. № 60/1) // ООН. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа: 23.10.2023.

4. Нюрнбергский процесс: история и современность [Электронный ресурс] // Мин-во обороны Рос. Федерации. – Режим доступа: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=12079489%40cmsArticle. – Дата доступа: 23.10.2023.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года : в ред. Закона Рос. Федерации от 03.04.2023 г. // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАК ОСНОВА МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Терехова Е. М.

Российская Федерация, г. Орел
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова,
адъюнкт

Приговор Нюрнбергского трибунала вошел в историю как серьезный удар по фашизму, как грозное предупреждение поджигателям войны и военным преступникам [1, с. 214]. Однако в последнее десятилетие все актуальнее звучит высказывание Р. Штакельберга и Салли А. Уинкла: «Чем дальше от нас события из истории нацистской Германии, тем ощутимее их присутствие в нашей памяти» [2, с. 9], что было продемонстрировано в канадском парламенте 22.09.2023 овациями Ярославу Гунько, служившему в годы Второй мировой войны в 1-й украинской дивизии (СС «Галиция»/«Галичина») [3].

Нюрнбергский процесс определил генезис становления международного уголовного права, в связи с этим итоги работы Трибунала легли в основу значительного числа конвенциональных нормативно-правовых актов – источников международного права, сформировав тем самым такой правовой пласт, который именуется большинством исследователей и правотворцев, как «Нюрнбергское наследие» [4, с. 9]. Конвенциональные соглашения между странами фактически явились правовым первоисточником для норм отечественного уголовного законодательства, охраняющих мир и безопасность человечества, они не только декларируют общепризнанность противоправности нацизма и его проявлений в современном мире, но и формируют систему мер реагирования на акты его реабилитации, главной целью которых является предупреждения и недопущения всеми законными средствами (включая и установление уголовно-правового запрета в национальном законодательстве) совершения подобных международных преступлений [5, с. 104].

В Российской Федерации с 2014 г. ст. 354.1 Уголовного кодекса установлена ответственность за реабилитацию нацизма. В Республике Беларусь в 2021 г. принят Закон «О недопущении реабилитации нацизма», сущностную основу которого составил Модельный закон Содружества Независимых Государств «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» [6, с. 191].

До 2019 года число регистрируемых в России фактов реабилитации нацизма не превышало 20 преступлений в год, однако в последующем,

их количество возросло, так в 2020 году зарегистрировано 40 преступлений, в 2021 – 89, в 2022 – 131 [7]. Приведенные данные, констатируют потребность правоприменителей в качественных и апробированных методических рекомендациях по расследованию преступлений данного вида. В криминалистике, основой такой методики традиционно выступает криминалистическая характеристика преступления.

Проведенный нами анализ статистики и судебно-следственной практики, позволяет представить структуру криминалистической характеристики преступлений данного вида, как состоящую из следующих элементов: 1) личность преступника, мотив преступного посягательства; 2) предмет преступного посягательства; 3) способ совершения преступления; 4) обстановка совершения преступления; 5) орудия и средства совершения преступления; 6) следы преступления. Рассмотрим их более подробно.

Личность преступника. Уголовная ответственность по ст. 354.1 УК РФ наступает по общему правилу, для лиц, достигших возраста 16 лет. Рассматриваемые преступления совершены только лицами мужского пола в возрасте от 16 до 48 лет, при этом отмечается, что каждый подсудимый имеет полное среднее образование (с изучением курса «Истории»). К иным данным пришли С. И. Рабазанов и М. В. Ромашова, отмечающие лиц молодого возраста до 24 лет (50 %), несовершеннолетних (3 %) и лиц старше 50 лет (7 %) [8, с. 88].

Мотивом совершения реабилитации нацизма является идеологическая ненависть, подобный мотив выступает как средство достижения определенной идеи [9, с. 49–61].

Предмет преступного посягательства реабилитации нацизма – объекты и информационные фото-видео-аудио, текстовые материалы, демонстрирующие: нацистских преступников, признанных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, с описанием либо аудио сопровождением об оправдании преступлений данных лиц, распространением заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны; символы воинской славы на которые накладываются различные надписи, запрещенная к демонстрации символика, жесты, их оскверняющие либо несущие в себе смысловую нагрузку запрещенную уголовным законом.

Способы совершения преступления фактически отражены в диспозиции статьи УК РФ, ими являются: отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси; одобрение преступлений, установленных указанным приговором; распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны; распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воин-

ской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества; осквернение символов воинской славы России; оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

Тем не менее это наиболее явные, лежащие на поверхности, способы, требующие своих приемов, таких как использование информационно-телекоммуникационных технологий, сети Интернет, средств массовой информации, устных выступлений, письменных сообщений, содержащих противоправные сведения, данные приемы могут быть направлены как в отношении конкретного лица – ветерана Великой Отечественной войны, так и событий, указанных в ст. 354.1 УК РФ; помимо этого, в отношении символов воинской славы возможны физические действия.

Обстановка совершения преступления характеризуется такими элементами как время и место. Нами отмечено, что период совершения преступления связан с наступлением памятных дат о событиях Второй Мировой войны и особенно Дня победы в Великой Отечественной войне, что прослеживается в 68 % изученных уголовных дел. Согласно нашему исследованию, время совершения преступлений достаточно вариативно и взаимосвязано с социальным положением виновного, так трудоустроенные лица совершают преступление в ночное время, а нетрудоустроенные – в дневное. Однако, авторы отмечают иные интервалы, например, А. А. Бессонов указывает на утренние часы с 9 до 12 и вечерний с ночным периоды с 18 до 1 часа [10, с. 5–8], а Е. И. Скороделова – вечернее время с 20 до 24 часов [11, с. 123–131].

География совершения реабилитации нацизма, аналогична общему уровню преступности в Российской Федерации, наибольшее суммарное число возбужденных уголовных дел фиксируется в густонаселенных регионах Центрального Федерального округа [7].

Орудиями и средствами, способствующими совершению реабилитации нацизма, могут выступать: телекоммуникационные устройства с любым доступом к Сети (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны); устройства, с помощью которых возможно нарушение целостности объектов и их внешнего вида (краски, кисти, аэрозольные баллончики, инструменты – топоры, молотки, кувалды, ломы, различные транспортные средства); устройства для изготовления печатной продукции, а также листовки, буклеты и пр.; оборудование и материалы для изготовления средств наглядной агитации, а также баннеры, плакаты, фасадные изображения и пр.; информационные материалы – статьи, комментарии, фото-видеоматериалы и пр.); атрибуты нацистского содержания – символы, форменная одежда, литература.

Следы преступного посягательства реабилитации нацизма представлены цифровыми, материально-отображаемыми и идеальными. Цифровые следы возможно условно сгруппировать, в зависимости

от того где их можно обнаружить: в цифровом пространстве (страница социальной сети, аккаунт в мессенджере, блоги, форумы, почтовый сервер, иной сетевой ресурс), либо в памяти устройств (мобильном, компьютерном устройствах, электронном носителе информации). Их основными характеристиками является опосредованность через электронный носитель информации, а также возможность: одновременного доступа двух и более лиц; копирования на различные виды электронных носителей информации; дистанционной модификации или уничтожения [12, с. 153].

Традиционно материально отображаемые – следы предмета, следы вещества (потожировые следы пальцев рук, следы биологического происхождения и пр.), сохранившиеся, например, на используемых устройствах.

Идеальные следы заключаются в показаниях: пользователей Сети, которые ознакомились с информацией, оправдывающей нацизм и которым известно о лице, разместившем данную информацию; родственников и знакомых подозреваемого (обвиняемого), которым достоверно известны обстоятельства использования им технических устройств с доступом в Интернет и которые могут охарактеризовать личность виновного; преподавателей виновного лица, который возможно проявлял радикальный настрой во время обучения.

Таким образом, криминалистической характеристики реабилитации нацизма характерен свой состав элементов, которые в совокупности могут дать полную и значимую информационную картину события преступления, на начальном этапе расследования при дефиците исходных данных. Тем самым криминалистическая характеристика имеет непосредственную практическую значимость для следственных работников, занимающихся расследованием данных преступлений.

Список цитированных источников

1. Ромашкин, П. С. Преступления против мира и человечества / П. С. Ромашкин ; Акад. наук СССР Ин-т государства и права. – М. : Изд-во «НАУКА», 1967. – С. 214.
2. Stackelberg, R. The Nazi Germany Sourcebook: An Anthology of Texts / R. Stackelberg, S. A. Winkle. – L. : Routledge, 2002. – 496 p.
3. Скандал с украинским нацистом в канадском парламенте вызвал гнев читателей зарубежных СМИ [Электронный ресурс] // Электр. периодическое издание «МК.ru». – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2023/09/25/skandal-s-ukrainskim-nacistom-v-kanadskom-parlamente-vyzval-gnev-chitateley-zarubezhnykh-smi.html>. – Дата доступа: 24.10.2023.
4. Иванов, А. Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Ю. Иванов. – Ставрополь, 2017. – 183 с.
5. Советова, М. В. О роли «Нюрнбергского наследия» в процессе криминализации реабилитации нацизма в российском уголовном законодательстве /

М. В. Советова // Ученые записки Казанского юрид. ин-та МВД России. – 2023. – Т. 8, № 1 (15). – С. 99–106.

6. Мартыненко, И. Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь / И. Э. Мартыненко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. – 2022. – № 1 (48). – С. 191.

7. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации. – Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen. – Дата доступа: 24.10.2023.

8. Рабазанов, С. И. Особенности уголовного судопроизводства по делам о реабилитации нацизма, совершенных с использованием сети Интернет / С. И. Рабазанов, М. В. Ромашова // Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 85–93.

9. Аристархова, Т. А. Мотивы совершения преступлений экстремистской направленности против прав и законных интересов человека и гражданина в системе их криминалистической характеристики / Т. А. Аристархова // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 4–2. – С. 49–61.

10. Бессонов, А. А. Некоторые особенности расследования преступлений, связанных с реабилитацией нацизма / А. А. Бессонов // Противодействие проявлениям фашизма в современном обществе : материалы круглого стола, Москва, 16 нояб. 2017 г. / под общ. ред. А. М. Багмета. – М. : Московская акад. Следственного комитета Рос. Федерации, 2017. – С. 5–8.

11. Скорodelова, Е. И. Реабилитация нацизма как объект криминалистического исследования / Е. И. Скорodelова // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 123–131.

12. Давыдов, В. О. Расследование мошенничества, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: современные возможности / В. О. Давыдов, И. В. Тишутина // Уголовно-правовое воздействие на бизнес ; под ред. Э. Л. Сидоренко [и др.]. – М. : Проспект, 2021. – С. 153.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ НАН БЕЛАРУСИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Трубчик П. А.

Республика Беларусь, г. Минск,
Институт истории НАН Беларуси,
заместитель директора по научной работе,
кандидат исторических наук, доцент

Проблематика истории Великой Отечественной войны является ключевой в исследованиях ученых Института истории НАН Беларуси. Центром военной истории Беларуси – подразделение Института истории, созданное на базе отдела военной истории и межгосударственных

отношений (тот, в свою очередь, являлся наследником сектора истории Великой Отечественной войны) за последние несколько лет проведена значительная работа по исследованию и популяризации событий Великой Отечественной войны. Кроме того, сотрудники других подразделений института занимаются исследованиями отдельных аспектов истории Беларуси периода нацистской оккупации. В течение последних 20 лет сотрудники института подготовили и издали важные авторские и коллективные монографии, сборники научных статей и материалов международных научных конференций, учебников и учебных пособий, справочных и энциклопедических изданий, которые уже стали базой для разработки курса истории Великой Отечественной войны для школ и вузов, а также структуры молодежной политики государства в сфере патриотического воспитания. И работа продолжается.

Современный этап исследования истории Беларуси периода Великой Отечественной войны стоит отсчитывать от 1999 года – издания сборника научных статей «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: пытанні гістарыяграфіі і крыніцазнаўства» [1]. Авторы этого сборника фактически нарисовали карту для себя и своих последователей: обозначили максимально разработанные проблемы, определили 10 важнейших направлений и степень их исследованности, обозначили наиболее актуальные вопросы, которые нуждаются в изучении и освещении.

В течение 2005–2022 гг. издано несколько фундаментальных трудов, подготовленных на основе архивных документов, многие из которых впервые вводились в научный оборот, и последних достижений белорусской и зарубежной историографии. Среди наиболее значимых изданий следует отметить: «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945»; «Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне», было переиздано дважды – в 2016 и 2020 гг. На сегодняшний день это самое полное научное издание по истории Беларуси периода Второй мировой и Великой Отечественной войн [2–5]. В результате были детально освещены важнейшие события, происходившие на территории Беларуси накануне и в годы Великой Отечественной войны: события 1939 года и воссоединение БССР и Западной Беларуси, политики советского государства и военного строительства на присоединенных к БССР территориях, оборонительные бои в разных регионах Беларуси летом 1941 года, массовый героизм на фронтах Великой Отечественной войны, проявленный представителями нашей республики, от рядового до генерала. Исследованы социальные процессы на разных этапах войны, повседневная жизнь гражданского населения на оккупированной нацистами и освобожденной Красной Армией территории республики, детали массовой партизанской борьбы белорусского народа, участия наших земляков в сражениях на разных фронтах – в том числе в составе войск антигитлеровской коалиции и европейском движении Сопротивления, особенно актуальная ныне «война пропаганд» – советской и немецкой – на оккупированной и освобожденной террито-

рии. Подняты и исследованы вопросы коллаборационизма на оккупированной территории Беларуси, воплощение политики геноцида мирного населения, угона его на принудительные работы в Германию и другие европейские страны. Проанализирована трагическая для Беларуси проблема подсчета людских потерь, понесенных нашей республикой в годы Великой Отечественной войны.

Отдельно следует обозначить крупные международные проекты, реализованные совместно с учеными других стран СНГ. Крупнейшим таким проектом стало издание «Страна в огне», созданное совместными усилиями российских и белорусских ученых (первая часть подготовлена также при участии украинских историков). Всего в рамках проекта в 2011 и 2017 гг. было издано шесть книг [6–11]. Основной целью являлось всесторонне и объективно исследовать главные страницы истории борьбы советского народа с захватчиками в 1941–1945 гг. Издания подготовлены ведущими военными историками на базе Института всеобщей истории Российской Академии наук и Института истории Национальной Академии наук Беларуси. При подготовке материалов использованы как опубликованные документы из фундаментальных трудов, так и новые, ранее недоступные исследователям архивные материалы Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Президентской библиотеки Франклина Рузвельта, целого ряда российских региональных и зарубежных архивохранилищ. Коллектив авторов труда «Страна в огне» был в 2018 году удостоен Премии Российской академии наук и НАН Беларуси в области гуманитарных и социальных наук.

Также в 2014 году был опубликован совместный фундаментальный труд ученых Института истории НАН Беларуси и российских исследователей «Освобождение Беларуси. 1943–1944» [12]. Наряду с анализом положения оккупированной территории Беларуси к началу ее освобождения осенью 1943 г., особенностей нацистской оккупации и партизанской борьбы белорусского народа, основное содержание книги посвящено ходу и результатам боевых действий, подготовки и реализации военных операций, успехов и неудач советских войск на разных этапах освобождения. На данный момент это самое полное и подробное издание по истории всех этапов освобождения территории Беларуси от нацистской оккупации в 1943–1944 гг., затронуты там и первые попытки освобождения республики весной – осенью 1942 года.

Важной составляющей интеграционных процессов в рамках Союзного Государства Беларуси и России является формирование основ общего образовательного пространства. С этой целью в 2018 году по поручению Министерства образования и науки Российской Федерации и Министерства образования Республики Беларусь была сформирована рабочая группа историков России и Беларуси по подготовке серии пособий под общим названием «Россия и Беларусь: страницы общей истории».

В результате в 2020 году под редакцией А. А. Ковалени и Е. И. Пивовара подготовлено три выпуска учебного пособия «История Великой Отечественной войны» (широкоформатное, полноцветное, с наличием сканов архивных документов). Пособие является результатом объединенных усилий ученых Института истории НАН Беларуси, Института российской истории РАН, Российского государственного гуманитарного университета, МГУ имени М. В. Ломоносова, Московского педагогического государственного университета. Предназначено для учителей истории Беларуси и России, а также для преподавателей исторических и других гуманитарных дисциплин в вузах, школьников и студентов, соотечественников, проживающих за рубежом, может быть использовано при преподавании истории в других странах СНГ.

Неотъемлемой частью работы ученых НАН Беларуси было проведение международных научных конференций, посвященных различным аспектам истории Великой Отечественной войны. Публикация сборников научных статей на основе материалов этих конференций позволяет оценить огромные масштабы развития исторической науки в Беларуси и странах СНГ: достижений историографии, особенностей оккупационного режима, партизанского движения, информационного противоборства на территории Беларуси, процессов восстановления на освобожденной территории БССР, увековечения памяти о Великой Отечественной войне в Беларуси, сохранению трагедии и подвига в исторической памяти белорусского народа. Такие конференции проводились в Минске, Гомеле, Бресте в 2004, 2010, 2014, 2015, 2020, 2021, 2023 гг. Все они были приурочены к юбилейным годовщинам начала и окончания Великой Отечественной войны, освобождения Беларуси. А опубликованные на основе материалов этих конференций сборники являются ценными единицами белорусской историографии. На их основе впоследствии могут быть созданы новые серьезные научные труды.

Сегодня изучение героических событий Великой Отечественной войны является как никогда актуальным. Нападение нацистской Германии и ее союзников на СССР в 1941 г. поставило под вопрос дальнейшее существование многих народов Советского Союза, в том числе и белорусского.

Генеральная прокуратура Республики Беларусь в апреле 2021 года возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Ученые Института истории НАН Беларуси проводят совместную работу по расследованию фактов геноцида. Начатый уголовный процесс направлен на установление конкретных лиц из числа немецких захватчиков и их пособников, которым удалось избежать ответственности за убийства мирных жителей, издевательства и пытки в концлагерях и гетто, массовый угон гражданского населения в немецкое рабство. Сведения из уголовного дела позволят поставить перед международными организаци-

ями вопрос о признании Беларуси пострадавшей от геноцида, пресечь попытки обесценить историческую правду.

В целях дальнейшего увековечения и сохранения памяти поколения победителей Национальная академия наук Беларуси выступила инициатором всебелорусской акции «Народная летопись Великой Отечественной войны: вспомним всех!». Данная инициатива получила живой отклик в обществе, уже изданы 3 книги народной летописи, готовятся к изданию последующие тома.

Список цитированных источников

1. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства : зб. арт. – Мінск : Беларус. навука, 1999. – 253 с.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. коллектива) [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
3. Беларусь 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память : в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А. А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2010. – Кн. 1, т. 1. – 480 с. ; т. 2. – 358 с.
4. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне / А. М. Литвин [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2015. – 495 с.
5. От Бреста до Нюрнберга : материалы междунар. конф. и круглых столов. – М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 416 с.
6. 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1. Очерки. – 720 с.
7. 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2. Документы и материалы. – 720 с.
8. Страна в огне : в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 1. Документы и материалы / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков ; ред.-сост. Д. В. Суржик. – М. : Абрис, 2018. – 512 с.
9. Страна в огне : в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 1. Очерки / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М. : Абрис, 2018. – 734 с.
10. Страна в огне : в 3 т. Т. 3. Освобождение. 1944–1945 : в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / отв. ред. А. М. Литвин, М. Ю. Мягков ; ред.-сост. Суржик Д. В. – М. : Абрис, 2017. – 510 с.
11. Страна в огне : в 3 т. Т. 2. Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. Кн. 2. Документы и материалы / отв. ред. А. М. Литвин, Ю. А. Никифоров. – М. : Абрис, 2017. – 542 с.
12. Освобождение Беларуси. 1943–1944. / ред. кол. И. И. Басик, А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 944 с.

ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ НЮРНБЕРГСКОГО ТРИБУНАЛА

Шевцов Ю. Л.

Республика Беларусь, г. Минск,
Международный университет «МИТСО»,
первый проректор,
кандидат юридических наук, доцент

Нюрнбергский судебный процесс сыграл исключительно важную роль в прогрессивном развитии современного международного права, закрепил итоги Второй мировой войны, являлся самым крупным и значительным в истории мировой цивилизации международным уголовным судебным процессом. В работе трибунала принимали участие ведущие члены антигитлеровской коалиции, внесшие существенный вклад в разгром фашизма. Впервые в истории за военные преступления, преступления против мира и человечности к уголовной ответственности были привлечены лица, виновные в развязывании Второй мировой войны и гибели десятков миллионов людей, которым был вынесен справедливый приговор, одобренный всем мировым сообществом.

Важнейшие международно-правовые нормы современности – это прямое наследие Нюрнберга. Они до сих пор задают прогрессивные направления развития международного гуманитарного права и международного уголовного права, создали основу правовых документов о тягчайших международных преступлениях – военных преступлениях, геноциде, преступлениях против человечности, преступлении агрессии [1].

Основополагающие принципы современного международного уголовного права и общий перечень международных преступных деяний были сформулированы в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), принятом в Лондоне 8 августа 1945 года [2]. Затем перечень преступлений был расширен в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. [3] и Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанном Комиссией международного права ООН [4].

По мнению профессора Герхарда Верде, именно Устав Нюрнбергского международного военного трибунала может считаться «свидетельством о рождении» международного уголовного права [5].

Как известно, к числу принципов международного уголовного права относятся:

- право на жизнь;
- ограниченный характер применения наказания в виде смертной казни, когда смертные приговоры в странах, которые не отменили смертную казнь, могут выноситься только за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, который действовал во время их совершения. Каждый, кто приговорен к смертной казни, имеет право ходатайствовать о помиловании или о смягчении приговора. Смертный приговор не выносится за преступления, совершенные в возрасте до восемнадцати лет, и не может быть исполнен в отношении беременной женщины;

- право на свободу и личную неприкосновенность, когда никто не может быть лишен свободы не иначе как по основаниям и в соответствии с процедурой, которые установлены законом. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право обжаловать его в суде, который безотлагательно мог вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться об освобождении, если задержание незаконно;

- запрет пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказаний;

- право лиц, лишенных свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности;

- равенство всех лиц перед судами и трибуналами;

- неотвратимость ответственности;

- презумпция невиновности, когда каждый обвиняемый в преступлении считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана согласно закону;

- запрет медицинских или научных опытов без свободного согласия лица;

- право апелляции на судебные постановления, когда каждый, кто осужден за какое-либо преступление, имеет право на обжалование и пересмотр его приговора вышестоящим судом;

- никто не должен быть судим или наказан вторично за преступление, за которое он уже отбыл наказание или был оправдан в соответствии с законом каждой страны;

- принцип обратной силы закона, когда уголовный закон, который устанавливает уголовно-правовой запрет, не имеет обратной силы. Также не может быть назначено более тяжкое наказание, чем то, которое было установлено законом на момент совершения уголовно-наказуемого деяния;

- более мягкий уголовный закон имеет обратную силу и подлежит применению.

Принципы, сформулированные в Уставе Нюрнбергского трибунала, в дальнейшем были конкретизированы и развиты во Всеобщей

декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и ряде других последующих документов.

В международном уголовном праве некоторые классические уголовно-правовые принципы имеют особое содержание и могут иметь двойное значение. Их следует трактовать ограниченно, поскольку многие толкования выходят за проверенные временем подходы классической школы уголовного права, что не может не вызывать беспокойства.

Принцип об ответственности только за деяние, которое признано преступлением согласно закону соответствующего государства (*nullum crimen sine lege*), трансформировался, и уголовная ответственность субъекта наступает за деяние, которое признано преступлением на момент его совершения нормами международного уголовного права. Признание деяния преступлением возможно на основании любой международно-правовой нормы как писаного, так и неписаного характера (обычай).

Принцип неотвратимости ответственности виновного лица состоит в том, что лицо подлежит ответственности независимо от того, предусматривается ли национальным уголовным законодательством ответственность за совершенное деяние или нет. Но список этих преступлений носит строго ограниченный характер.

Особенности принципа согласно которому никто не должен быть дважды судим за одно и то же преступление (*ne bis in idem*) изложены в Римском статуте Международного уголовного суда (далее – МУС) [3], предусматривающем, что никакое лицо, которое было судимо другим судом за преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии, не может быть судимо Международным уголовным судом за то же деяние, но кроме двух случаев. А именно если разбирательство в суде государства: 1) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию суда; 2) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что в соответствующих обстоятельствах не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию (ст. 20). Следовательно, Римский статут допускает возможность повторного привлечения лица к уголовной ответственности за международное преступление, если соответствующее деяние не получило надлежащей (?) правовой оценки в суде государства. И данная особенность, как и предыдущие, могут быть политически ангажированными. Так, о геноциде палестинцев предпочитают не говорить в случае с бомбежками и обстрелами Израилем сектора Газа, где сейчас погибают гражданские лица, в том числе значительное число детей, как результате неадекватно жесткого ответа Израиля при поддержке США.

К юрисдикции Нюрнбергского трибунала были отнесены три типа преступлений:

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны, убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления.

в) преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

В проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества содержится более широкая редакция по вопросу о том, что никто не привлекается к ответственности за преступление против мира и безопасности человечества, если данное лицо уже было окончательно осуждено или оправдано МУС. В ч. 2 ст. 11 проекта [4] предусмотрено, что лицо не может быть вновь привлечено к судебной ответственности за преступление, за которое оно уже было окончательно осуждено или оправдано национальным судом, за исключением: а) в случае МУС, если: 1) деяние, которое являлось основанием для приговора, вынесенного национальным судом, было квалифицировано этим судом как общеуголовное преступление, а не как преступление против мира и безопасности человечества; 2) судебное разбирательство в национальном суде не являлось беспристрастным или независимым, или преследовало цель укрыть обвиняемого от международной уголовной ответственности, или если судебное дело не велось с должной тщательностью; б) в случае национального суда другого государства, если: 1) деяние, которое являлось основанием для ранее вынесенного приговора, имело место на территории данного государства; 2) данное государство явилось основной жертвой преступления. Указанная возможность непризнания приговора суда одного государства национальным судом другого государства получила неоднозначную оценку.

Принцип неприменения срока давности к военным преступникам и виновным в совершении преступлений против мира и безопасности человечества является в международном праве основанием для реализации ответственности по истечении даже значительного промежутка времени. Он установлен Международной конвенцией от 26 ноября 1968 г. «О неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества» [6]. Значимость этого принципа подтверждают сообщения об имеющих место и в настоящее время судебных процессах об осуждении военных преступников за совершенные ими преступления в период Второй мировой войны.

В международном уголовном праве важным является принцип недопустимости ссылок на официальный статус. Должностное положение лица, совершившего преступление по международному праву, не освобождает его от уголовной ответственности. Международные преступления и преступления международного характера могут совершаться высокопоставленными должностными лицами, которые не признаются обладающими иммунитетом от судебного преследования и подлежат уголовной ответственности. Указанный принцип был закреплен в Уставе Нюрнбергского трибунала, согласно которому должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств и ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания (ст. 7) [2].

Принцип универсального действия уголовного закона означает распространение уголовной юрисдикции государства на деяния, признанные преступными международным правом, независимо от гражданства лиц, их совершивших, и места совершения преступления.

Принцип недопустимости ссылок на военный приказ заключается в том, что исполнение лицом преступного приказа своего правительства или военачальника не освобождает это лицо от ответственности, если сознательный выбор был фактически возможен. Наряду с этим уже в IV Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. был сформулирован принцип ответственности армейских командиров за непринятие мер относительно противоправного поведения подчиненных им военнослужащих.

В сегодняшней сложной международной обстановке система органов ООН утрачивает позиции. Система международной уголовной юстиции также дискриминирует себя. Так, Палата предварительного производства МУС выдала ордера на арест двух лиц в контексте ситуации в Украине: Президента Российской Федерации Владимира Путина и уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Марии Львовой-Беловой. Выдача данных ордеров иначе как нонсенсом на фоне событий в Газе не назовешь, где уже погибли несколько тысяч детей.

Национальные уголовные суды далеко не всегда способны осуществить правосудие по делам о международных преступлениях, как и международные суды часто встают на позиции защиты узко понятых национальных интересов. Важным международным судебным органом в сфере уголовного права был призван стать постоянно действующий МУС. Однако связанный с политикой и национальными интересами, данный орган не выступает в качестве центрального элемента международного уголовного права.

Процесс участия в Римском статуте МУС имеет неоднозначный характер. Так, в 2002 году Соединенные Штаты Америки приняли решение об отказе в участии в Римском статуте МУС. Решение стать участниками Римского статута не приняли такие крупные государства, как Китай, Индия, Турция. 16 ноября 2016 г. президент Российской Федерации направил Генеральному секретарю ООН уведомление о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута МУС, подписанного от имени Российской Федерации 13 сентября 2000 г. В российской научной литературе относительно деятельности и юрисдикции международных судов «западной формации» существует мнение, что это не что иное, как средство вмешательства во внутренние дела государств [9].

Ранее международные трибуналы образовывались как судебные учреждения *ad hoc*, часть из которых (Нюрнбергский, Токийский трибуналы) уже выполнила свою историческую миссию. В 1994 году были образованы два специальных трибунала: Международный трибунал по бывшей Югославии и Международный трибунал по Руанде.

Наряду с указанными международными судебными учреждениями создавались «смешанные» суды и трибуналы, в которых были представлены как международные, так и национальные судьи (например, суд ООН по преступлениям, совершенным «Красными кхмерами» во время их правления, Косовский суд ООН и др.).

Применительно к делам о военных преступлениях является общепризнанным, что Нюрнбергский трибунал стал крупнейшим политико-правовым достижением своей эпохи, а ключевым фактором его успеха стало единодушие государств при его создании, в ходе его работы и при оценке ее результатов.

В соответствии с опытом Нюрнбергского трибунала справедливое международное правосудие может и должно быть результатом только коллективных усилий. Его основой выступает неукоснительное соблюдение норм международного права, беспристрастность и признанный международным сообществом авторитет.

Нюрнбергский процесс – знаковое событие и в контексте противодействия попыткам переписать историю Второй мировой войны. Важно не допустить обращения истории Нюрнберга против тех, кто освободил

Европу от фашизма и тем самым заложил основы современной системы международных отношений и международного права.

Список цитированных источников

1. Заявление глав государств – участников СНГ по случаю 70-летия завершения работы Нюрнбергского трибунала [Электронный ресурс] : 16 сент. 2016 г. // Исполн. комитет СНГ. – Режим доступа: <https://cis.minsk.by/page/19229>. – Дата доступа: 20.10.2023.

2. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] // Электр. фонд правовых и нормативно-техн. документов. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901737883>. – Дата доступа: 20.10.2023.

3. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf). – Дата доступа: 20.02.2020.

4. Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml. – Дата доступа: 20.02.2020.

5. Верде, Г. Принципы международного уголовного права / Г. Верде. – М. : Транслит, 2011. – С. 9.

6. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml. – Дата доступа: 20.02.2020.

7. Современные проблемы международного и евразийского правосудия : материалы междунар. науч.-практ. конф., Воронеж, 6 окт. 2017 г. / под ред. Ю. Н. Старилова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – Вып. 10. – 152 с.

ОТ НЮРНБЕРГА (1935) ДО НЮРНБЕРГА (1945): ИСТОРИОГРАФИЯ РАСОВОЙ ОСНОВЫ РУСОФОБИИ

Шумилов В. Г.

Республика Беларусь, г. Минск

Институт истории НАН Беларуси,

ведущий научный сотрудник центра всеобщей истории,

международных отношений и геополитики,

кандидат военных наук, доцент

С приходом к власти А. Гитлера в Германии в 1933 году все государственные институты стали проводниками тоталитарной нацистской идеологии, связанной с террористическими методами власти, официальной градацией всех наций по степени полноценности, пропагандой

превосходства одних наций над другими, сопровождавшейся преступлениями против мира, военными преступлениями, преступлениями против человечности, геноцидом, признанными таковыми Нюрнбергским международным военным трибуналом в 1945 году для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси.

С 1934 г. нацистами осуществлялась программа расовой гигиены «Операция Т-4», которая предусматривала истребление или стерилизацию жителей Германии, страдающих психическими расстройствами, умственно отсталых и больных с отягощенной наследственностью [1]. Мероприятия программы «Т-4» осуществлялись не только на всей территории Германии, но и на оккупированных территориях: прежде всего на территории Польши, а затем и на территории СССР. Согласно плану «Ост», захваченная немцами территория до Урала должна была быть очищена от «нежелательных элементов», к которым относились и душевнобольные [2].

Во время Великой Отечественной войны в тылу немецких войск были созданы оперативные группы «А», «В», «С» и «D», подчинявшиеся войскам вермахта и занимавшиеся «чисткой» оккупированных территорий – массовыми убийствами евреев, партийных работников, партизан, цыган и пациентов психиатрических больниц. Эти группы имели организационную связь с главным бюро эвтаназии «Т-4». Основными методами убийства являлись массовые расстрелы, отравление газом в машинах-душегубках или газовых камерах, отравление медикаментами, взрывы, голодная смерть и замерзание [3].

Лица с психическими нарушениями явились (в частности, на территории Белоруссии) одними из первых жертв наступавших войск, жертвами пьяных солдат, а затем и полицейских – как местных, так и прибывших из других регионов. Проводились, кроме того, целенаправленные спланированные акции: целью их была конфискация материальных ценностей и так называемая «спецобработка», в ходе которой уничтожались цыгане, евреи, душевнобольные, «бандиты», уголовники, коммунисты и «асоциальные элементы» [4].

В тоже время после начала евгенической программы Т-4 в Германии 15 сентября 1935 г. были приняты «Нюрнбергские расовые» законы: Закон «О гражданине Рейха» и Закон «О защите немецкой крови и немецкой чести». Особые правила устанавливались с представителями еврейской национальности. Наряду с расовой теорией в немецком обществе насаждалась нацистская идея «жизненного пространства», предполагающая захват территорий других государств для расселения на них десятков миллионов немцев. В книге А. Гитлера «Моя борьба» указывалось, что жизненное пространство следует искать в Восточных территориях, – главным образом в России и связанных с ней окраинных государствах: *«...Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные госу-*

дарства, которые ей подчинены... Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории» [5].

Следовательно, идеология (доктрина) нацизма через Нюрнбергские расовые законы (1935 г.) и практика ее применения через программу «Т-4» послужила политическому руководству Германии оправдания для планирования агрессивной и захватнической войны в отношении СССР и реализации политики геноцида на оккупированных территориях, в том числе на территории БССР. Идеологической основой оккупационной политики были человеконенавистнические теории о «расовом превосходстве» немецкой нации над всеми другими; об «исторической необходимости» расширения «жизненного пространства» для немцев и их «неотъемлемом праве» на мировое господство.

В период Великой Отечественной войны на захваченной территории БССР нацистами был установлен жестокий и античеловеческий оккупационный режим. В его основе лежала целенаправленная и хорошо спланированная политика уничтожения «недочеловеков», максимального ограбления и использования народнохозяйственных ресурсов и богатств, постепенная колонизация и германизация захваченных территорий. Эта политика исходила из идеологической концепции гитлеровской Германии о «расовой неполноценности» восточных славян, изложенные в основополагающих работах академических расовых теоретиков (Ганс Гюнтер, Эгон фон Эйкштедт, Ильзе Швидецки, Эвальд Банзе) и лидеров (Адольф Гитлер, Генрих Гиммлер, Альфред Розенберг) германских нацистов, что позволяет составить целостную картину о месте восточнославянских народов в расовой иерархии Третьего рейха. Источником данной концепции явился трехтомный труд «Опыт о неравенстве человеческих рас» барона Артюра де Гобино [6], где показаны многочисленные совпадения этого расистского труда середины XIX в. как с расовыми картами нацистских идеологов, так и с практическими указаниями оккупационных чиновников в 1941 году.

Одним из малоисследованных «белых пятен» истории Великой Отечественной войны в советской, российской и белорусской историографии по сей день остается идеологический аспект нацистской «войны на Востоке». Прежде всего – столь важное для нацистов ее расовое содержание.

Первые материалы о злодеяниях оккупантов на захваченных территориях появились еще в период войны [7]. В целях накопления и научного изучения материалов о войне и проведения исторических исследований в Москве в январе 1942 г. при Академии наук была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, во главе которой встали профессор, начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров и член-корреспондент Академии наук СССР (позднее академик) И. И. Минц. Одним из направлений ее деятельности

был сбор материалов о преступлениях немцев и их пособников на оккупированных территориях СССР.

С первых месяцев войны на страницах советских газет стали постоянно появляться сообщения о чинимых нацистами расправах над мирным населением на оккупированных территориях страны. Такие публикации наталкивали на идею создания органа, который бы занялся учетом и расследованием военных преступлений. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. была организована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР.

В послевоенные годы темы, связанные с преступлениями нацистов, продолжали занимать одно из ведущих мест в советской историографии. В это время появляются первые обобщающие исследования (статьи монографии), в основе которых лежит значительный пласт архивных документов [8], а также выходят тематические сборники документов и воспоминаний [9]. В 1950–1970 гг. было издано большое количество мемуарной литературы бывших руководителей подпольных органов Коммунистической партии и комсомола, партизанских командиров, в которых нашли отражение сведения о преступлениях нацистов против мирного населения в конкретных районах Беларуси [10].

В Советском Союзе в 1960–1963 гг. вышло несколько объемных сборников документов – как переводных, так и отечественных – о преступлениях нацистов на оккупированных территориях и в концлагерях, где содержались советские граждане (военнопленные и угнанные в Германию мирные жители), многие из которых затем несколько раз переиздавались до 1968 г. Впервые широкое освещение тема уничтожения белорусских деревень в годы Великой Отечественной войны получила в сборнике документов «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944», изданном в 1963 и 1965 гг. Впервые широкое освещение тема уничтожения белорусских деревень в годы Великой Отечественной войны получила в сборнике документов «Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944», изданном в 1963 и 1965 гг.

Нового материала о характере нацистской истребительной войны на Востоке добавили материалы документальной экспозиции «Война Германии против Советского Союза, 1941–1945», открытой в Берлине к 50-летию нападения гитлеровской Германии на СССР. Ее материалы были переведены и изданы в 1992 г. на русском языке, катализируя процессы по осмыслению войны на Востоке, которой были посвящены ряд публикаций историков Рейнгарда Рюрупа и Вольфрама Ветте, вышедших на русском языке в 1994–1996 гг. [11]. Однако, подчеркивая расистский характер нацистской идеологии в отношении славян,

эти публикации были направлены прежде всего на то, что подобные идеи имели хождение в Германии еще во второй половине XIX–XX вв., до и в ходе Первой мировой войны. Однако расистские стереотипы – это еще не продуманная расовая идеология и политика.

А что же российская историческая наука? В 1990-е гг. выходило большое количество книг по истории Великой Отечественной войны, но идеологию нацистов чаще всего они игнорировали, как из-за заданного в предыдущие десятилетия фокуса исследования, так и из-за сложности работы с иноязычными и труднодоступными источниками. «В. А. Буханов, пожалуй, первый и единственный российский историк, попытавшийся заглянуть в научную лабораторию нацистских идеологов. В центре его внимания оказалось одно из наиболее влиятельных идеологических подразделений национал-социализма – так называемая «служба Розенберга», – отмечается в предисловии к переизданию монографии В. А. Буханова «Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945)», вышедшему в Екатеринбурге в 2013 г. [12]. В работах В. А. Буханова достаточно подробно разбирается – что ценно, по немецким первоисточникам, которые Буханов часто цитирует, – идеология нацизма, ее расовая составляющая. Но исследование Буханова затрагивает прежде всего нацистскую дипломатию и ее расистскую составляющую, но не расовую составляющую истребительной политики на Востоке».

Подобный подход был в те годы свойственен и западным исследователям. Например, в монографии «Раса», расизм и психология» британского профессора Грэхема Ричарда (1997 г.) нацистской расовой теории посвящен лишь краткий раздел [13], тогда как гораздо больше внимания уделено расовым теориям британских и даже еврейских интеллектов тех лет. Период между 1940 и 1945 гг. для Европы в книге вообще не разобран, хотя подробно рассматриваются расовые теории, обсуждавшиеся в эти годы в США. Можно предположить, что причина этого кроется в самом подходе исследователей к данной теме как к обзору отвлеченных от жизни теорий. Предполагалось, что одно дело расовые теории, а совсем другое – расовая истребительная практика.

В современной западной литературе эти вопросы изучаются более предметно. Расовые теории Третьего рейха и ее практического приложения изложены в капитальном исследовании научного сотрудника кафедры современной и новейшей истории Университета Фрайбурга Изабель Хайнеманн «Раса, поселения, немецкая кровь»: Главное управление СС по вопросам расы и поселения, и расовая перестройка Европы», впервые вышедшем в Геттингене в 2003 году [14]. В статье сотрудника Школы славянских и восточноевропейских исследований Глобального университета Лондона Эгберта Клаутке «Немецкая «расовая психология» и ее применение в Центральной Европе: Эгон фон Эйкштедт и Рудольф Гиппиус», опубликованной в 2007 году в сборнике «Кровь и Родина: Евгеника

и расовый национализм в Южной и Центральной Европе, 1900–1940», показано, как видные немецкие ученые участвовали в масштабных исследованиях по выявлению «расово полноценных» среди населения Силезии и оккупированной рейхом Польши и какое внимание проявляли к их деятельности и чиновники оккупационной администрации, и сотрудники Главного управления СС по вопросам расы и поселения.

Из российских публикаций большой интерес представляет статья И. Барина «Украинский вопрос в пропаганде и политике нацистской Германии», вышедшая в 2012 году в журнале «Вопросы национальной стратегии», так как в ней дана обширная подборка цитат немецкий расовых идеологов как периода Первой, так и Второй мировой войны по вопросу «расовой полноценности» украинцев, косвенно затрагивающая оценку нацистами и восточных славян в целом [15].

Несмотря на определенное количество используемых в современной литературе первоисточников, общей картины по исследуемому вопросу нет. Поэтому в советский и постсоветский периоды тема нацистских преступлений находилась в особом фокусе исторической науки Беларуси. В 1980–2000 гг. велась работа по систематизации материалов и выпуску многотомной хроники городов и районов Беларуси «Память». В каждом томе, посвященном определенному району, были представлены документы о преступлениях оккупантов, опубликованы списки погибших мирных жителей.

Прорывом в изучении истории Великой Отечественной войны стали 1990-е гг., в первую очередь в источниковедческом плане: засекреченные долгие годы архивные документы стали доступны общественности. Историки получили возможность исследовать малоизученные или ранее закрытые темы, используя документы архивов не только бывшего СССР, но и Германии, США и других стран. Ведущими научными центрами по изучению различных аспектов истории Великой Отечественной войны выступили Институт истории НАН Беларуси, Национальный архив Республики Беларусь, Музей истории Великой Отечественной войны, белорусские ВУЗы.

Появились глубокие исследования и публикации в тематике преступлений нацистов против гражданского населения, такие как: немецко-фашистский геноцид в Беларуси (1941–1944) [16], принудительные работы (белорусские остарбайтеры) [17], Холокост еврейского народа [18], нацистские лагеря в Беларуси [19], сожженные деревни [20], карательные операции захватчиков [21]. Издаются сборники по отдельным регионам БССР периода оккупации [22].

В начале 2000-х гг. преступления против гражданского населения стали объектом изучения через призму коллаборации и пособничества. У истоков изучения местных коллаборантов стояли белорусские ученые А. А. Коваленя [23] и А. М. Литвин [24]. Одной из форм нацистской политики геноцида и «выжженной земли» на оккупированной советской

территории было уничтожение деревень, часто вместе с населением. В сборнике «Сожженные деревни Белоруссии (1941–1944): документы и материалы», изданной в 2017 году [25], представлены документы, рассказывающие о нацистских преступлениях, совершенных на территории Белоруссии, большая часть которых опубликована впервые.

Научная систематизация документов, раскрывающих преступный характер действий нацистов против мирного населения, в отдельных изданиях по регионам Беларуси явился актуальной задачей для Национального архива Республики Беларусь, который совместно с Издательским центром фонда «Историческая память» опубликовали серию сборников по регионам Беларуси, в частности: «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область», изданный в 2022 году [26].

Сборник документов рассказывает о преступлениях, совершенных нацистами в годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории Минской области в ее современных границах. В него включено 395 документов, в том числе 312 из Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), 1 из Государственного архива Минской области, 38 из Центрального архива Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, 14 из Государственного архива Российской Федерации, 13 из Национального архива США, 2 из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

Среди них – документы военного времени двух воевавших сторон, немецкой и советской. Первая представлена приказами, распоряжениями, отчетами, сводками, донесениями и др. Большинство документов второй стороны находились в фондах Белорусского штаба партизанского движения, подпольных партийных и комсомольских органов, партизанских формирований, хранящихся в НАРБ. В их числе отчеты, справки, донесения, акты и др.

Таким образом, рассматривая историографию расовых основ русофобии Третьего рейха через призму советской, российской и белорусской историографии можно сделать вывод, что политика геноцида по отношению к славянскому народу – это была государственная политика гитлеровской Германии, поэтому их недолгий исторический путь от Нюрнберга (1935) до Нюрнберга (1945) был обречен.

Список цитированных источников

1. Рахмайлов, Е. В. Евгеника и расовая гигиена как социально-философская составляющая идеологии фашизма // Science and world. – 2014. – Т. 1, № 10 (14). – С. 104–107.
2. Петрюк, П. Т. Психиатрия при нацизме: проведение «Акции Т-4» с массовым участием психиатров. Сообщение 4 / П. Т. Петрюк, А. П. Петрюк // Психічне здоров'я. – 2011. – № 3. – С. 69–77.

3. Хандорф, Г. Убийства под знаком эвтаназии при нацистском режиме / Г. Хандорф // *Новости медицины и фармации*. – 2010. – № 329.

4. Латышева, В. А. «Смерть из жалости» – преступная политика на территории оккупированной Гомельщины 1943 г. на Гомельщине / В. А. Латышева : материалы междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. М. Куксо. – Гомель : БелГУТ, 2013. – С. 107–115.

5. «Моя борьба» Гитлера официально признана экстремистской литературой. Архивная копия от 1 марта 2011 г. на Wayback Machine // *Forbes*, 26.03.2010.

6. Гобино, Ж. А. Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона / Ж. А. Гобино. – СПб., 1908–1913.

7. Зверства германских фашистов. – М., 1941 ; Горбунов, Т. И. Гитлеровцы грабят и угнетают Белоруссию / Т. И. Горбунов // *Славяне*. – 1944. – № 9. – С. 13–15.

8. Раманюскі, В. П. Саудзельнікі у злачынствах / В. П. Раманюскі. – Мінск : Изд-во «Беларусь», 1964. – 288 с. ; Загорулько, М. М. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР / М. М. Загорулько, А. Ф. Юденков. – М. : Экономика, 1970. – 271 с.

9. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (16–29 января 1946 года). – Минск : Государственное изд-во БССР, 1947. – 472 с.

10. Кравченко, И. С. Борьба белорусских партизан против немецко-фашистских оккупантов / И. С. Кравченко. – Минск : Изд-во и тип. Акад. наук Белорус. ССР, 1950. – 24 с.

11. Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Документальная экспозиция / под ред. Рейнгарда Рюрупа. – Берлин : Argon, 1992. – С. 11–23.

12. Михайличенко, В. И. От научного редактора // Буханов В. А. Гитлеровский «новый порядок» в Европе и его крах (1933–1945) / под ред. В. И. Михайличенко, А. И. Борозняка : 2-е изд., доп. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2013. – С. 7.

13. Richards, G. «Race», Racism and Psychology / G. Richards. – Routledge, 2005. – P. 175–181.

14. Herinemann, I. Rasse, Siedlung, deutsches Blut: Das Rasse – und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas / I. Herinemann. – Göttingen : Erschienen, 2003. – 697 с.

15. Баринов, И. Украинский вопрос в пропаганде и политике нацистской Германии / И. Баринов // *Проблемы национальной стратегии*. – 2012. – № 2. – С. 155–169.

16. Міхнюк, У. М. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944) // У. М. Міхнюк [і інш.]. – Мінск : БелНДЦДААС, 1995. – 416 с.

17. Белорусские оstarбайтеры: угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944) : док. и материалы : в 2 кн. : Кн. 1. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1942) / сост. Г. Д. Кнатько [и др.]. – Минск : НАРБ, 1996. – 304 с.

18. Холокост в Беларуси: 1941–1944 : док. и материалы / Нац. арх. Респ. Беларусь, Белорус. Респ. фонд «Взаимопонимание и примирение», Междунар. акад. изучения нац. меньшинств ; сост. Э. Г. Иоффе, Г. Д. Кнатько, В. Д. Селемев. – Минск : Нац. арх. Респ. Беларусь, 2002. – 275 с.

19. Заложники вермахта (Озаричи – лагерь смерти) : док. и материалы. – Минск, 1999; Лагерь смерти Тростенец : док. и материалы. – Минск, 2003; Лагерь советских военнопленных в Беларуси, 1941–1944 : док. и материалы. – Минск, 2016.

20. Хатынь: трагедия и память : док. и материалы. – Минск, 2009 ; Трагедия белорусских деревень, 1941–1944 : док. и материалы. – Минск, 2011 ; Хатынский некрополь : док. и материалы. – Минск, 2014 ; Хатынские Деревья жизни : док. и материалы. – Минск, 2015 ; Хатынская Стена памяти : док. и материалы. – Минск, 2016 ; Сожженные деревни Белоруссии, 1941–1944 : док. и материалы. – Минск, 2017.
21. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье, февраль–март 1943 : док. и материалы. – Минск, 2013 ; «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1943 г. : док. и материалы. – Минск, 2018 ; «Корморан». Нацистская карательная операция в Беларуси, май–июнь 1944 г. : док. и материалы. – Минск, 2020.
22. Минская область в документах и материалах : сб. – Минск, 2013. – Вып. 3 : Оккупация, 1941–1944 гг.
23. Каваленя, А. А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ, 1999. – 235 с.
24. Литвин, А. М. Белорусская краевая оборона / А. М. Литвин // Неман. – 1994. – № 4. – С. 170–191.
25. Гриневич, Е. М. Сожженные деревни Белоруссии (1941–1944): документы и материалы // Е. М. Гриневич [и др.]. – М. : ИВЦ Минфина, 2017. – 504 с.
26. Дюков, А. Р. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Минская область // А. Р. Дюков [и др.]. – Минск : НАРБ ; М. : Фонд «Историческая память», 2022. – 783 с.

Научное издание

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
В СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТАХ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА,
ПОЛИТИКИ И ИСТОРИИ

Сборник научных трудов по материалам
Международной научно-практической конференции
(Минск, 23–24 ноября 2023 года)

Редактор *Н. И. Рудович*
Компьютерная верстка *Т. С. Тимошенко*
Дизайн обложки *Е. А. Полторжицкая*

Подписано в печать 20.11.2023.

Формат 70x100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 13,25. Уч.-изд. л. 14,11. Тираж 50 экз. Заказ ____.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/423 от 02.09.2014.

Унитарное предприятие «Типография ФПБ».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий
№ 2/18 от 26.11.2013.
ЛП № 02330/54 от 12.08.2013.
Пл. Свободы, 23/103, г. Минск.